

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

2/89

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

общественно-политический
научно-популярный журнал

2/89

орган всесоюзного добровольного
общества борьбы за трезвость

В НОМЕРЕ:

- 2 **Ф. Моргун,
Л. Овруцкий.**
**С тревогой о человеке и
природе**
Об экологии внешней
и внутренней

- 40 **В. ФЕДЯЕВ.**
**Бахтиор — значит счаст-
ливый**
Народным традициям —
жить

- 7 **С. ЩЕРБАКОВ,**
Сельский оком
Записки писателя

- 10 Чем раньше, тем лучше
Н. СТАВИЦКАЯ.
Что за званием?

- 14 **И. ГРИГОРЬЕВ.**
Зачет по курсу «трезвость»
Письмо из военного учи-
лища

- 20 **Г. МОГИЛЕВСКАЯ.**
**На Поклонногорской и в
окрестностях**
Кто нуждается в доброте
и милосердии

- 29 **В. ЕРОФЕЕВ.**
«Москва — Петушки»
Повесть

- 43 **Д. ДАВИТАШВИЛИ.**
Бесконтактный массаж
Несколько «секретов» ме-
тодики Джуны

- 48 Социальные проекты чита-
телей
А. ЛАБЕНСКИЙ.
**Конституция против «пра-
ведников» беды**

- 54 Клуб защиты от одино-
чества
Л. ИВАНОВА.
Найти друга

- 57 Гармония

Редакционный совет

Г. М. Блинов (г. Москва), А. В. Боровик (г. Омск), Э. Д. Брокан (г. Рига), А. А. Голиков (г. Москва), Н. И. Голубев (г. Москва), М. А. Дальсаев (г. Грозный), В. Н. Добровольский (г. Харьков), И. И. Драгун (г. Брест), П. П. Дудочкин (г. Калинин), Н. Г. Загоруйко (г. Новосибирск), А. И. Замотаев (г. Саранск), Э. Колга (г. Тарту), А. А. Константинов (г. Пермь), С. С. Красновидова (г. Ленинград), И. А. Краснонос — зам. председателя редсовета (г. Орел), Л. А. Кузьмина (г. Магадан), Д. А. Ле-

довской (г. Анадырь), Р. О. Лирмян (г. Москва), А. Н. Маюров — секретарь редсовета (г. Горький), А. С. Могилат (г. Москва), Т. Н. Новикова (г. Москва), Л. М. Овруцкий (г. Москва), Н. К. Паранич (Закарпатская обл.), В. Н. Попов (г. Казань), Л. Е. Попов (г. Томск), М. Саламатов (г. Ашхабад), П. И. Сидоров (г. Архангельск), В. И. Смага (г. Киев), Л. А. Ушакова (г. Н-Тагил), Ю. Н. Федоров (г. Ленинград), С. А. Федорченко (г. Пермь), В. Н. Халин (г. Москва), Г. М. Этин (г. Москва), Г. Я. Юзефович (г. Хабаровск).

Главный редактор
С. Н. ШЕВЕРДИН

Редакционная коллегия:

В. И. АРИСТОВ, А. В. ВОРОПАЙ, И. В. ДРОЗДОВ, Д. В. КОЛЕСОВ, Е. В. МАКУХИН, С. С. МАРАКУЛИН (заместитель главного редактора), Ю. И. РЫЖОВ, К. Г. СУРНОВ, Н. И. УДОВЕНКО, А. Ф. ФИЛИПОВ, А. В. ХЛУДЕНЦОВ (ответственный секретарь), Н. С. ЧЕРНЫХ, Л. К. ШАРОВ, И. И. ШЕСТОПАЛОВ

Телефоны редакции:

приемная — 209-18-39; отдел социальных проблем — 209-52-15; отдел морали и права — 299-13-31; отдел пропаганды и науки — 299-74-58; отдел быта и свободного времени — 299-57-65; отдел литературы, искусства и публицистики — 299-57-65; отдел оформления — 299-01-54.

Адрес редакции:

103006, Москва, ул. Чехова, 18—

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский полиграфический
комбинат ВО
«Союзполиграфпрома»
Государственного Комитета СССР
по делам издательств,
полиграфии
и книжной торговли,
142300, г. Чехов
Московской области

Сдано в набор 22.12.88
Подписано к печати 23.01.89
Формат 84×108¹/₁₆
Печать офсетная
А—03517
Печ. л. 4,0
Уч.-изд. л. 10,2
Кр.-отт. 28,56
Тираж 635 115
Заказ 3267

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательство ВЦСПС
Профиздат

Вниманию читателей! Просим по вопросам содержания журнала обращаться в редакцию, полиграфического брака — на Чеховский полиграфкомбинат, подписки — в ближайшее отделение «Союзпечати».

На 1-й с. обложки
фото А. Дитякина.
Читайте с 14

ИНИЦИАТИВА НЕ НАКАЗУЕМА

■ Понять истоки залпов прессы по трезвенническому движению не составляет труда. Дело здесь не только и не сколько в промахах Общества борьбы за трезвость (а они есть и немалые), сколько в широкой распространенности «культурпитейской» философии. «Общество борьбы за трезвость стоит на бескомпромиссных трезвеннических позициях... ставит своей целью достижение в перспективе полной трезвости в стране, — пишет нам активист ВДОБТ из Хабаровска В. Целикин, — поэтому-то такую злость и ненависть вызывает Общество среди «культурнопьющих», занимающих в силу своей массовости почти все ключевые посты в руководстве и в средствах массовой информации». Антиалкогольные меры натолкнулись на активное сопротивление, видимо, еще и потому, что в период демократизации многие усмотрели в сокращении алкогольного прилавка рецидив насилия над личностью. Так что давайте будем реалистами: для победы трезвости нужен серьезный поворот в сознании большинства населения.

О деятельности Общества народ будет судить не по словам, а по делам. Прописная истина, но усвоена она, увы, далеко не всеми во ВДОБТ. Первое, что может сделать каждый член нашего содружества — установить для себя нехитрый закон: не пить алкоголь в любой обстановке, не угощать других и личным примером утверждать престиж трезвой жизни. Второе — активная пропаганда. Не от того ли повсеместно находятся покровители выпивох, что люди плохо знают алкогольную ситуацию на своем предприятии, в районе, городе, не представляют трагических последствий пьянства для отдельных лиц, семьи, общества в целом. Иной может щегольнуть звонкой цифрой о том, сколько пьет средний француз и абсолютно не в курсе того, что творится у него под носом — автоаварии, грабежи, насилия, убийства. И все — на пьяной основе. Постоянно информировать людей о тревожной алкогольной обстановке, не давать спокойно жить пьяницам и торговцам сивухой, да и должностным лицам, если у них под боком вольготно чувствуют себя любите-

ли выпить, нарушители дисциплины, — вот достойная стезя для активиста.

Другая сфера приложения сил — помощь в организации здорового, полноценного отдыха. Заглянем в соседний дом культуры, на стадион или спортплощадку: почему пустыют? Задумаемся, как расшевелить людей, ставших добровольными узниками отдельных квартир, прикованными к телевизору и бутылке? Наверное, не стоит жалеть сил, чтобы опросить жителей своего микрорайона, узнать, что может их заинтересовать.

Жизнь учит, что лучше выбрать одно, но конкретное дело и добиться положительных результатов, реальных сдвигов. Под эгидой Общества возникают кооперативные предприятия общественного питания, хозрасчетные организации, занимающиеся досугом, спортом, удовлетворением культурных запросов людей. При Удмуртском республиканском совете ВДОБТ создан кооператив, работа которого направлена на избавление людей от пристрастия к алкоголю, курению, другим вредным привычкам. В арсенале энтузиастов нет ни лекарств, ни процедур. Деятельность хозрасчетного центра базируется на педагогических и психологических приемах воздействия на личность пьющего, разработанных основателем ленинградского клуба «Оптималист» Г. А. Шичко. На этих занятиях дверь остается открытой даже для тех, кто пришел навеселе. За 10 уроков (лекции, собеседования, индивидуальная работа) такой человек, как правило, добровольно переходит на позиции трезвости. По отзывам слушателей и печати абсолютное большинство «учеников» излечивается и в дальнейшем активно помогает другим в решении таких же проблем. Шестьдесят клубов страны применяют методику Г. А. Шичко. В Ленинграде и Удмуртии на этой основе планируется создать Центры здорового образа жизни.

Хорошую инициативу проявил Намский районный совет ВДОБТ (Якутской АССР), который во время молодежного праздника провел тираж своего спортлото. Выигравшие получили магнитофоны, мотоциклы, палатки, велосипеды, другой спортивный инвентарь. Из

поступивших денег 60 процентов пошло на оплату выигрышей, 40 — на проведение праздника. Хорошо решили активисты — деньги заработаем сами...

Действовать инициативно, творчески, быстрее выбираться из старой колеи — только на этом пути организации ВДОБТ могут заявить себя влиятельной силой. Пора выбросить на свалку лозунг бездельников застойного времени — «инициатива наказуема». Она наказуема только для тех, кто в любой работе видит кару, а не потребность души и тела.

Трезвенническое движение переживает сложный период. Сегодня оно напоминает крыловских Лебедя, Рака и Щуку. При таком положении очень трудно двинуть дальше, вперед к идеалу трезвости, воз нашего бытия, доставшийся нам из времен культа и застоя. Вот если бы вместе, сообща, как не раз писалось — всем миром... Сплотить под одними знаменами все направления трезвеннического движения, трудовые коллективы, жителей городов и поселков, деятелей науки, культуры и искусства, педагогические, медицинские коллективы, кооперативы, религиозные объединения, все организации, утверждающие трезвость, вот тогда стены алкогольного редута затрещали бы по швам. А что, не такая уж непосильная задача. Вспомним строчки из октябрьского постановления ЦК КПСС: «Решительное усиление борьбы за трезвость было и остается делом исключительной важности для всех партийных, государственных, общественных организаций, трудовых коллективов, правоохранительных органов».

Недавно состоялось выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР. Впервые наше Общество выдвинуло своего кандидата в высший орган власти нашей страны. Это большое доверие и большая ответственность. Потому что перестройка всей нашей жизни неотделима от дела утверждения трезвости.

С. МАРАКУЛИН, заместитель главного редактора журнала «Трезвость и культура»

С ТРЕВОГОЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И ПРИРОДЕ

Вот и в печати, и кое-кто из делегатов бросают упрек тем, кто предложил постановление по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Вы не правы, товарищи! Спасибо надо сказать Политбюро за этот документ, честный, если хотите, мужественный. Знаем, какая доля бюджета зависит от водки. Как троянский конь, водка присутствовала в кассовых планах. Поэтому повторяю, честный и мужественный этот документ заслуживает глубокого уважения народа. Нам же с вами, не сумевшим провести это дело в жизнь, допустившим нерасторопность, расхлябанность, не наведшим порядок, нам надо взять вину на себя и упорно проводить работу за настоящую трезвость.

Из выступления Ф. Т. Моргуна
на XIX Всесоюзной конференции КПСС

■ Прошел год с той поры, как был образован Государственный комитет СССР по охране природы. Этот мини-«юбилей» послужил поводом для беседы нашего корреспондента с председателем Госкомприроды Федором Трофимовичем Моргуном, видным партийным работником, бывшим первым секретарем Полтавского обкома КПСС. Предлагаем ее вниманию читателей.

Корр. На XIX Всесоюзной партконференции Вы были одним из немногих, а точнее говоря, единственным, кто выступил резко и определенно в защиту трезвости. Это было выступление «экологиста», трезвенника или политика? **Ф. Моргун.** Все мы знаем, сколько опасностей подстерегает человека в окружающей его природной среде. Небезопасны и социальная, экономическая, политическая среды. Тем более удивительно, сколько вреда наносит человек себе сам, как говорится, по «доброй воле», изнутри подрывая основы своего здоровья и благополучия. Алкоголь, курение, наркотики, беспорядочный образ жизни — все это, сопрягаясь с внешними воздействиями, подрывает его физическое и социальное здоровье. Поэтому

борьба за здоровье человека должна идти по всем направлениям. Что же касается моего выступления на XIX партконференции, то так мог и должен был выступить каждый гражданин, отец, дед, болеющий за судьбу своей страны, за будущее ее молодого поколения.

Корр. Многие думают, что понятие «экология» включает в себя только защиту окружающей среды, но не защиту самого человека, так сказать, «внутренней среды организма» от наркотиков, недоброкачественных продуктов и т. п. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

Ф. М. Как известно, в понятие «экология» одни люди вкладывают довольно узкий прагматический смысл, другие же делают его философски-безграничным. Я думаю, что оба этих подхода обоснованы. Ибо, чтобы понять суть экологии человека, можно идти как от частного к общему, так и от общего к частному.

Основы существа человека находятся как вне его, т. е. это природные, экономические, социальные, культурные, политические и иные условия, так и внутри, т. е. физиологические, психологи-

ческие, нравственные и прочие характеристики его здоровья.

По моему мнению, настало время говорить об экологии человека, понимаемой как единство его внешних и внутренних основ, характеристик существования как вида, которые должны постоянно поддерживаться на высоком уровне.

Корр. Работа по защите окружающей среды требует целостного, системного подхода. Считаете ли Вы, что такой подход уже является преобладающим в работе Госкомприроды или Ваше ведомство функционирует пока еще на основе плана разрозненных мероприятий?

Ф. М. Как отмечалось в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 07.01.88 г., в природоохранной деятельности министерств и ведомств СССР, советских и хозяйственных органов имели место серьезные недостатки. В частности, не обеспечен комплексный подход к охране природы и рациональному использованию природных ресурсов; развитие производительных сил в различных регионах страны осуществлялось без должного учета экологических последствий;

проблемы экологии фактически были отданы на откуп ведомствам, которые менее всего были склонны считаться с тем обстоятельством, что развитие экономики напрямую зависит от состояния окружающей среды. Стало очевидным, что дальше так продолжаться не может.

С созданием Государственного комитета СССР по охране природы сложились предпосылки для осуществления комплексного управления природоохранной деятельностью в стране. Прежде всего появилась возможность разработки и проведения единой научно-технической политики в области экологии, что предполагает координацию деятельности министерств и ведомств в этой области. Таким образом начала складываться целостная система управления охраной природы и природопользованием, в основании которой заложен системный подход.

В настоящее время разрабатывается долгосрочная Государственная программа охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на тринадцатую пятилетку и на перспективу до 2005 года.

Формируются так же целевые научно-технические программы, включенные в них задания взаимосвязаны по срокам, ресурсам и исполнителями и нацелены на комплексное решение конкретных научно-технических или региональных проблем.

Полагаю, что это дает мне право утверждать, что целостный, системный подход уже является преобладающим в работе Госкомприроды СССР.

Корр. Насколько можно судить, реакция общественности не вполне адекватна масштабу экологической угрозы. Чаще всего мы слышим голос протеста по каким-то локальным поводам. Скажем, люди выступают против строительства экологически «грязного» производства в их городе, но не возражают против такого строительства у соседей. Похоже, идея экологии, единой и неделимой, еще не овладела массами?

Ф. М. Я бы не стал столь категорично утверждать, что реакция населения не адекватна имеющимся экологическим проблемам. Можно сравнить развивающееся в нашей стране экологическое движение с полноводной рекой, которая подпитывается множеством больших и малых речушек,

ручeyков и т. п. Некоторые из них пересыхают, не донося свои воды до главной артерии, другие по тем или иным причинам меняют русло и т. д. Так и с общественным движением: оно складывается из отдельных поступков, действий различных групп людей, которые могут иметь как сходные, так и различные взгляды на существо экологической проблемы в данном конкретном месте или вообще, на пути ее решения. Одни группы, решив локальную задачу, прекращают свою деятельность, другие спешат на помощь туда, где она требуется, делятся своим опытом и изучают чужой, создают необходимое общественное мнение.

Сейчас экологическое движение в нашей стране, как мне кажется, переживает не только количественный «бум», но, что самое главное, качественные изменения. И часто отмечаемое стремление к единству, консолидации, координации действий, разнообразию методов борьбы за свои цели — одно из проявлений этого процесса. Примеров много — возьмите движение за спасение Байкала, Арала, Каспия, против переброски северных рек.

Существует, правда, и отмеченный Вами «местнический» экологический эгоизм — стройте, что хотите и где хотите, но только не у нас. Он присущ, к сожалению, не только отдельным экологическим группам, но и некоторым региональным руководителям. Мне кажется, что в этом сказывается наследие застоя, когда общественность не просто «оберегалась» от обсуждения острых экологических проблем (как конкретного региона, так и общесоюзных), но и выключалась напрочь из процесса принятия решений, затрагивающих ее судьбу. Создался порочный круг: людям не давали полной и достоверной информации по экологическим вопросам, в то же время общественность не привлекали к участию в решении этих вопросов на том основании, что ее мнение — мнение дилетантов.

Жизнь, однако, рассудила иначе: нельзя решать судьбу людей без их согласия и участия; житейский опыт, здравый смысл, гражданская позиция «дилетантов» во многих случаях перевешивали мнение специалистов.

Сейчас, в эпоху гласности и демократии, когда все явственней осознается серьезность надвигающейся

экологической угрозы, надо повернуться друг к другу лицом: обществу к ученым, а ученым — к общественности, и совместно искать выход из непростой ситуации. Стремление к такому сотрудничеству становится все очевиднее, его примеров все больше и больше.

Корр. В печати высказывались предложения о создании международной службы ликвидации последствий крупномасштабных экологических катастроф, таких, как авария на АЭС, лесные пожары, разлив нефти на больших площадях и т. п. Как Вы относитесь к этой идее?

Ф. М. Действительно, атомные электростанции, металлургические, химические предприятия, нефте- и газопроводы при авариях могут угрожать населению не только той страны, где они расположены, но и соседних государств. При этом тенденция к росту числа и масштабов происшествий характерна, к сожалению, для всех государств. Специалисты утверждают, что последствия таких аварий могут быть сравнимы с последствиями военных действий с применением современного оружия.

Опыт ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, а также аварии на химических предприятиях в Бхопале, Севезо и других показал, что многим государствам не под силу справиться с крупными катастрофами собственными средствами. Поэтому Советский Союз в 1986 году выступил с предложениями о разработке международного режима безопасного развития ядерной энергетики. Имеется в виду, в частности, создать в качестве важного компонента такого режима хорошо отлаженный механизм оказания помощи при возникновении опасных ситуаций и аварий.

В выступлении на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Э. А. Шеварднадзе подчеркнул, что экологические эксцессы последнего времени выдвинули на передний план задачу объединения и координации действий в разработке глобальной стратегии рационального природопользования. Нужна международная программа управления риском хозяйственной деятельности, перехода на технологии, щадящие человека и природу. В этой связи необходимо наладить эффективный механизм международного экологического сотрудничества.

Мы уверены, что всемирную экологическую катастрофу можно предотвратить только совместными действиями многих государств, конструктивным сотрудничеством всех заинтересованных организаций, в том числе и международной службы ликвидации последствий крупномасштабных экологических катастроф.

Одной из задач, стоящих перед Госкомприродой СССР в области международного сотрудничества, является как раз разработка предложений по предупреждению и устранению последствий крупных промышленных, транспортных аварий и природных катастроф. Госкомприрода СССР будет обеспечивать участие советской стороны в международных неправительственных организациях, занимающихся вопросами охраны природной среды и рационального использования ресурсов. При непосредственном участии международных организаций могут быть созданы фонды для оказания чрезвычайной помощи, в том числе для срочного обеспечения необходимыми техническими средствами, медицинскими препаратами, дозиметрическим и диагностическим оборудованием и приборами, предоставления пищевых продуктов и другой материальной помощи.

Корр. Совсем недавно СССР присоединился к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия человечества, открытой для подписания с 1972 года. По любым меркам, 16 лет для размышления — непомерно великий срок. Вы не находите?

Ф. М. Присоединение к этой Конвенции отражает положительные изменения, происходящие в стране в экологической, экономической и политической сферах. Видимо, период застоя наложил свой отпечаток на природоохранную политику нашей страны, и сейчас требуется удваивать и утраивать усилия с тем, чтобы преодолеть отставание и выйти на современный уровень. Мне кажется, что сейчас делается очень много в этом отношении, о чем говорят важные и своевременные экологические инициативы, выдвинутые нашим руководством на 43 сессии Генеральной Ассамблеи ООН и на других форумах.

Для нашей страны Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия человечества вступила в силу в январе прош-

лого года. В настоящее время Госкомприрода СССР предложила включить в число объектов, охраняемых в соответствии с Конвенцией следующие природные объекты:

— озеро Байкал с прилегающей к его акватории водоохранной береговой полосой;

— Кроноцкий государственный биосферный заповедник с уникальной долиной гейзеров (Камчатская обл.);

— территория опытно-показательного хозяйства НИИ сельского хозяйства Центральной Черноземной зоны им. В. В. Докучаева (Воронежская область — всемирный эталон Черноземья).

Корр. Очевидно, работа по охране природы не может быть уподоблена действиям пожарной команды, ибо после пожара всегда остается меньше, чем было до него. Даже если брандмайор сверхбдительный и суперэнергичный. Охрана природы — это, прежде всего, профилактика. Отсюда вопрос: располагаем ли мы заделом конструктивных идей и предложений по переориентации отраслевой и технологической структуры народного хозяйства? Существует ли план, позволяющий, в случае его реализации, блокировать нарушения экологического равновесия с тем, чтобы не приходилось потом его восстанавливать (всегда героически, но иногда безуспешно)?

Ф. М. Отвечая на этот вопрос, я бы хотел сказать, что в уже упоминавшемся Постановлении «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» и в самом факте образования Государственного комитета СССР по охране природы заложен профилактический механизм. Задачи, поставленные перед нами, нацелены на переориентацию отраслевой и технологической структуры народного хозяйства, на обеспечение сохранения и приумножения природных богатств в интересах настоящего и будущего поколений. Касаясь конкретных мероприятий, осуществляемых Госкомприродой СССР в настоящее время, я бы хотел остановиться на некоторых из них:

1. Совместно с ГКНТ СССР мы проводим работу по упорядочению системы научно-исследовательских организаций, занимающихся решением природоохранных проблем, для развития исследований в наиболее актуальных направлениях науки и техники.

2. Госкомприрода СССР совместно с АН СССР и другими заинтересованными министерствами и ведомствами разрабатывает стратегию экологической безопасности, включающую в себя как вопросы экономики природопользования, так вопросы предотвращения последствий непредвиденных с точки зрения экологии народнохозяйственных решений. При выборе стратегии мы учитываем необходимость полного согласования всего комплекса существующих и прогнозируемых экономических, социальных и экологических факторов и степень их влияния на возможности достижения общественных целей.

3. В своей деятельности мы широко используем и будем использовать международное сотрудничество в области оперативного решения локальных и глобальных экологических проблем, чему служит примером спасение китов совместными усилиями советских и американских специалистов.

Корр. Прошедшая сессия Верховного Совета СССР утвердила ассигнования на улучшение экологической обстановки в стране (1989 г.) в размере 3 миллиардов рублей. Считаете ли Вы эту сумму необходимой и достаточной?

Ф. М. Для того, чтобы существенно улучшить экологическую обстановку в стране, этой суммы безусловно недостаточно.

В проекте долгосрочной Государственной программы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на тринадцатую пятилетку и на перспективу до 2005 г. общий объем ассигнований для обеспечения строительства природоохранных объектов определен в 130—140 млрд. руб. Таким образом, уже в ближайшее время мы должны будем выделять на охрану природы ежегодно в 3—4 раза больше средств, чем сейчас. Однако нужно иметь в виду, что даже выделяемые сегодня государством средства осваиваются не более, чем на 90 %. Так что проблема не столько в том, что выделяется мало финансовых ресурсов, сколько в том, что действующий хозяйственный механизм не стимулирует проведение активной природоохранной политики министерствами и предприятиями.

ВЕРНУТЬ ПАРК К ЖИЗНИ!

■ Не кажется ли вам, люди, что нетрезвый образ жизни не есть следствие только пьянства. Не кажется ли вам, что в нашем обществе с некоторых пор многие изначально стали думать нетрезво, нетрезвым взглядом вокруг себя смотрят и посему многого в дурмане не замечают. О том, что мы наворотили, можно прочесть сегодня в любой газете. Мы прозрели, начинаем понимать и причины социальных противоречий, и истоки психологического дискомфорта личности — не из-за того ли множились наши пороки, росло и пьянство?

Не стану в этой короткой статье пытаться объять необъятное наших «отдельных недостатков». Поговорим, например, о природе. Из нее вышел человек со всеми своими человеческими проблемами.

Далеко не пойдём. Приглашаю вас в подмосковный заповедник «Лосиный остров». Не боюсь оконфузиться, когда вы попеняете на пустые винные бутылки и консервные банки, коих здесь, как грибов, разбросано, ведь вы тоже хозяева «Лосинки». Впрочем, эта распивочная на открытом воздухе, как я уже сказал, является следствием. Чего?..

Любимый москвичами парк в начале восьмидесятых получил статус государственного природного национального заповедника. Долго его терзали. Неимоверное количество свалок выросло вдоль границы защитной зоны парка. Разные строительные организации стремились вопреки протестам общественности отхватить участки рядом с «Лосинкой» и скорее заложить стройку. Бесконечные улицы гаражей вы можете встретить, если прогуляетесь вдоль границы парка.

Можно утверждать, что культуры строительства у нас нет. Так по какому праву исполкомы Советов

народных депутатов допустили строителей близко к парку вопреки мнению своих же избирателей?

Один из примеров: на улице Подбельского по разрешению исполкома Куйбышевского районного Совета на водосточной канаве по границе гослесфонда были построены гаражи кооператива «Москвичка», что повлекло за собой затопление леса и массовую гибель деревьев.

Нашествие строителей — одна беда, а другая — временщики на должности директора парка. Ни один окрестный житель, ни один общественный инспектор Управления охраны природы Мосгорисполкома не скажет доброго слова об одном из таких деятелей — Кирсанове.

При нем в «Лосином острове» рубилось, уничтожалось, вывозилось, сжигалось все подряд. Помню, на заседании технического Совета ВООПР два года назад завели разговор о рубках в «Лосинке». До сих пор у меня перед глазами костры в пятьдесят третьем квартале парка, вдоль асфальтовой дороги. В огонь бросали аккуратно попиленные молоденькие березки. А где-то в глубине леса злобно визжала пила.

Когда на том заседании люди, болеющие душой за природу, не скрывая негодования, высказались по этому поводу, заместитель директора парка В. Е. Осипов ответил: мол, дилетанты вы.

Пошел я с этим вопросом к куратору «Лосинового острова», главному инженеру Управления лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома Ю. И. Пономаренко, и он мне то же самое сказал, да еще добавил, что мнение масс учитывать не собирается. Сейчас-то, может, и Осипов, и Пономаренко не вспомнят те свои слова: на дворе-то перестройка, не в духе, как говорится, будет. Кирсанова все же из директорского кресла выперли. Но остались свидетельства административного произвола (на снимках). Кто теперь ответит нам, дилетантам, куда исчезли из парка знаменитые пятнистые олени? Не говоря уж о многих видах цветов и бабочек.

Больно вспоминать, что из «Лосинки» ежегодно планировали вывозку 5—6 тысяч кубометров древесины, называя это варварство профилактическими рубками и

рубками ухода. Для чего создавался этот уникальный ландшафт, разве для промышленных лесоразработок? Так почему же безнаказанно творилось беззаконие? Ответ в бухгалтерской ведомости: за выполнение плана по рубкам в твердых объемах и своевременную реализацию древесины платили солидные премии начальству парка. Один из егерей, Смирнов, как-то воспротивился обману государства, рассказал обо всем в «Комсомольской правде». Выжили егеря. Чтобы продолжать грабить природу.

Вот бы сейчас нам всем встать на защиту «Лосинки», потребовать вернуть парк к жизни. Ведь от бездумных строек повысился грунт в буферной зоне парка, и

теперь веснами в низинах скапливается вода, настоящая на свалочном мусоре. Предприимчивые головы из Куйбышевского райисполкома надумали строить на прудах близ улицы Камчатской общественный туалет. А Калининградский исполком собирается возвести на заповедной земле котельную...

Только не верьте байкам, что общественный туалет среди леса крайне необходим. У нас с годами выработалась привычка верить авторитетам, а не логике. Гражданские, человеческие чувства в расчет не принимались. Беспокойся, мол, если ты такой сердобольный, а в дела «специалистов» не лезь. Люди! Когда ж мы наконец трезвеем и окультуримся?! Когда

ж дойдет до сердца простая истина: убивая природу — себя убиваем.

Не хотелось бы, чтобы этот призыв оказался гласом вопиющего среди гибнущего леса. Может, призыв этот найдет отклик в душах людей с трезвым взглядом на причины и следствия наших общих бед. Надеюсь встретить единомышленников среди активистов Общества борьбы за трезвость. Почему бы Московскому городскому совету Общества не двинуть свои силы на помощь «Лосинке»? Вот дело, достойное трезвого рассудка и созидательного досуга.

А. РЕМИЗОВ,
студент МГУ

Фото А. РУНОВА

ЧЕЛЯБИНСКИЙ SOS

Нет, читатель, этот тревожный сигнал раздался не в акватории Тихого и коварного океана. Не было тайфуна, не было бледного, трясущегося радиста, из последних сил сжимающего микрофон вышедшего из строя передатчика. Да и сам SOS оказался будничным, тихим, сереньким. Его мало кто услышал. Да и эти немногие сделали вид, что не слышат. Потому как не сам SOS важен, а те люди, кто его подают. Вот ежели бы сигнал бедствия подал директор тракторного завода или, скажем, председатель горисполкома — тогда да, тогда со всех ног, кто с огнетушителем, кто со спасательным кругом, кто еще с каким дефицитом. А тут смешно сказать, алкоголики забеспокоились. Ну еще их жены. До них ли? Кто-то прошептал: они хоть и того, но ведь тоже люди...

— То, что они — люди, я, поскольку время сейчас такое, спорить не буду, — сказал управляющий трестом Южуралэнергострой М. И. Антоненко. — Зато у нас хозрасчет, самофинансирование и это, как его, самоуправление. Поэтому вот вам бог, а вот порог.

Последние слова предназначались для Челябинского областного наркологического диспансера. И был в них тайный, он же явный, смысл: выметайтесь-ка, дорогие наркологи, вместе со своими пациентами,

из нашего дома в Ленинском районе. Кто-то опять негромко высказался: так ведь в отделении-то — 60 коек, аппаратура всякая... больные, слава богу, не бесплатно лечатся, работают в том же тресте, пользу ему приносят, поскольку трудотерапия...

Куда там. Трест остался неприступен и холоден, как айсберг, о который споткнулся печальной памяти «Титаник».

Если уж зашла речь о затонувшем гиганте, то логично вспомнить недогадливого его капитана. А вспомнив и проложив ассоциативную цепочку, упереться в главного врача областного диспансера Б. Г. Инчина и в заместителя заведующего челябинским облздравом С. И. Матвеева. Наткнувшись на Южуралэнергострой, они дружно «пошли ко дну», отдав себя, а заодно и больных на волю административных волн.

И опять раздался шепоток, а чего, собственно, взять с треста, он теперь весь в бизнесе, а дом-то ему вовсе не нужен, нужны деньги. Заплаты, он и отступится. Сколько платить? Да не так чтобы уж много, 21 тысячу за аренду. Где наскреести? Хотя бы у других предприятий, им тоже алкоголиков своих лечить где-то надо, да и от нескольких десятков дополнительных рабочих рук не откажутся. Откажутся? Им тоже плевать? Ну тогда и сам диспансер может раскошелиться, благо сорок процентов заработанного его пациентами идет к нему в карман...

Но, как сказал поэт, «волны сомк-

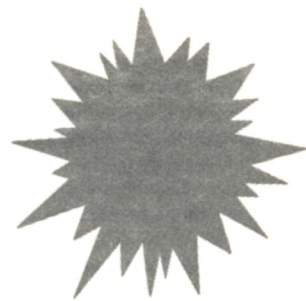
нулись над ним» (то бишь над областным диспансером). И молчание разлилось в Челябинске.

И в угрюмом этом молчании зреет опасность, что всегда готовые к погружению местные медицинские руководители будут «топедированы» и другими предприятиями города, которые держат на балансе, а следовательно, и владеют всеми другими помещениями, где расположились районные и городские флагманы челябинской наркологии. Между прочим, электрометаллургический комбинат уже запустил «торпеду», стремясь отобрать у диспансера дома по Ферросплавной улице. Так что SOS продолжает звучать. Наркология ждет «доброе дядю». А «добрый дядя», не дай бог, встанет не с той ноги. И вместо того, чтобы быть добрым, отберет, отсудит, изымет. И куда тогда деваться... нет, не руководителям облздрави, а больным?

А. ПЕТРИН,
Челябинск

Р. С. Ладно, допускаю, электрометаллурги уступят. И дома на Ферросплавной улице достанутся наркологической службе. Но вдумайтесь в название улицы. Мощное название, не правда ли. Оно, кстати, очень хорошо подчеркивает состояние экологической обстановки в данном микрорайоне. Да-да, жить там нельзя. Вредно. Поэтому всех жильцов выселили. И вот на их место диспансер готов привести больных. И лечить... Что это будет за лечение, мне так никто и не сказал.

СЕЛЬСКИЙ ОКОЕМ

Сергей Щербаков
записки писателя

■ В детстве, глядя на синюю металлическую табличку с названием моего родного села, я всегда радовался, что кто-то стер нижнюю палочку у буквы «с». Получилось «г. Мухоршибирь». Мне даже верилось, что Мухоршибирь и вправду может показаться проезжающим настоящим городом, а не обыкновенной забайкальской деревней.

Потом я вырос и уехал жить в большие города. Приезжая в родной Мухоршибирь, я уже как-то не радовался, что село и впрямь приобретает городской вид.

* * *

Старики В. встретили меня ласково. Когда я сказал, что зашел на пять минут, что надо мне бежать по делам, они и слушать меня не стали. Поджарили картошку на сале, достали из погреба соленую черемшу и конфеты-«подушечки», которые я не видал, наверно, лет пятнадцать. Не обессудь, мол, за бедное угощение, чем богаты, тем и рады. Пожалели, что бутылки у них нету. Хотя вина у них сроду не водилось. А я действительно обрадовался их ласке, «подушечкам», живо воскресившим детство.

Хозяин, как всегда, молчал, уперев руки в колена, а хозяйка, обычно так же скупая на слова, вдруг разговорилась, разжаловалась: «Какая теперь наша жизнь? Лучше бы не жить вовсе. Никогда не думала, что у меня такая старость будет. Шестерых сыновей вырастили, а теперь одни со стариком остались. Сижу иногда и с сыном Колей разговариваю (она кивнула на портрет на стене). Наплачусь досыта».

Потом она нарасказала всяких случаев из жизни. Будто недавно, не то нынче, не то в прошлом годе, не то в нашем районе, не то в соседнем, один сын заболевшего отца в больницу повез. Привез его в какой-то дом, в коридоре оставил. Мол, посиди, батя, я за врачом схожу. Сидит себе старик, сидит. Не идет никто. Забеспокоился он, а спрашивать стыдно, сыночку обидится за такое недоверие.

Вот он и просидел молчком весь день, а вечером ему говорят: «Ты кто такой? И что здесь делаешь?» Ну он ответил, а ему говорят: «Это дом инвалидов, отец, а не больница». Как услышал он такое, так сразу у него сердце лопнуло.

А другие еще лучше придумали. Дом вместе с матерью продали. (Это тоже недавно и недалеко случилось.) А она хоть и покладистая старушка, но порядок у нее в доме был свой заведен. Вот она как-то не выдержала и сделала «гостям» замечание, а они возьми да и скажи ей: «Ты, мол, сиди и бога благодари, что мы тебя на улицу не выкинули, дом-то наш теперь». Старуха сразу с ума сошла. Во как.

Тут уж я не сдержался, сказал, что у них дети хорошие, честные труженики, душевные люди. Ну а что редко проведывают, так в городе-то жизнь такая светливая, что как бы вечером до кровати доползти. Однако хозяйка упрямо ответила: «Не-е. Может, наши-то такого и не содеют, но мать повидать обязаны и оправдания им нету. Давеча зашла ко мне соседка. Мол, хочю посоветоваться. У нее детей нет, так она дура надумала в детдоме взять. А я ей: ты что, пеленки не стирала? А больше ничего хорошего от нынешних детей не увидишь. Не бери. Теперь лучше детей не заводите».

Вышли мы с хозяином на крыльцо. Он рассказал, что старуха в микрорайон хочет. Там, мол, дома с удобствами, а он против. «Здесь хоть садик мало-мало, картошка». Я смотрел на двор, густо заросший травой с одуванчиками, и думал, что ничего-то у них не осталось, даже куриц, не то что поросят. Зато сытая злая собака есть, которой охранять нечего. Открестьянствовались старики, вот и берет их тоска.

Выйдя от них, я встретил знакомого охотника. Смотрю, у него вместо правой руки культя и на ноге полстопы осталось. Спрашиваю, где это его угораздило, а он отвечает: «Да в прошлом году пьяный

напился, упал и отморозил». Сказал без стыда, но с каким-то злым осуждением к себе. Видимо, потому и нестыдно теперь, что по важнее стыда истина открылась ему. Другой знакомый старик не стал, как обычно, при встрече говорить, что дела у него известны какие, стариковские, не спросил, что в Москве новенького, а как-то сразу, не по-деревенски, брякнул, что дочка пьяная напилась и ногу сломала. Но это-то еще ладно. У других вон сын пьяный на ходу из машины вывалился, разбился насмерть.

* * *

Не отпускает пока водка народ. Вот и М. очень точно сказал мне: «Я вчера заколдованный пришел. То есть пьяный. Но когда и кто нас расколдует? На этот вопрос М. ответить не смог.

Ответ же могла знать только Тамара Васильевна Синельникова. Эта шустрая звонкая женщина всегда на виду, всегда в гуще новых событий. А уж в перестройке само собой. Вот, казалось бы, ее стихия. Но вопреки ожиданиям встретила она меня тихо и как-то по-родственному спокойно.

Собирая на стол, Тамара Васильевна сокрушалась: «О чем ты говоришь... Перестройкой у нас и не пахнет. Пьют столько же, если не больше. Само руководство с пьянкой не борется. А я одна что сделаю? Приду в очередь, порядок наведу, каждого спрошу, почему он тут стоит. Секретарь райкома партии Карпов как-то говорит мне: «Ты так скоро и меня удержишь?» Конечно, говорю, попадешься и удержишь».

Ее действительно боятся и уважают в селе все пьяницы. И надо было, конечно, ее назначить, прошу прощения, выбрать, председателем местного общества борьбы за трезвость, но руководство «трудоустроило» на это место пенсионерку (у нас в стране всегда так делали, да и по сей день делают — бывших руководящих работников, чтобы они не шибко скучали на одной пенсии, устраивают на второстепенные, по мнению руковод-

ства, но с приличным окладом должности). Несколько раз я приходил к председателю общества борьбы за трезвость, но в дом зайти так и не решился. Сидя у окна, она что-то вязала. Что ж, достойное для пенсионера занятие, но при чем здесь борьба за трезвость? Разве что надежда увлечь мужчин личным примером?

Я спросил Тамару Васильевну о зонах трезвости в районе, памятуя, что на весь район осталось три винных магазина. Она ответила: «На первый взгляд это хорошо. А то объявили зоны трезвости — и все. Больше никто пальцем не шевельнет. Раз на бумаге зона трезвости, то можно считать, что пьянства там нет. Отчитались где надо и гора с плеч... Надо всем миром создавать такие условия, чтобы отвратить людей от пьянства. Сейчас старое да доброе все забыли, а нового не придумали. И детям, и взрослым заняться нечем. Иждивенческая психология во всех въелась. Каждый что-то ждет от государства, требует, а лучше бы сел вечером да крепко подумал: а я-то сам что для государства сделал. У нас ведь теперь все за бутылку делают. Душевности, родственности у людей не стало. Все это водка сгладила. А так хочется, чтобы лучше была наша Мухоршибирь».

Слушал я Тамару Васильевну и понимал ее обиду. Ей за все ее труды — 80 рублей пенсии, а тем, кто равномерно в учреждениях штаны протирал (она прямо назвала таких), — персональные пенсии. Я знаю ее с детских лет, жил на одной улице, дружил с ее сыном и могу точно сказать, что дело здесь не в деньгах и не в амбиции, а все в той же поправной справедливости. А раз нет справедливости, то и руки сразу опускаются. Слава богу, у Тамары Васильевны они пока не опустились.

* * *

У Владимира Геннадьевича Яковлева руки тоже пока не опустились. Хотя есть от чего. С ним сам райком партии во главе с первым секретарем В. И. Карповым войну ведет. Один учитель математики против партийного руководства района!

Когда мы познакомились, я первым делом отметил скромность его одежды и манеры поведения. Передо мной сидел уставший чеховский интеллигент. Вот только разговор у него наш, местный, но

это ему очень идет. Яковлев наш мухоршибирский самородок. Здесь родился, здесь женился, здесь работает. Всю жизнь воевал с бюрократами и нечестными людьми. Но все это было как бы прелюдией к главному его делу.

Он сотворил новую модель школы. Такой еще нет в Советском Союзе. Есть школы Ильина, Шаталова и других, а вот такой нет. Те школы держатся на личности одного человека, их в других местах воспроизвести трудно, а модель Яковлева тиражируема. Ее в любом месте с любым преподавательским составом можно внедрить. Было бы желание.

В чем же суть яковлевской модели? Школу разделили на несколько центров: точных наук, литературы и искусства, человека и природы, труда и т. д. Учителя в центрах как бы взяли бригадный подряд. Теперь за результаты они отвечают все вместе (классное руководство с 7 классов отменено), вместе планируют работу, вместе занимаются оформлением центров (а не каждый свой класс как раньше). Происходит специализация преподавателей. Каждый ведет те разделы, которые ему больше всего удаются. В результате ученикам интересно, да и самому учителю. Нет места «нудянке». Оценки отменены. Яковлев считает, что двойкой и тройкой мы приучали ребят быть посредственностями. Пройденный материал не спрашивают. Зачем зря время терять. Учитель и так должен иметь понятие, каковы знания его учеников, иначе грош ему цена. В классах теперь нет атмосферы страха — спросят не спрося. Ученики сами часто предлагают тему урока. Выполнившие задание могут идти гулять. Система наказаний отменена.

Правда, официально модель вводится только с этого учебного года, но Яковлев уже доказал ее перспективность в своих классах. Результаты блестящие. Самый главный — его ученики любят учиться и уровень знаний у них выше, чем в других классах, да и самостоятельностью мышления и поведения они отличаются в лучшую сторону.

Однако судьба модели еще под большим вопросом. Партийное руководство района всячески тормозит школьную перестройку. В чем же дело? Сам Владимир Геннадьевич, как всегда, говорит об этом напрямую: «Да разве по душе нынешнему партийному руководству

района, насквозь бюрократившемся, наша школа, школа демократии. У нас в районе, считаю, главный тормоз перестройки — это райком партии».

Но все же, каковы аргументы партработников? Нет, они не против модели, хотя опасения высказывают (дескать, неизвестно, до чего может довести эта демократия). Они против самого Яковлева. Несерьезный, мол, человек авантюрного плана. В чем же его несерьезность и авантюризм? А вот в чем. Война Яковлева с партийным руководством района началась, когда он работал партторгом одного из колхозов. Председатель колхоза Мальцев А. П., человек известный в республике своими трудовыми победами, был нечист на руку. Короче говоря, воровал государственное добро и установил в хозяйстве что-то вроде своего маленького культа личности. Мне рассказывали такой случай.

Как-то после получения очередной правительственной награды Мальцев так «накушался» на природе, что саму награду-то и потерял. На другое утро перед колхозниками была поставлена «трудовая» задача — во что бы то ни стало найти награду Родины. За работу каждому «поисковику» была обещана бутылка водки, ну а с нашедшим расчет особый. И несколько десятков человек, бросив работу, ползали по лугу чуть не на коленках. И выполнили-таки задачу.

Такая обстановка Яковлеву не понравилась, и он сказал Мальцеву: «Давайте все это кончать». На что ему было отвечено: «Меня скоро на повышение возьмут, так ты на моем месте будешь сидеть, на рожон зря не лезь, рога обломашь». Но Яковлев оказался несговорчивым. Попробовали его подкупить, припугнуть. Не удалось.

Борьба продолжалась долго, но каким-то чудом правда восторжествовала. Мальцев был снят с работы и осужден за воровство..

Однако Яковлев на этом не остановился. Когда стал заведующим районного отдела народного образования, то сразу же уволил с работы трех директоров школ за воровство. Дело было очевидное, но райком и здесь нашел повод проучить Яковлева. Его в очередной раз вызвали «на ковер» и обвинили на этот раз в национализме. Все директора оказались бурятами. Я могу предположить, что если Яковлев и националист, то только в том смысле, что с русских он

спросил бы еще строже. Решение свое он не отменил и на другой день нагрянула в район ревизия, которая в результате самой тщательной проверки обнаружила, что в одной школе украли машину дров. Заврайоно был объявлен выговор, и пришлось оплатить пропавшие дрова. А «доброхоты» шепнули, мол, это еще цветочки.

Подумал Яковлев, подумал и решил, что эти люди ни перед чем не остановятся. В общем, подал он заявление и ушел работать учителем математики. В райкоме обрадовались — наконец-то обломали, да не тут-то было. Яковлев эксперимент затеял, всю школу с ума свел. Одни на него с жалобами, что работать не дает, покушается на самое святое — «на отметки, на дисциплину». Дескать, к чему могут привести крамольные яковлевские мысли: «Не только класные руководители не нужны, но даже пионервожатые. Все это опека, няньки. Пора самостоятельных людей растить».

И, наверное, несдобровать бы Яковлеву на сей раз, но учителя сумели оценить модель Яковлева и выступили в его поддержку. Людям стало интересно жить и работать. И министерство народного образования поддержало новатора.

Сказать, что вся эта нервотрепка мало сказалась на Владимире Геннадьевиче, нельзя. Он признался мне, что бывали иногда минуты, когда он думал о самоубийстве. Устал человек. Честно говоря, я сейчас пишу, а у самого на душе тревога, как там Яковлев. Однако я вспоминаю его любимое при словие: «Вы не подумайте, что я Мюнхгаузен», — и верю, что он как раз Мюнхгаузен в самом высоком и лучшем смысле этого имени.

* * *

На прощание я прошелся по вечернему Мухоршибирю и за весь вечер повстречал одну влюбленную парочку да двух собак. А село в зелени потонуло, чистенько, благо-

устроено все. Отличный стадион есть, большущий прекрасный парк и даже ипподром. Но они, по словам редактора районной газеты Петра Григорьевича Мурзина, только для галочки на свет возникли. «У нас ведь главное построить, отчитаться, а ходят ли туда люди — до этого уже никому дела нет. Народ приходит в общественные места теперь только когда ярмарка или когда пиво дают. О борьбе за трезвость и говорить не хочется. Мы ведь не с пьянством, а с бутылкой боремся, так что толку никакого нет. На сурхарбане спортсменов на парад собрать не смогли». На въезде в село я постоял перед огромным сооружением из кирпича, которое обозначало «Мухоршибирь». Настроение у меня было смутное. Я почему-то опечалился, что никакой буквы теперь перед названием села нету. Ни «с», ни «г». Вспомнил, как усиленно старались мы стереть грани между городом и селом.

ВОДКА ДЛЯ ВЕТЕРАНА

Пишу вам первый раз. Не могла вытерпеть, чтобы не написать. Нигде не могу я узнать: когда-нибудь кончится эта проклятая водка! Или она будет существовать, пока не погубит весь народ!

Мой муж пьет уже 20 с лишним лет. Сколько я переплакала из-за этой проклятой водки, а сейчас сын вырос, отслужил армию и пьет запоем.

Не было бы этой проклятой водки, и жили бы мы спокойно. Сколько пишем мы, жены и матери, и в газеты, и в журналы! Все просят помощи. Но говорят: план горит. Получается, что мы должны страдать из-за планов. Тогда хоть продуктов побольше завозите. Но мы в нашей деревне Никулино ничего не видим. Даже яблок и тех нет. Что покупать в магазине! Нечего! Колбасы привезут 50 кг, по сто граммов на человека. А водку как привезут, так и выполняются все планы: бери ее — сколько хочешь.

Был случай, который я никогда не забуду. В праздник Победы объявили, что ветеранам будет выделена колбаса. Хорошо, пришли в магазин ветераны, а им заявляют: колбасы нет. Сельский Совет выделил вам по бутылке водки, берите, пожалуйста, «на здоровье».

П. Т., Тюменская обл.,
д. Никулино

Через журнал «Трезвость и культура» я хочу обратиться к нашему правительству. Не надо снижать цены на спиртное и отменять лимит продажи алкогольных напитков! Подумайте прежде о детях. Уродами их делают родители-пьяницы. Бросают. За годы после Указа страна наша более трезвыми глазами смотрит на окружающий мир. Мы сразу заметили многие недостатки, на которые раньше старались не обращать внимания.

И. СИЛЬЧЕНКО
Находка

Решение Ленгорисполкома «О неотложных мерах по упорядочению торговли винно-водочными изделиями» является крупным отступлением властей Ленинграда с позиций трезвости. Выходит, идея отрезвления общества не получила дальнейшего развития? И вот результат. Неужели чем хуже, тем лучше? Все же жалко народ. Жалко колеблющихся, которые теперь, после расширения сети торговых точек со спиртным, вряд ли станут на путь трезвости.

Л. МИТИН,
трезвенник по убеждению
г. Ленинград

Прочитала в газете «Труд» интервью с заместителем начальника Главпродторга Минторга СССР А. Конобовым, озаглавленное так: «Вносятся коррективы». И до того обидно стало, что даже слезы выступили на глазах. Значит, боролись мы с пьянством зря? У нас в городе Артемовске оставалось 2 или 3 магазина, которые торговали спиртным. И как-то жить поспокойнее стало. А сейчас что будет, если Минторг СССР намерен увеличить производство спиртного и более того — коньяк, шампанское, пиво и вино продавать в обыкновенных продовольственных магазинах? Не лучше ли было пойти по другому пути — принять более строгие меры по борьбе с самогонварением и разбазариванием продуктов? Я думаю, что мое письмо со словами возмущения будет не единственным в вашей почте...

Л. КУЗЬМИНА,
библиотекарь
г. Артемовск

ЧТО ЗА ЗВАНИЕМ?

Интересно, в скольких теперь поселках, районах после недавнего постановления Центрального Комитета партии признают, что называться «зоной трезвости» они не имеют права? Не доросли еще до этого звания. Однако хочется верить, что на Новохоперском хлебоприемном предприятии табличка с надписью «предприятие объявлено коллективом трезвости» так и останется висеть на самом видном месте — у ворот проходной. Но главное не в ней, конечно. Главное, что вряд ли после того, как люди почувствовали тягу к трезвой жизни и с ясной головой взялись за дело, они изменят отношение к пьянству: непримиримое на благосклонное.

■ Столько было споров о том, что поможет изгнать из нашей жизни «злодейку с наклейкой!» Многие толковали об организации досуга: научим человека культурно и весело отдыхать — разве понадобится тогда ему «подогревать» веселье? Виктор Васильевич Салащенко, директор предприятия, о котором наш рассказ, согласен: по-настоящему содержательный досуг, а не потуги массовиков-затейников или скучнейшие лекции — одна из серьезных форм борьбы с пьянством. Только в своей повседневной практике он отдает предпочтение другой форме. Считает, что на всех предприятиях надо с нее начинать — с развития социальной сферы.

Салащенко много лет проработал председателем колхоза. У него на глазах протекали сложные, болезненные процессы, о которых говорят: «лес рубят — щепки летят». Особенно болезненным было объявление сотен, если не тысяч деревень неперспективными. На хлебоприемном предприятии собралось немало «щепок» родом оттуда, из исчезнувших с лица земли деревенек, напоминающих о себе лишь названием в паспорте, а то вдруг выплывающих в памяти нежно-щемящими картинками детства...

Лет восемь назад здесь наблюдаелась та же печальная картина, что и в других местах. Неудовлетворенность жизнью, ощущение «нестыковки» слов и дел на разных уровнях люди пытались заглушить

вином. Его завозили, бывало, в райцентр вагонами! К одной болячке добавилась другая: чуть ли не всех подряд стал поражать вирус иждивенчества. Отторгнутый от земли селянин вместе с неоперившимся юнцом запели в одну дуду. Мотив той песни известный: государство обязано нас всем обеспечивать!

Но под спудом этой коросты, разных наслоений должна была жить, пульсировать жилка, которую называют тягой к крестьянскому труду. Не могло же в конце концов то, что было в крови у наших дедов и прадедов, выветриться за какие-то десять — пятнадцать лет, рассуждал Виктор Васильевич, обдумывая идею создания высокорентабельного подсобного хозяйства. Рабочие за его идею ухватились — свой свинарник на сто с лишним голов, своя конюшня, свои посевы овса, ячменя! Все свое! Видно, поднадоело им жаловаться, дескать, голова постоянно забита треклятыми житейскими вопросами, где достать продукты, чем кормить семью. Ведь не пропившие вконец совесть осознавали: сами-то они ничего не сделали, чтобы изменить положение...

В разговоре со мной Виктор Васильевич заметил: вряд ли их небольшой коллектив из шестидесяти пяти человек сумел бы построить все в рекордно короткие сроки, если б не атмосфера, которая стала складываться в стране и благотворно влиять на многие

начинания. Не стал он, человек честный и откровенный, скрывать другое. Что до Указа по преодолению пьянства и алкоголизма лично ему не доставало твердости в подходе к питейному вопросу. Кто не знает, что прежде одним из признаков силы руководителя считалось его умение пить? Он в когорту этих «сильных» не входил, но если не мог найти предлог, чтобы счастливо избежать организации пикничков или банкетов для вышестоящего руководства, то вынужден был скрепя сердце потчевать «гостей».

— Грустно об этом вспоминать, — сказал он. — А выигрыш от развенчания культа «дружеской попойки» большой, на какую сторону нашей жизни мы с вами ни посмотрим. Взять хотя бы строительство. Каждый из нас отработал три с половиной субботы. Но представьте, сколько субботников потребовалось бы для этого в небольшие для памяти времена, когда большие стаканы за «ударный труд» поднимали, чем трудились?

Теперь о самом подсобном хозяйстве. Пожалуй, прошла пора радоваться одному лишь их появлению на больших и маленьких предприятиях. Важно, насколько серьезно сумели там дело поставить! Если так, как, допустим, на одном из воронежских заводов, где себестоимость мяса составляет 9 рублей, то стоило ли городить огород? Меня интересовали цифры. Виктор Васильевич стал охотно их называть.

Себестоимость мяса не превышает здесь 2 рублей. По этой цене его и продают рабочим. В 1986 году каждый смог купить 35 килограммов свинины и полукопченой колбасы, в следующем — уже по 120 килограммов. И даже излишки остались! Их продали государству, решив потратить вырученные тысячи на нужды предприятия. Хочется, например, чтобы в строящемся хозспособом бытовом корпусе все было красиво оформлено: комнаты отдыха, столовая с буфетом, красный уголок. Расходы предстоят немалые.

Думаете, позиция предприятия, не пожелавшего иждивенцем сидеть на шее у государства, всем

пришлась по душе? К сожалению, нет. Виктор Васильевич с невеселой улыбкой вспомнил, как при бегал к нему директор небольшой фабрики, запыханно расспрашивал о подсобном хозяйстве (признавшись, что его крепко взгрели за бездеятельность в этом вопросе), а уходя, в сердцах обронил:

— Вы со своим хваленым хозяйством — словно бельмо на глазу! У меня вон с планом не ладится, все равно пытаются навязать и эти заботы, а вы в пример ставя! Салащенко никто не навязывал решение каких бы то ни было социальных вопросов. Сам давно понял: будет у людей крыша над головой, еда на столе, тогда можно с них спрашивать работу.

На Новохоперском хлебоприемном предприятии в списке на жилье — один-единственный очердник, но и он скоро отметит новоселье. Остальные получили квартиры в домах, возведенных хозспособом. Нашлись также желающие построить собственный дом. С двумя из них, однофамильцами Козленковыми, Виктор Васильевич меня познакомил. Один — электромонтер, второй — мастер склада готовой продукции. Один до этого девять лет трудился на заводе прессовых узлов, надеялся там получить квартиру, но очередь почти не двигалась. Второй работал помощником машиниста поезда и тоже с женой намыкался без своего угла. Оба прослышали, что хлебоприемное предприятие идет навстречу «бездомным». Дает ссуду, помогает со стройматериалами, да еще отпуска предоставляет в летнее время, пока строишься! Козленковы (до этого друг с другом незнакомые) поспешили сюда устроиться.

Сергей около пяти лет возводил стены вместе с отцом и тестем. Зато какой дом вырос! Красивый, просторный — из четырех комнат. Ребятишкам можно играть в прятки... У Владимира три года ушло на строительство. Ему помогали родственники, живущие в соседнем районе. Незжали по выходным и трудились дотемна. — Когда человек имеет жилье, у него совсем другое отношение к работе, — подтвердил слова директора один из Козленковых. Только ли к работе? Вон Сергей потратил пять летних отпусков, а выходных сколько! Работал до седьмого пота. И как он теперь ценит часы досуга! Прогулки с детьми, охота, рыбалка достав-

ляют ему неизъяснимое удовольствие. И тренировки по стрельбе. Сергей возглавляет стрелковую секцию, в которую записалась вся молодежь предприятия. Все хотят быть сильными, ловкими.

А когда здесь создали конно-спортивную секцию для ребятишек (профком закупил седла и сбрую, появились тренеры на общественных началах из числа рабочих), авторитет этого коллектива в районе стал еще выше. Дети с гордостью говорили своим одноклассникам: «Знаете, где мой папа (мама) работает? На хлебоприемном предприятии!» Оно будто магнитом притягивало к себе многих подростков. Некоторые даже на электричке сюда приезжали, чтобы проскакать на резвом коне до речки, искупаться с ним в теплой воде.

...Мне довелось бывать на предприятиях, где развитие соцкультбыта впечатляло своим размахом. Как чудо-дворцы из прекрасной сказки, вспоминаются тырныауские Дворцы спорта в Кабардино-Балкарии — с бассейнами, пальмами, мраморными ступеньками и с множеством кружков, секций, куда чуть ли не с ясельного возраста записывают ребятишек. Их построил для горожан вольфрамомолибденовый комбинат.

На вильнюсском заводе «Сигма», выпускающем счетные машины, привлек внимание профилакторий с высококлассным импортным оборудованием во врачебных кабинетах и тоже с бассейнами, причудливо оформленными. Этот список можно продолжать еще и еще: комнаты психологической разгрузки с попугаями, канарейками, светомышкой и аутотренингом. Столовые, где дизайнеры так поработали, что входили в них будто в музей прикладного искусства. Огромные теплицы с цветами и овощами — вечнозеленые уголки природы в суровых краях!

В Новохоперске ничего, что поразило бы воображение, я не увидела. А вот в душу запало многое. То, как здесь живут и работают (работают стабильно, без сбоев), не могло не вызвать уважения. Есть еще один важный момент, о котором стоит сказать особо. Этот крепкий и процветающий коллектив не напоминает кулака, который только к себе печется. В районе остро стоит жилищная проблема, и хлебоприемное предприятие возводит четвертый дом на селе, помогая ее решать в

меру своих сил и возможностей. Кроме того, вместе с двумя другими оно построило коровник в школе-интернате. То есть часть общей нелегкой ноши взяло на свои плечи.

Правда, хлебоприемное предприятие в этом плане не одиноко. В программу «Жилье — каждой семье!» включились и различные организации, учреждения. Вон работники райотдела милиции строят дом своему участковому! Исчезли настроения: «Разве это нам под силу?» Исчезли они после того, как в Новохоперском районе была решена проблема дорог. Дороги, мосты, рассказывали, являются «пристрастием» первого секретаря райкома КПСС П. Наумова, к слову, делегата XIX Всесоюзной партконференции. Десятый год он возглавляет районную партийную организацию, и каждый год при нем полсотни километров, что называется, непролазной грязи превращали в гладкую асфальтовую ленту. Потом перекинули через речки мосты, и глубинка — те дальние деревни, которые полководье надолго отрезало от большого мира, — теперь в распутицу горя не знает.

Петр Михайлович Наумов доказал маловерам: любая проблема, если ею, конечно, заниматься, разрешима. Это в масштабах своего предприятия доказал и Виктор Васильевич Салащенко.

* * *

Когда Салащенко избрали председателем районного совета общества борьбы за трезвость, всем стало ясно, что появился не «почетный» председатель типа «свадебного генерала». Однако это тема отдельного разговора. Сейчас же хочу заметить: можно искусно разыгрывать радетеля за общее дело, убежденного сторонника трезвости, только профанация когда-нибудь обязательно даст о себе знать, отомстит за себя. Виктору Васильевичу ее месь не страшна, как не страшна она коллективу, объявившему свое предприятие «коллективом трезвости». Профанация дела была тут изжита вместе с выпивками «по поводу» и без повода.

Это, к счастью, уже в прошлом...

Н. СТАВИЦКАЯ,
наш спец. корр.
Новохоперский р-н,
Воронежская обл.

СПЕШИ ДЕЛАТЬ ДОБРО

■ По некоторым социологическим данным, среди взрослого населения страны людей, совсем не употребляющих алкоголь, не так уж и много. Если из них отсеять тех, кто не пьет «по здоровью», то не пьющих по идейным соображениям окажется и вовсе горстка.

Почему же количество людей, не пьющих по идейным соображениям, мало возросло за три года существования Общества? Беседуя у себя в Абакане в трудовых коллективах, проводя опросы, анкетирования, мы, активисты-трезвенники, пришли к очень простому ответу на этот вопрос: люди до сих пор не осознали пагубность употребления спиртного, курения. Многие имеют смутное представление о вредоносных свойствах этих удовольствий, которым продолжают создавать «ненавязчивую» рекламу средства массовой информации, литература. К примеру, весьма преуспел в этом Ю. Семенов в своем романе «Экспансия».

Не могут трезвенники развернуть малым числом большое наступление на пьянство по всей стране. Сил не хватает. Эти обстоятельства и побудили нас объединиться в дискуссионный клуб «Луч». А было это так.

Побывали мы на семинаре в Нижнем Тагиле, который проводился клубом трезвости «Прометей» совместно с горсоветом ВДОБТ. Туда приехали представители еще 15 клубов страны — удивительные люди, замечательные собеседники, настоящие энтузиасты.

На этом семинаре мы с инструктором Абаканского горсовета ВДОБТ Г. С. Арбаевой сделали открытие. Дело в том, что в Нижний Тагил вместе с нами прибыли еще три человека — культурпитейщики, откомандированные от предприятия по просьбе горсовета Общества. Поехали они, как сами признались, потому, что «бесплатно». Но насколько же изменились к концу второго семинарского

дня! Живые глаза, энергичные фразы, дельные предложения, как победить зло пьянства, — готовые бойцы противоалкогольного фронта.

Вот он, искомый способ подготовки трезвеннического актива — живое общение людей!

Вернувшись в Абакан, мы в тот же день на совместном заседании актива областного и городского советов Общества доложили о результатах поездки и выступили с предложением создать дискуссионный клуб трезвости. Идея и ее обоснование были одобрены.

Вскоре состоялось первое организационное заседание клуба, участие в котором приняли 12 человек. Среди них известные в нашем городе активисты трезвеннического движения: инструктор горкома КПСС В. В. Ларченко, главный сварщик контейнерного завода Г. И. Тарханов, начальник радиотелепередающего центра О. Е. Жиганов, радиоинженер В. В. Большаков. Общим собранием клуба был избран совет во главе с председателем Г. С. Арбаевой, утвержден устав, разработанный инициативной группой, определены ос-

новые направления работы. Несколько позже у дискуссионного клуба «Луч» появился и свой девиз — «Света, побольше света!». Были определены принципы, которыми обязаны руководствоваться в своей повседневной жизни члены клуба: «Подвергай все сомнению!», «Спеши делать добро!», «Если не я, то кто же?»

Заседания клуба мы проводим еженедельно, по пятницам. Собираемся вечерами в помещении облсовета ВДОБТ, ставим на стол самовар, чайный сервиз, сладости...

Форма заседаний у нас долгое время была, признаться, какая-то бесполовая. Дискуссии проходили бурно, нередко превращаясь в нечто совершенно невообразимое, и многим особенно новичкам, так и не удавалось включиться в разговор. Постепенно мы пришли к форме, возможно несколько формалистичной, но в то же время более продуктивной. Итак, заседание открывает председатель, который знакомит членов клуба с гостями, если таковые присутствуют, затем объявляет повестку дня. Первым пунктом у нас традиционно стоит обмен информацией. Причем обмен идет по кругу, слева направо, что позволяет всем без исключения высказаться на любые темы, но в пределах регламента. Второй пункт повестки дня — деловая игра. Проходит она так: выбирается «лектор», ему сообщается, в какой он аудитории находится, и задаются вопросы. Условие: отвечать необходимо кратко, но емко. После этого обсуждаем «лекцию». Как и при обмене информацией, обмен мнениями идет слева направо, после каждого мнения слово для ответа предоставляется «лектору». Польза от игры значительная. Во-первых, каждый учится контактировать с аудиторией. Во-вторых, аудитория учит лектора: неожиданно даже наиболее подкованные из нас допускали ляпсусы. В-третьих, игра есть игра — все ее участники получают заряд хорошего настроения.

Затем — беседа с гостями. Например, с начальником Абаканского городского управления госбанка В. Попович. В результате этой встречи в областной газете появилась толковая статья В. Попович «Банку не нужен «пьяный» рубль». После встречи с инструкторами горкома партии один из них стал нашим горячим сторонником, за-

тем был принят в члены клуба и сейчас не пропускает ни одного заседания...

В ближайшее время планируем провести встречи с работниками горкома ВЛКСМ, корреспондентами газеты «Советская Хакасия», с коллективом областного драмтеатра имени М. Ю. Лермонтова. На этих же заседаниях мы заслушиваем отчеты друг друга о проведенной работе, планируем дальнейшую свою деятельность, дискутируем о стратегии и тактике трезвеннического движения и конечно же празднуем памятные даты, справляем именины, помогаем друг другу словом, советом... Не менее важная сторона деятельности клуба — встречи «за круглым столом», чтение лекций. Как мы работаем в учебных заведениях? Прежде всего, руководствуемся необходимостью вступать в контакт не только с учащимися, но и с преподавателями, родителями. Делаем это так: сначала проводим беседы в старших классах, читаем лекции на всех родительских собраниях. Затем организуем «круглый стол», в котором участвует весь состав нашего клуба и все преподаватели школы. Наша цель — создание в учебном заведении первичной организации ВДОБТ, либо группы агитаторов-пропагандистов, которые будут в дальнейшем продолжателями нами начатого.

В процессе работы зарождаются новые формы. Если раньше мы основной упор делали на научную пропаганду трезвости, то сегодня на первый план поставили задачу создать в городе многочисленные агитационно - пропагандистские группы, агитбригады. Переориентация была необходима. Дело в том, что только членами клуба за последние три года в городе и в области прочитано несколько сот лекций, проведено множество бесед и диспутов, выпущено большое количество брошюр, листовок, стенгазет... А ряды борцов пополняются очень медленно. Естественно, возникло опасение: либо мы бездарно делаем дело, либо идем не тем путем. Проанализировали ситуацию. И вот что выяснилось: до сих пор члены нашего клуба и все те, кто ведет в городе аналогичную работу, говорили только одно: пить — недопустимо. Количество пьющих сократилось (согласно данным анкетирования, проведенного кандидатом исторических наук В. П. Кривоноговым

совместно с горсоветом ВДОБТ). Среди взрослого населения не употребляет алкоголь каждый пятый житель Абакана.

Употреблять-то он не употребляет, но и не думает включаться в борьбу за трезвость. Почему? Опять проанализировали ситуацию. Тут и выяснилось, что добровольно отказавшийся от употребления спиртного не имеет ни малейшего понятия о том, как, с кем и с чем бороться.

Подавляющее большинство из тех, кто еще вчера пил в подворотнях, сегодня уже заявляют, что «всех этих пьяниц необходимо взять скопом да на необитаемый остров». Но при этом забывают, что вместе с пьяницами на этот «необитаемый остров» не вывезут имеющиеся запасы алкогольных изделий, заводы по их производству, подпольную самогонную «индустрию». Эти активисты не берут во внимание то, что и дети пьяниц, и их собственные дети уже находятся в зависимости от питетных традиций.

Маневренные группы и агитбригады, думаем, способны быстрее поднять людей именно на борьбу с алкоголизмом.

Клуб-то дискуссионный, но о культуре полемики, о приемах доказательств мы имеем самое туманное представление. Будем благодарны тем единомышленникам, которые поделятся с нами своим опытом. Наш адрес: 662604 г. Абакан, ул. К. Маркса, горсовет ВДОБТ, клуб «Луч», Арбаевой Галине Соотовне, тел.: 6-52-05.

Е. БАТРАКОВ,
заместитель председателя
дискуссионного клуба «Луч»
г. Абакан

ЗАЧЕТ ПО КУРСУ «ТРЕЗВОСТЬ»

Советская Армия — это выучка, боеготовность, дисциплина. До недавнего времени мы и мысли не допускали, что в некоторых воинских коллективах эти качества незаметно подтачивают те же негативные явления, что и на гражданке. Гласность поставила перед необходимостью признать это. Оказалось, что такой порок, как пристрастие к спиртному, существует в армейских буднях, несмотря на то, что они расписаны по минутам. Мы верим, что недостатки эти будут устранены. Как продолжаем верить и в высокие нравственные качества и боевой дух советского воина.

■ Года четыре назад Ученый совет нашего высшего военного строительного командного училища отчислил из вуза троих курсантов за употребление спиртного. Командир подразделения майор Ю. Иващенко доложил на совете о том, что в вверенном ему воинском коллективе трезвенническая обстановка далеко не безоблачная. Преподаватели, выступившие тогда на совете, высказались за решительное искоренение пьянства. Утверждение трезвого образа жизни среди воинов должно быть одним из важнейших вкладов в перестройку.

Принятые по отношению к провинившимся курсантам меры относятся к административно-правовым. Однако проблему пьянства одними запретами и отчислениями не решить.

Тогда же на Ученом совете училища было решено придать борьбе комплексный, наступательный характер, умело использовать не только административные пружины, но и все формы идеологической пропаганды.

Начальник училища кандидат технических наук, доцент генерал-майор Б. Зобов совместно с политическим отделом во главе с полковником А. Найденовым, преподавателями кафедры марксизма-ленинизма разработали перспективный комплексный план антиалкогольной пропаганды среди личного состава. Кроме того, в масштабах училища утверждена межкафедральная программа по пре-

подаванию основ профилактики пьянства и алкоголизма — в дополнение к общественным, общенаучным, специальным дисциплинам. Назову некоторые пункты программы. Изучение будущими офицерами методики пропаганды трезвого образа жизни, форм профилактики вредных привычек среди личного состава военно-строительных частей. Курсанты должны знать механизм и последствия вредного воздействия алкоголя и токсинов на организм человека.

При разработке программы мы использовали опыт учебных заведений Министерства здравоохранения РСФСР, а также труды лаборатории подростковой наркологии Архангельского медицинского института. Завершается курс подготовкой рефератов по вопросам антиалкогольной пропаганды.

Есть и другие формы. В училище третий год работает университет трезвеннических знаний. Его программа рассчитана на год. Лекции здесь читают преподаватели училища, а также педагоги Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. В своих действиях постоянно советуемся с заместителем председателя Горьковского областного совета ВДОБТ, инструктором. С курсантами встречался сотрудник института истории Молдавской ССР кандидат исторических наук Н. Червенков. Он рассказал о традициях и обычаях молдаван,

об опыте ведения антиалкогольной пропаганды в этом регионе. А собственным опытом борьбы за трезвость поделились в своих учебно-методических пособиях генерал-майор Б. Зобов, кандидат исторических наук подполковник В. Самусь. На базе училища издано пособие «Утверждать трезвость», оно разработано при участии всего научно-педагогического коллектива. В стадии подготовки находится межвузовский сборник «За здоровый образ жизни», посвященный борьбе с социальными болезнями.

Эти исследования — результат анализа крепкой трезвеннической обстановки в коллективе. Провести его помогло, в частности, и анонимное анкетирование различных категорий личного состава. Выяснилось следующее. Употребление спиртного осуждали 78 процентов первокурсников, 84 — третьекурсников, 83 — выпускников. А вот среди второкурсников противников питья оказалось всего 30 процентов. Когда проанализировали состояние дисциплины по курсам, увидели, что именно второкурсники занимают первое место в графе нарушителей на почве употребления спиртного. Это дало, как говорится, пищу для размышлений и командирам, и политработникам.

В качестве профилактического воздействия в этом случае очень помог кабинет контрпропаганды. Оборудован он руками самих курсантов. Теле- и радиоаппаратура,

электрифицированные схемы, средства индивидуального прослушивания звукозаписей оказывают большее эмоциональное воздействие на курсантов. Кроме того, в кабинете всегда под рукой библиотечка из книг различных серий, здесь же бюллетень «Аргументы и факты», еженедельник АПН «Глобус», журнал «Трезвость и культура», книги по антиалкогольной пропаганде и здоровому образу жизни.

Для курсантов училища нет проблемы, чем заняться в свободное время. Каждый находит свой интерес в курсантском клубе, библиотеке, ленинских комнатах, в кабинете контрпропаганды, музее истории училища, спортзале и спортивных площадках. Действуют у нас различные кружки, проводятся тематические утренники и вечера, лекции и беседы, читательские конференции, обсуждения проблемных публикаций в прессе. Для будущих офицеров часто организуются культпоходы в театр, на концерты, экскурсии по родному краю.

Никогда не пустуют помещения клуба «Творчество». Здесь каждый может заняться конструированием, проектированием, чеканкой или выжиганием по дереву. Можно собрать радиоприемник, электрическую схему, сесть за мольберт в классе рисования. В общем, думай, твори, пробуй.

Комплексный подход к организации здорового образа жизни в училище дает положительные результаты. По сравнению с 1985 годом нарушения воинской дисциплины из-за употребления спиртного теперь практически сведены к нулю.

Хорошие отзывы приходят в училище из войсковых частей на наших выпускников и стажеров. Вот, например, письмо на лейтенанта Сергея Болотнова. Командир военно-строительного отряда пишет, что лейтенант С. Болотнов сам не употребляет спиртного и борется за искоренение пьянства среди личного состава. Так же характеризуют старшие командиры лейтенантов В. Забелло, И. Кожяева, курсантов-стажеров В. Лукьянченкова, С. Запсенко, Ю. Соколова и других.

Значит, боеспособность воинских подразделений будет крепнуть.

И. ГРИГОРЬЕВ,

полковник, начальник кафедры марксизма-ленинизма
г. Кстово,
Горьковская область

В седьмом за 1988 год номере «ТК» в рубрике «Социальные проекты читателей» было опубликовано письмо Т. Метс. Назвали мы его «Немедленно усыновлять брошенных детей». Речь в нем шла о законодательном закреплении необходимости предоставления режима наибольшего благоприятствования желающим усыновить брошенного ребенка.

Письмо Татьяны Метс не прошло незамеченным. Редакция получила немало откликов на него. Думается, они еще резче высвечивают острейшую, болезную эту проблему, лишней раз возвращают нас к мысли о насущной потребности нашего общества в законе, защищающем детство.

Предлагаем вашему вниманию несколько таких откликов.

«...МАМЫ ВСЯКИЕ НУЖНЫ»

А по-моему, если родители и не интересуются своим ребенком, сданным на руки государству, то это только потому, что в детских домах нет отдела писем и не обеспечен контакт с родителями. Зачастую на их письма никто не отвечает (а потом отцов и матерей обвиняют в равнодушии).

И ничего страшного нет в том, что детей отдают на попечение государства. Детей сейчас вообще очень трудно воспитывать.

А что это значит — лишать родительских прав?! Еще Владимир Маяковский писал: «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Всякие! Поэтому никто не имеет права лишать женщин материнских прав!

Таково мое мнение.

В. ДЕРПАЧ,

Член Общества борьбы
за трезвость
г. Запорожье»

ОНИ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА НЕ ПОМНИТЬ

«...Я видела, как бросают детей в роддоме, как их сдают добровольно в дома малютки. А через час такие «мамы» и «папы» забывают и о своем поступке да и о потерянном, брошенном человечке. Вычеркивают из жизни, словно и не было его. И что же — никто и ничто им не напоминает о совершенном? Но почему?!

Предлагаю: во-первых, всем таким горе-родителям делать соответствующую «позорную» запись в паспорте и трудовой книжке.

Во-вторых, заставлять таких родителей выплачивать высокие алименты на воспитание детей. Причем не только до 18 лет — ведь в этом возрасте молодые люди только еще вступают в жизнь, и ничего у них еще нет — ни жилья, ни семьи...

В. СЛОБОДНИЧЕНКО,
Николаевская обл.»

«САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОПРОС В ЖИЗНИ»

Прочла я письмо Т. Метс «Немедленно усыновлять брошенных детей». Для нас с мужем этот вопрос сейчас самый главный в жизни. Мы хотим усыновить ребенка, обращались в разные инстанции. Но дело не сдвигается с мертвой точки. В Астрахани, где есть Дом ребенка, очень большая очередь, надо ждать 5 лет. А что делать нам сейчас, когда мы молоды, полны сил, энергии и желания воспитать хорошего человека. Предложили нам в РОНО поехать по детским больницам — поискать ребенка (там, говорят, тоже есть брошенные дети). Конечно, и эту возможность мы не упустим, но я предлагаю, пусть соответствующие органы, тот же Детский фонд, как-то помогут людям в решении этого важного вопроса. А то с «кукушками» возмись, а помочь нам, тем, кто хочет заменить таким детям отца и мать, некому.

Н. ИВАНОВА,
г. Каспийский»

ПУТИ И ПОИСКИ «НАДЕЖДЫ»

■ Прошло почти десять лет с того дня, когда шесть активистов только что созданного зилковского клуба трезвости «Надежда» шокировали посетителей и работников столичного ресторана «Украина». Выдавший виды метрдотель не мог прийти в себя от удивления, с ухмылками переговаривались и прыскали в кулак официанты. Заказ был необычен тем, что, хотя и давал план со столика, но не было в нем ни грамма спиртного. Покрутив пальцами у висков, официанты порешили, что это всего-навсего чудачки-фронтеры. Вспомнился этот случай в предновогодний вечер, в декабре прошлого года, когда в центре Москвы в кафе «Марика» были заказаны столики без спиртного уже на 80 человек. Знали о таком заказе только я и мой заместитель Ю. Попов. Кроме зиловцев на вечер были приглашены члены клуба трезвости «Радуга» колхоза имени Дзержинского, молодежь из общежитий Мосагропрома и других организаций. Цель была одна: обсудить, каким должен быть кафе-клуб, который своей «интересностью» исключал бы употребление алкоголя. Да, в тот вечер разговор вели не члены одного клуба, а представители столичного клубного содружества, ведущего борьбу за здоровый образ жизни. Возьму на себя смелость сказать, что в отношении трезвеннического движения общественное мнение еще полностью не сформировалось. С одной стороны большинство людей понимают, что алкоголь — зло, а с другой, считают, что можно немножко выпить в определенных жизненных ситуациях. Столетиями алкоголь сопровождал людей в горе и радости, и, естественно, доказать обратное не так-то просто. Можно принять правильные решения, создать общества, комиссии, усилить наказания, но при этом не достигнуть ощутимого сокращения пьющих. Тем бо-

лее что в борьбе за здоровый образ жизни опыт у нас невелик. Поэтому и нужно собирать и осмысливать те его крупницы, которые уже появились. Каждый вторник все желающие могут прийти на встречу и в наш клуб «Надежда», где выслушают любое их предложение, как лучше провести вечер или диспут, безалкогольную свадьбу или день рождения, каких пригласить для этого специалистов. Часто спрашивают, какая разница между клубами неформального общения на трезвой основе и клубами по интересам? Чтобы было понятнее, возьму для примера «банные компании». У каждого москвича, за редким исключением, есть возможность помыться в ванне, а потом посидеть за столом с родственниками. Но ведь собираются люди, чтобы вместе пойти в баню. И существуют такие компании годами. В чем причина? Помыться — это лишь повод, цель же — общение: поделиться бедами и радостями, обсудить новости, найти сочувствие и поддержку. Многогранна сфера неформального общения людей. Дать людям простор для такого общения, не прибегая при этом к алкоголю, — главная задача нашего клуба и основное его отличие от клубов по интересам. Там интерес один, я бы сказал, узко направленный. У членов клуба автобиблистов (ВДОАМ), например, общение замыкается на карбюраторах и распредвалах. Где достать, с кем поменяться? Ничего плохого нет в таком общении, только не дает оно для человека главного — понимания и сопереживания. Сейчас наш зилковский профком забеспокоился: упал интерес автозаводцев к физкультурно-оздоровительному комплексу, снизилось количество посещающих его. Хорошее дело задумали, строя этот комплекс: здесь можно размяться, попрыгать, поплавать. Проще гово-

ря, о здоровье тела подумали. А о здоровье души забыли. Не предусмотрено здесь условий для человеческого общения. Поэтому и поубавилось желающих. Наш клуб по сути своей студио-бытовой клуб-театр, где при одной и той же декорации идут все время меняющиеся спектакли, а то и несколько одновременно. Здесь нет власти трибуны или сцены. Диалоги-диспуты позволяют участникам (а участвуют все) раскрыть свое индивидуальное отношение к тем или иным жизненным явлениям или ситуациям, которые раньше обсуждались в «допинговом» состоянии. Такие встречи проходят в небольшой аудитории и у них есть неформальный ведущий, от умения и личных качеств которого во многом зависит успех. Поэтому и создана группа из специалистов разных профессий, которая на базе клуба прошла практическую подготовку по ведению диспутов и диалогов. Ненавязчиво, исподволь создается новая культура человеческого взаимоотношений, идет обучение общению и искусству снятия стрессов без алкоголя и наркотиков. Думается, что создать методику такого обучения в самом широком смысле можно, только изучив и проанализировав опыт клубов трезвого образа жизни. К сожалению, многие из них с образованием Общества борьбы за трезвость распались. Сразу после создания ВДОБТ клуб «Надежда» объединил усилия в борьбе за трезвость с заводской организацией Общества, став в то же время организационно-методическим центром. Поэтому на ЗИЛе и не сложилось отношение к «первичке», как к конторе, собирающей взносы. Создание в цехах саун, комнат тренинга, изменение порядка ведения собраний, проведение неформальных встреч было по достоинству оценено и руководителями, и рабочими.

Встречи в цехах бывают разными как по содержанию, так и по сценарному воплощению. Веселым танцевальным получился вечер в инструментальном цехе № 3, на котором работницу Л. Делову поздравляли с 20-летием работы на заводе. На цеховом чаепитии ей вручили членский билет Общества.

А вот вечер в электросиловом цехе вылился в серьезный четырехчасовой разговор, и молодому начальнику цеха было не просто отвечать на вопросы рабочих, особенно молодых, о жилье, заработной плате, профессиональном росте. На таких вечерах иная психологическая обстановка, чем на собраниях, иные критерии оценки руководителя. В период демократизации советского общества такие встречи необходимы не только коллективам, но и самим руководителям, особенно молодым.

В прошлом году на заводе проходил третий месячник «За дальнейшее совершенствование работы по укреплению трудовой дисциплины и трезвый быт». Перед его началом в помещении нашего клуба редакция многотиражки «Московский автозаводец» провела «круглый стол», речь на котором шла о работе и проблемах заводских организаций Общества. Тогда председатель первичной организации штампо-механического цеха С. Пискарев поднял серьезную и сложную проблему. Он сказал, отвечая на вопрос о методических разработках, спускаемых сверху: «Помогают ли они нам в работе? Трудно сказать. Дневник, Устав, основные направления. Это перечислено... А дальше все как-то расплывчато. Неделя антиалкогольной пропаганды. Что это? Лекции? Так они у нас есть и были...»

Действительно, методики, в понимании регламентирующих документов, выдуманных людьми далеки от практической работы, не подкрепленные опытом, по моему мнению, не помогают, а мешают живому делу. Создание трезвеннических коллективов требует индивидуальной работы и организаторского таланта. Здесь невольно напрашивается аналогия с педагогическим искусством. Школьная реформа и дискуссии, ей посвященные, показали, что владеющий методиками педагог — еще не педагог. Чаше наоборот, настоящий воспитатель должен преодолеть методики, чтобы выйти на опера-

тивный простор творческой деятельности.

Скажу откровенно, с созданием Общества нашему клубу (думаю, не только нашему) стало работать труднее. Порой смотришь на документацию, и берет тебя тоска зеленая. Хочешь закрыть клуб, обескровить его жизненные связи — внедри ему документацию! Конечно, документ нужен — скажем, план или дневник, но в основе-то должна лежать инициатива, умение импровизировать и конечно же вера в трезвенническое движение.

Чтобы понять человека, нельзя рассматривать отдельно, например, его духовные запросы, отношение к алкоголю, желание работать, взгляды на семью. А чтобы представить его внутренний мир во всем многообразии, нужно дать ему раскрыться, причем раскрыться самому, найдя тех, перед кем он может безбоязненно это сделать. О какой строгой отчетности может идти речь в этом деле, о какой статистике? А первички ВДОБТ, к сожалению, «хваляются» числом вступивших в Общество, количеством бросивших пить и решивших заниматься спортом или художественной самодеятельностью.

Клубы, я думаю, должны отличаться от первичек, потому что в последних, как оказалось, далеко не все убежденные трезвенники, а немало и таких, кто заплатил взносы для того, чтобы «отвязались». Могу с уверенностью сказать, что среди штатных работников немало лиц, которых привлекала зарплата, относительная свобода «во времени и пространстве». Напрасно будете просить такого работника что-либо сделать в его свободное время, как не заставите плохого педагога бесплатно вести «продленку».

Не так давно мне довелось участвовать в работе Всесоюзного семинара, организованного ЦС ВДОБТ и посвященного работе клубов. Очень меня насторожила цифра — пять тысяч. Она обозначала количество клубов. На мой взгляд здесь выдавалось желаемое за действительное. Беда в том, что, пока нет четкого понятия клуба трезвости, под его вывеску можно «подверстать» любую группу собирающихся вместе людей, если они не приносят с собой спиртного. В этой массе могут раствориться объединения настоящих борцов за трезвость и

на арене появиться любители и мастера саморекламы.

Не раз приходилось слышать причитания: «Есть Общество борьбы за трезвость, есть клубы трезвости, а очереди у винных магазинов не уменьшаются. Чего же вы там делаете? Только взносы собираете да тратите неизвестно на что!»

Думаю, такие речи не от инфантильного непонимания сложности проблемы борьбы с пьянством, а самая элементарная «месть» сторонников живучей культирпитейской позиции. Сложность и долговременность этой борьбы не раз подчеркивалась в партийных документах. Ждать немедленных ощутимых результатов может только тот, кто, словно недельный жеребенок-стригунок, только что открыл глаза на мир. Вряд ли стоит таким доказывать, что борьба с этим злом без «ощутимых» результатов ведется на нашей планете многие века.

Сколько об этом написано книг, брошюр, выпущено наглядных пособий. Среди них немало действительно полезных, созданных авторами, владеющими материалом, но немало и таких, читая которые узнаешь руку графомана, открытого халтурщика. Пора перекрестить путь такой «литературе», создав при ЦС ВДОБТ авторитетный редакционный совет, без одобрения которого ни одно издание противалкогольной тематики не могло бы увидеть света.

Настало время создать и Совет председателей клубов трезвости. В клубном движении накопилось много серьезных проблем, на которые нельзя закрывать глаза. Поэтому его активисты надеются, что следующий семинар, посвященный этим проблемам, будет «блином не комом».

Ю. ПРОНКИН,

наладчик автомобильного завода им. Лихачева, председатель клуба трезвости «Надежда», член правления ЦС ВДОБТ

Москва

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Бой с тенью

В далеком 1978 году, когда многие из нас, что греха таить, преуспевали, описывая в основном несуществующие успехи, ехал я проверять письмо рабочего из Полтавы. (Фамилия, думаю, в данном случае не имеет значения.) Был слесарь, как он писал, «практически непьющим» человеком: спиртное обостряло тяжелое желудочное заблуждение. Перед праздником, впервые за многие месяцы болезнь немного отпустила. Поэтому рабочий решил отметить торжество, «как и все нормальные люди». С непривычки захмелел быстро и по дороге домой разговаривал в автобусе слишком громко.

Все в этой истории правда, я проверял. Далее события принимают довольно странный оборот. Хоть у слесаря репутация непьющего, двадцатилетний стаж безупречной работы и звание ударника труда, его последовательно лишаю квартальной премии, освобождают от обязанностей пропагандиста, переносят отпуск на зиму, не выплачивают «тринадцатой» зарплаты... Жалоба была написана, когда рабочий узнал, что ему и очередь на квартиру переносят.

Чудовищный формализм налицо. Когда так наказывают пьяницу, то не возражишь — все правильно. Если же под одну гребенку с ним стригут случайно оступившегося человека, то, как говорится, есть тема для выступления. Товарищи из профкома испугались огласки, быстренько отменили свое решение о переносе очереди на квартиру и упросили слесаря отозвать жалобу. Он упрасивал меня не писать статью. Как тут быть? Газета, конечно, не бюро добрых услуг: захотел — вызвал корреспондента, захотел — отослал его домой. Но и не учитывать мнение автора письма тоже ведь нельзя. Зачем пил? «Понимаете, — смущенно оправдывался он, — я хоть и практически непьющий человек, но спиртное в принципе не отрицаю, как и все нормальные люди. Был бы здоров — пил бы, как все, в меру, по праздникам».

Решил я для контраста после беседы с «практически непьющим» че-

ловеком поговорить с «практически пьющим». Взял новую командировку в отдаленный лечебно-трудовой профилакторий. По документам нашел пациента во всех отношениях примечательного: «алкогольная наркомания», «деградация личности». Он наотрез отказывался работать, втайне (хвастался) выбрасывал лекарства и строил грандиозные планы на будущее: «Вернусь домой. Устроюсь на работу. Помирюсь с женой. Пить брошу. Буду, как все, пропускать на праздники рюмочку-другую. Я свою меру знаю».

Меня удивило дословное совпадение взглядов на спиртное у завсего того алкоголика и слесаря из Полтавы. Оба были уверены, что пить в меру вовсе не страшно. Да и я, газетчик, в то время придерживался таких же взглядов. Кстати, работая потом в «Клубе наших читателей «Трезвость», я постепенно переубедил прежде всего самого себя. И вот уже добрый десяток лет сознательно не беру в рот спиртного, не исключая и пива.

Но до создания клуба было еще далеко. Пока просто напрашивался вполне логичный вывод: если мы хотим решить проблему, то надо начинать не с пьяниц, а с пьющих «в меру». ...Беру командировку в Кривой Рог и встречаюсь с руководителем комиссии по борьбе с пьянством одного из горнодобывающих управлений. Мы явно не понимаем друг друга. Работа ведется такая: выпивох депретируют — раз, рейды по общежитиям проводят — два, усиленные наряды посылают на танцплощадку — три, четыре, пять... В общем, вся деятельность свелась к борьбе с последствиями пьянства, а не с его причинами. Происходит нечто подобное бою с тенью (есть у боксеров такое тренировочное упражнение). Сильнейшие удары обрушиваются на... воздух.

В статье «Бой с тенью» я рассказал о результатах трех моих командировок и весьма наивно предложил каждому из нас задуматься над своим поведением. Писал, что решим мы проблему только тогда, когда масса «нормально пьющих» людей как следует осознает вред

этого занятия для собственного здоровья, для своих семей, работы, всего государства. И добровольно и сознательно исключит из своей жизни спиртное. Вывод, как видите, был хоть и логичным, но весьма идеалистическим. В печать моя работа шла трудно. Окончательное решение принял только Владимир Яковлевич Стадниченко, который был тогда редактором «Рабочей газеты». Помнится, подписывая статью, он сказал так: «Исследование интересное, но выводы далеко не бесспорные. Предлагаю в конце честно сказать, что мы не знаем, как решить проблему, и обратиться к читателю за советом. Думаю, будут отклики».

На равных...

Следует сказать прямо: уровень наших знаний по алкогольной проблеме и наши представления о путях ее решения ничем не отличались от общераспространенных. Владимир Яковлевич оказался прав: отклики действительно были. Столько я до этого никогда не получал. Раньше работа походила на пение в полупустом зале — два, три письма, да и те только с большой натяжкой можно было считать аналогами аплодисментов. Сейчас же пришли сотни писем. Да каких! Одни горячо поддерживали газету, другие едко высмеивали автора. Третьи жаловались на торговые точки — рассадники пьянства. И все предлагали разнообразные, подчас удивительные пути решения проблемы.

Как видите, раздел «Клуб наших читателей «Трезвость» скорее случился, чем получился. Было большое сопротивление жизненного материала, первая статья только обозначила новый для нас подход к теме, анализ откликов показал, что он привлекателен для читателей, а дискуссия на заседании редколлегии помогла тщательно обдумать формы дальнейшей работы. Мы прямо говорили, что наша позиция — трезвость, но объяснились не замалчивать и не искажать другие подходы к проблеме. Хочется обратить внимание на

ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВСЕМ МИРОМ

Что заставило меня написать это письмо? Честно говоря, мне, ветерану Великой Отечественной войны и труда, надоело слушать вранье и видеть лицемерие. Хотя я хорошо знаю и помню, что может последовать после высказанной правды.

В 30-е годы мой отец-коммунист (латышский стрелок) ушел из дома на собрание в латышский клуб и труда, надоело слушать вранье и видеть лицемерие. Хотя я хорошо знаю и помню, что может последовать после высказанной правды.

В первом номере журнала за 1988 год пьющим был задан вопрос: «Чего вам недостает, чтобы поверить в трезвость как единственное условие преодоления пьянства?» Довольно честно и правдиво свою точку зрения на трезвость высказали: С. Кочергин, А. Басов, Ф. Зонов, А. Сурин, М. Воропаев и другие. Самое главное, что люди поверили в демократию и гласность. С. Кочергин приводит очень хорошую фразу Е. Забелиной, жительницы г. Мариинска Кемеровской области: «Честный, открытый диалог между людьми — это и есть начало Революционной перестройки». В этом же, 8-м номере журнала было и обращение к трезвенникам: «Расскажите, как нужно работать, чтобы пример трезвой жизни получил распространение». Я подчеркиваю слово РАБОТАТЬ, то есть быть честным, добросовестным работником в обществе борьбы за трезвость, а не числящимся членом.

Что же мы видим в действительности? В каждом городе есть клуб трезвости, имеются комиссии по борьбе с пьянством, существуют общества трезвости, да плюс коммунисты, которые обязаны вести борьбу с пьянством. Кажется, всем миром навалились на пьяниц. А результат? Его можно определить «по кривой» у магазинов, торгующих вином. И она будет удлиняться до тех пор, пока члены ВДОБТ свою писанину не сменят на честную и открытую работу с людьми. Пора же в конце концов понять, что сейчас не 58-й, не 68-й, не 78-й годы, а 1988-й, когда мода на поговорку «не хочешь работать, ищи причину» — исчезла.

С. ГЕРДИН
г. Смоленск

главное: «Рабочая газета» не стремилась возвыситься над уровнем восприятия темлы читателем, но и не подстраивалась под него. Мы честно, на равных, делились с людьми своими сомнениями, задавали, быть может, наивные вопросы и получали на них наивные ответы. Трезвенническое направление было выбрано потому, что за него, во-первых, высказывалось немало людей и, во-вторых, то пьяное зло, с которым мы все сталкивались тогда, да и сейчас сталкиваемся, было фактическим воплощением теории так называемого «культурного питания».

Так, советуясь с читателем, «Рабочая газета» не в лучшие годы для нашей прессы уловила общественную потребность в решительной перестройке антиалкогольной политики.

Можно взять все выпуски клуба за несколько лет подряд, сложить вместе, и получится нечто вроде большой брошюры. Ни разу мы не повторили сказанное, все время двигались вперед, затрагивали новые и новые грани проблемы.

Новая метла...

— А в чем конкретно заключается ваш успех? — спросит недоверчивый читатель. — Прочли люди газету и стали бросать пить? Что-то не верится...

Особо недоверчивых отсылаю в библиотеку. Всех событий перечислить, разумеется, не могу. Но несколько назову: 10 января 1980 года А. Морозов и В. Грабовский рассказывают о том, что создали клуб «Данко» на Одесском заводе имени Январского восстания; 27 июля 1980 года наш специальный корреспондент А. Миролубова, председатель Киевской городской школы трезвости, отчитывается о том, как помогла создать клуб одной из наших читательниц в Шахтерске; 14 ноября 1980 года корреспондент многотиражной газеты Старокраматорского машиностроительного завода Б. Южик рассказывает об одном из создателей клуба трезвости на предприятии; 22 апреля 1981 года «Рабочая газета» сообщает, что на страницах «Ленинградского рабочего», «Южной правды» (Николаев) созданы разделы, подобные нашему клубу «Трезвость».

Выходит, мы научились давать бой хмельному злу у самых истоков, убеждать людей отказываться от вредных ветхозаветных традиций.

Проблема пьянства — во многом проблема убеждений. Пресса может сделать очень многое для его искоренения. И делает. Авторы «Рабочей газеты» сейчас выступают в центральных изданиях. Только у нас им уже не находится места. Почему? Потому что «Клуб наших читателей «Трезвость»... приказал долго жить».

Причины в принципе понятны. Меня назначили заведующим новым агропромышленным отделом. Я пытался применить опыт, накопленный в «Трезвости», при ведении других тем. А наш антиалкогольный раздел передали другому сотруднику, который в идею не верил, стоял на позициях «культурного застолья». Моментально упала почта. Замелькали серые, излишне нравоучительные статьи. Главный редактор такой работой был недоволен, и он был прав. В «Рабочей газете» была создана новая рубрика «Мы — за трезвость!». Ведет ее опытный газетчик, регулярно подключаются к антиалкогольной пропаганде и другие отделы. Материалов мы печатаем много. Часть из них появляется на доске лучших. Иногда я думаю, что ничего страшного не случилось — были одни формы антиалкогольной пропаганды в газете, стали — другие. Жизнь идет вперед.

Но, бывает, листая подшивки газет, невольно подумаешь, что ничего похожего на «Клуб наших читателей «Трезвость» (не считите, ради бога, за хвастовство) нигде нет до сих пор. И если раньше «Рабочая газета» боролась с пьянством сжатым кулаком, то сейчас, когда, казалось бы, существует полный простор для углубленного раскрытия всех граней проблемы, мы боремся с пьянством растопыренными пальцами.

Неужели послезавтра может быть хуже, чем позавчера?

Не хочу заканчивать статью на мрачной ноте. Есть в стране политическая воля довести сверхсложное дело искоренения пьянства до конца. Есть очевидные успехи. Есть и вполне понятные поражения, уроки из которых нужно извлекать как можно быстрее. Очевидно, что одного журнала «Трезвость и культура» мало. Научиться эффективно вести антиалкогольную пропаганду должны все органы печати.

В. СМАГА,
зав. отделом «Рабочей газеты»,
член редакционного совета «ТК»
Киев

НА ПОКЛОННОГОРСКОЙ И В ОКРЕСТНОСТЯХ

Доброта. Понимание. Милосердие... Только ли больным и немощным нужны они! Не в большей ли мере — и тем, кто идет на помощь! Не служение ли слабому возвышает сильного!..

■ По чьим-то высшим соображениям престарелых людей, проживающих в интернатах Пушкина, переселили на одну из отдаленных улиц Ленинграда — Поклонногорскую. Из прекрасных царскосельских парков — в казенный дом, который строили изначально как гостиницу для спортсменов. Комнаты на четверых, а то и пятерых стали последним приютом одинокой старости. Увы, не самым уютным и тихим приютом... Вместо утопающего в цветах участка в Пушкине — унылый пустырь; вместо роскошных парков — длинный глухой забор. За ним — с одной стороны психиатрическая больница имени Скворцова-Степанова. С другой — автошкола, где, грохоча моторами, тренируются будущие водители.

Но предстоящий разговор не о том, как организовано бытие стариков в «казенных» домах. Наша задача: приглядеться к молодым, которые живут, учатся, работают, развлекаются — рядом. Помнят ли о стариках, тех, кто по разным причинам оказался в доме скорби в неизбывной горечи одиночества? Хотят ли знать? Готовы ли отдать им часть своего драгоценного времени и внимания, предназначенного для собственной требовательной жизни?

Однако вкратце коснуться того, как живут так называемые «обеспечиваемые» в доме для престарелых все же придется. Иначе не понять, каким может быть «плацдарм» действий для молодых. Мы ведь приучили молодых к стандартной мысли о том, что «старикам везде у нас почет». И что, следовательно, где-где, а в государственном учреждении по опеке над старостью все должно быть прекрасно.

Оказывается, у стариков нет многого из того, что могло бы скрасить их существование, облегчить состояние. Скажем, нет диетстолов, хотя большинство обитателей в этом нуждается; или — нет специальных поручней, чтобы удобно было сесть в ванну.

Штат санитарок заполнен на две трети: низки оклады, тяжел труд. А ведь из пятисот проживающих добрая половина с трудом передвигается...

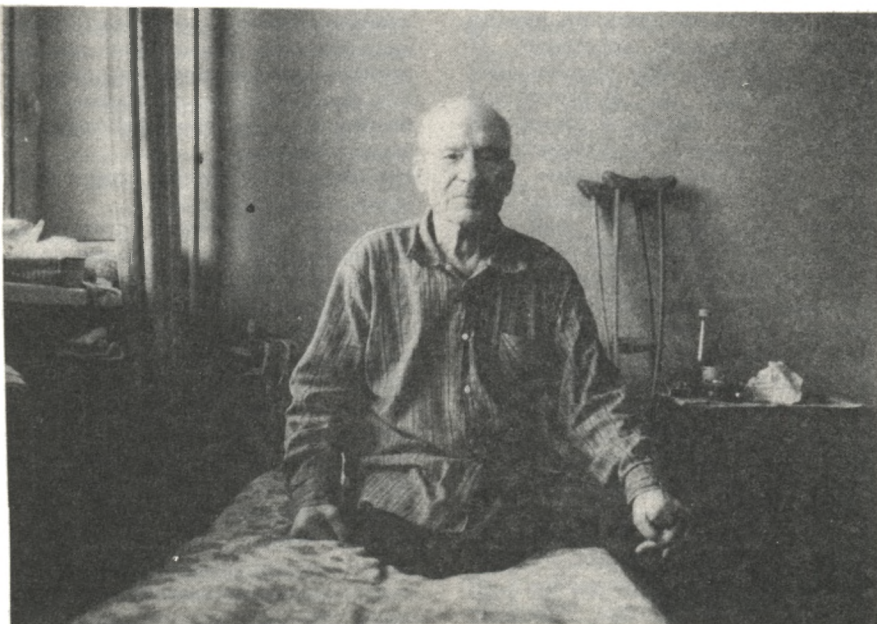
— У нас конвейер осмотров и процедур, — говорит главный врач Ю. Д. Богородовский. — Между тем людям подчас нужна не столько медицинская помощь, сколько пять—семь минут душевной беседы. Но нет их у нас, этих минут...

Примем во внимание и такие цифры: 22 процента проживающих в интернате не имеют близких родственников. Увы, из тех, у кого живы дети, внуки, правнуки, примерно половина всеми на свете забыты. Такая вот картина. А рядом, за окнами — энергичная, бодрая, молодая жизнь. Городской перекресток, где каждый — неужели только сам по себе, сам — для себя?..

Но давайте заглянем еще в один «дом скорби». Расположен он примерно в получасе ходьбы от первого. В старинном барском особняке с тенисным садом живут сто женщин. Средний возраст — восемьдесят пять. Увы, и здесь — ни физического, ни морального комфорта для людей. «Общежитие для доживающих» на десять и пятнадцать кроватей — такова обстановка. В сравнении с жизнью в этом «памятнике культуры» интернат на Поклонногорской может показаться раем...

Примечательный факт: единственными «гостями» в обоих интернатах были скромные пожилые женщины. Оказалось, подруги по церкви... Улыбка, ласковый взгляд, приветливый жест — где все это? Кстати, не потому ли и в обиходе обслуживающего персонала интернатов в основном угрюмые, повелительные интонации в голосе, угрюмое «неконтактное» выражение лиц.

В последнее время часто говорят и пишут о милосердии. Замечу однако: в шестидесятых годах мы тоже готовились к возрождению человечности. Именно тогда слово «милосердие» явилось из

небытия. Явилось и... на четверть века исчезло. Закрепится ли на этот раз в нашем языке и сознании? Станет ли одним из символов нашего бытия?

Итак, вернемся к заданной теме. Обратимся к молодым. Тем, кто живет рядом со стариками на этой же Поклонногорской и рядом, в окрестностях. Обратимся к молодым. Потому что без их участия не состояться воскресению нашего общества — к гуманизму, к человечности, к состраданию и доброте. И главное тут даже не в последних годах жизни тех, кому... «за восемьдесят». Главное именно в молодых. Это им прежде всего важно, чтобы мир вокруг не был ожесточен.

...О самодеятельном театре под названием «За Черной речкой» уже приходилось слышать. Название оправдано не только местоположением — в репертуаре театра главенствует пушкинская тема: «Лицейст», «Мой Пушкин», «Пир во время чумы»...

Сейчас в труппе двести самодеятельных артистов, от десяти- до тридцатилетних. Школьники, учащиеся ПТУ и техникумов, студенты, рабочие, служащие. Художественный руководитель театра — Олег Юрьевич Мендельсон. Выпускают по пять-шесть спектаклей в сезон. В районе Поклонногорской, а точнее — в Ждановском районе Ленинграда нет дома культуры, поэтому театр «За Черной речкой» — единственный культурный центр. Играют по выходным. Разрешили давать платные спектакли, и уже сто рублей отчислили во Всесоюзный детский фонд. В старой школе, где оборудован зрительный зал и репетиционные комнаты, решено создать молодежный центр, где будут собираться поклонники разных муз. Слушала Олега Юрьевича с удовольствием, а думала о своем: адрес театра и будущего молодежного центра — тут же, за забором интерната для престарелых. Воспользовалась паузой в воодушевленном рассказе и упомянула об этом обстоятельстве.

Показалось, собеседник с разбегу наткнулся на невидимую стену. Молчание затянулось. Потом возник упавший, растерянный голос: «Не понимаю, как такое случилось? Мы же об этом знали, но никогда не думали. Стыдно...»

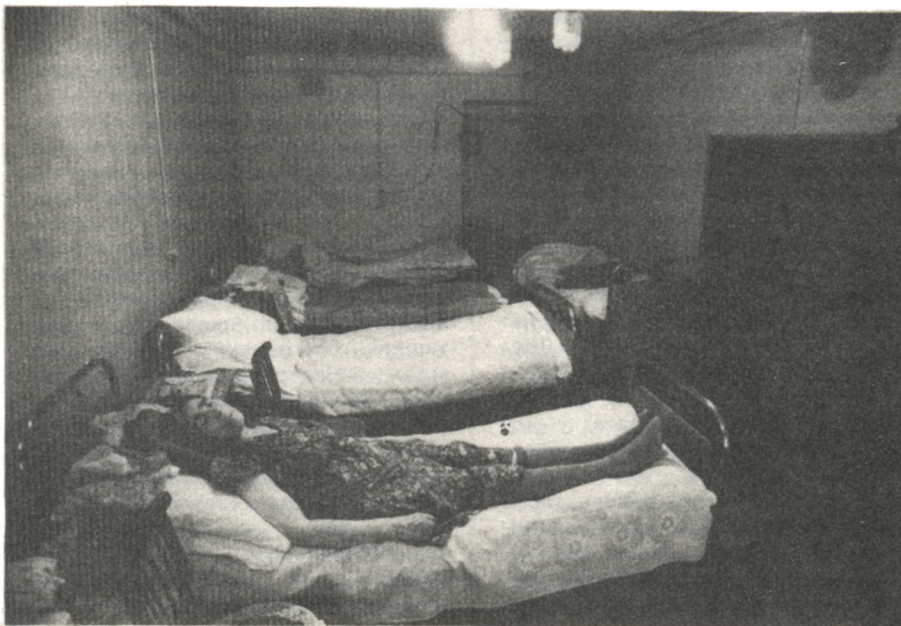
Верно, так бывает: одно нечаянное слово — и человеку открывается в его жизни нечто очевидное,

но почему-то прежде не замечаемое. И начинается пересмотр ценностей. Думается, не обманусь: когда в другой раз доведется побывать в театре «За Черной речкой», я не найду здесь забвенья молодыми обездоленной старости, обитающей рядом.

...Шумит, грохочет жизнь на Поклонногорской и рядом. Вот и автошкола. Мой собеседник здесь — заместитель директора по политико-воспитательной работе полковник в отставке А. И. Шумилкин. Сорок лет в армии, вся жизнь отдана воспитанию молодых воинов. Прямой взгляд, доброжелательность, интеллигентность.

В числе качеств, которые, по мнению полковника, необходимо воспитывать в будущих бойцах — товарищество, взаимовыручка, чувство чести. Разумеется, во главе угла — дисциплинированность, привычка к трезвому образу жизни. О молодых полковник Шумилкин говорил с отеческой заботливостью:

— Семнадцатилетние пареньки. Еще не окрепли физически. Днем учатся, работают. К нам на занятия в течение полугода ездят по вечерам. Это большая нагрузка. Нам с ними даже для поездки на ладожскую Дорогу жизни трудно выкроить время...

Не подумайте, что полковник Шумилкин против помощи старикам. «Что-нибудь нужно? Сделаем». Есть полная готовность.

Все хорошо: и забота о здоровье, и воспитание благородных чувств, и готовность помочь. Смутило лишь слово «даже». Оно означало, что, скажем, экскурсия для ребят — важнее, чем участие в судьбе одиноких стариков. За этим «даже» увиделась некая общая закономерность. К ней, видимо, привел стандарт мышления, сложившийся в нашем обществе за последние годы. Скажем, экскурсия к местам боевой славы — это, безусловно, «ключ» к воспитанию личности. А участие в судьбе старого человека, к стати, возможно и участника войны, возможно — участника обороны Ленинграда, возможно — матери погибшего воина — этот «воспитательный» материал вроде сомнителен. А почему? Ведь только потому, что, как говорится, «не вошел в оборот».

Слабому, больному судьбой не додано тепла. Приди, чем можешь — скрась его дни. Разве для нравственного становления семнадцатилетних мужчин не это важнее всех экскурсий, кино, бесед о благородстве и чести? Но не введены пока такие поступки в ранг одного из главных показателей чести и достоинства любого человека. Не потому ли, к стати, люди и с партийным билетом в кармане иной раз считают для себя возможным «сдать» своих стариков в дом «общественного призреия». Не отсюда ли эдакое небрежно-обезличенное «бабулька» или «дедок» по отношению к любому пожилому человеку — со стороны едва ли не каждого, кто моложе? Отсюда. Невдомек ведь, что, проявив непочтение к старейшине, публично осквернил свою честь...

Один из парней, с которыми я разговорила в вестибюле автошколы по поводу сострадания, произнес очень авторитетно печально знакомую формулу: «Жалость унижает человека». Другой послушал-послушал, да так с иронической улыбкой и отошел от меня. Но были и ребята, у которых что-то переменялось в выражении глаз.

Мне невольно вспомнились слова Ады Николаевны Поповой, воспитателя детского дома № 53. Он тоже — в окрестностях Поклонногорской. «Как им ни трудно —

они без нас обойдутся,— сказала она о подопечных интерната.— Это нам без них будет плохо...» Детдом № 53 — из тех, которые по праву именуются словом «дом», а не «детское учреждение», не приют. Я это поняла, побывав в его стенах совсем недолго. В этом убеждает не интерьер, не удобство мебели и картины, а лица, движения, говор. По-домашнему выглядели, ходили, разговаривали, смеялись дети.

Ада Николаевна Попова здесь работает недавно. Но скоро почувствовала: детям, материально обеспеченным, окруженным вниманием заботливых шефов, щедро одаренным гостинцами, угрожает реальная опасность — эгоизм и иждивенчество.

— Мы все вкладываем в них и в них, а они — никому ничего. Эдак накормим, напоим, грамоте выучим, а человека не вырастим... Так воспитатель пришла к выводу: надо искать, кому пригодится теплота ребячьих сердец и рук. Так группа детдомовцев стала всегда интерната. Убирают сад, выступают с концертами, делают гостинцами. А главное — пройдут по комнатам, запишут все просьбы: сто граммов колбаски, пачка печенья, калорийная булочка... Расстараятся, чтобы раздобыть все самое свежее, и, разумеется, до копеечки сдачи.

Что говорить, от посещений немощных, дряхлых, не самым лучшим образом обихоженных старушек — впечатления не те, что от прогулок по Летнему саду. Возможно, ревнителю охраны детской психики от «травмирующего» соприкосновения со страданием тут будут в особенности наступательны. Дескать, у воспитанников детских домов и так в душе горестные шрамы, их-де следует лечить радостью, красотой, покоем. Только ведь медики давно пришли к тому, что малоподвижность — худший враг здоровья. А раненой душе и подавно без спасительной гимнастики здоровой не стать. В интернате услышала: «Мы ребята благодарны и очень их ждем...» Наверняка ждут не только ради того, чтобы послать по своим маленьким поручениям, но еще чтобы взглянуть в юное лицо, услышать детский голос, почувствовать молодое, свежее дыхание. Надо, чтоб и юные это знали: не хлебом единым жив человек, а более всего сердечным теплом. От детства и до старости.

Члены клуба «Дым отечества», который организовался в школе № 90 несколько лет назад под руководством учительницы литературы Аллы Ивановны Корнеевой, это знают. Можно много говорить о разносторонних увлечениях участников клуба — о поездках и походах, о выступлениях с концертами в полузаброшенных деревнях, о защите памятников культуры, об изучении произведений писателей и художников, до недавнего времени забытых. Но скажу, на мой взгляд, о главном.

К счастью, участников клуба занимает не только созданное человеческим гением, но и судьба простого человека. В Военно-медицинскую академию они ходили ухаживать за ранеными в Афганистане — дежурили, мыли, кормили. Некоторые выпускники после этого стали медсестрами.

В доме престарелых ребята ухаживают за садом, дают концерты, к праздникам пекут для дедушек и бабушек домашнее печенье и «хворост». Взяли шефство и над детьми-сиротами.

— Для дома малютки и дошкольного детского дома мы собирали игрушки. Назвали это «Операция «Плюшевый заяц». Вяжем для малышей разные вещи, собираем хорошо сохранившуюся одежду. В детскую больницу, где лечатся ребята из детдомов и интернатов, передали два рюкзака вещей. Но дети-сироты больше всего нуждаются в бесценной и с таким трудом восполнимой материнской ласке. И ребята из клуба «Дым отечества» приходят к ним по субботам, чтобы показать диафильмы, чтобы малыши могли поиграть с большими мальчиками и девочками, как играют в семье со старшими сестрами и братьями. Нет, душа молодых, что ни говори, еще не убита. И надо помочь ей расправить крылья и подняться на новую нравственную высоту — к милосердию, к состраданию, к добротворчеству. Знакомство с Поклонногорской и окрестностями убеждают в этом.

Г. МОГИЛЕВСКАЯ

ПО БУКВЕ ЗАКОНА

**Пять лет Лилю ждут дома.
Любящий отец и его жена, для которой
эта девочка значит в жизни все.
И пять лет Лиля живет с матерью,
для которой она лишь ширма, лишь способ
отгородиться от правового контроля
со стороны милиции...
И ничего сделать нельзя?**

■ Так уж бывает, что рассказы о любви к детям, как правило, с наибольшей силой звучат в таком неподходящем месте, как судебный зал. Эта история тоже началась с судебного заседания. Повод для наших дней был, увы, банален: бывшие супруги «делили» ребенка. В декабре не столь далекого 1985 года Голопристанский районный суд Херсонской области по иску Виктора Адаменко начал гражданский процесс против его бывшей супруги Е. Пилипенко. Он обвинял ее в аморальном образе жизни — тунеядстве, постоянных, весьма продолжительных отлучках из дома, продаже мебели и одежды, в пьяных загулах, сожительстве со многими мужчинами, в клевете и оскорблениях... Что ж, «букет» солидный для того, чтобы передать дочь на воспитание отцу. Суд проникся доверием к нему, тем более что подтвердить слова Адаменко пришло немало людей, и вынес решение оставить дочь отцу.

Однако в скором времени мать предприняла действия, которые трудно было ожидать от женщины, ведущей столь примечательный образ жизни: она подает кассационную жалобу, и через пару месяцев назначается новое заседание голопристанского суда. Тот же состав судей признает, что ранее были допущены ошибки сразу по трем(!) статьям Гражданско-процессуального кодекса и что «не были приняты во внимание обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора».

Какие же это обстоятельства?

Первое: Е. Пилипенко, мать девочки, на момент суда уже почти месяц работала на птицеферме, где ей дали вполне положительную характеристику. Уместен вопрос: как руководство птицефермы могло дать исчерпывающую характеристику человеку, проработавшему всего несколько дней? (Кстати, сразу же после процесса Пилипенко вынуждена была уйти с фермы, так как была уличена в краже цыплят.) Впрочем, на этот вопрос мы не ждем ответа: слишком хорошо знаем, как у нас даются характеристики.

Второе: первый суд не принял во внимание показания единственного свидетеля со стороны ответчика — Е. Щуровой. Как Щурова потом сама утверждала, пришла только для того, чтобы сказать хоть несколько добрых слов о Пилипенко лишь из чувства жалости к ребенку. Увы, этот порыв оказался преждевременным. Сейчас Щурова слышать не может о Пилипенко, которую уличила в попытке украсть кое-что из личных вещей, когда та находилась у нее дома.

Новые доводы перетянули. Прежнее решение быстро переиграли, и суд вернул дочь Пилипенко, руководствуясь простецким принципом: если не отцу, то — матери, а третьего, как говорится... Нет, оказывается, был и третий вариант. РОНО, как водится, прислал своего представителя — восемнадцатилетнюю девушку. Девушка с трудом понимала, о чем идет речь, а когда ее попросили изложить свое мнение, то она после неловкой паузы прошептала: «А может, ребеночка пристроить в детский дом?»

Что и говорить, юное создание предлагало принять воистину соломоново решение! Мы к нему еще вернемся.

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, что отец будет протестовать против нового судебного решения. В самом деле, слишком уж легковесными кажутся обстоятельства, на основе которых суд отдал девочку матери. К тому же на второе заседание не вызвали ни одного(!) свидетеля. О новом решении суда сам Виктор и наспех собранные им свидетели узнали задолго до того, как судья торжественно огласил его... В коридоре прокурор В. Богун, на глазах у всех подойдя к Пилипенко, громко сказал: «Ну что ты волнуешься, вернем мы тебе ребенка. Только в последний раз! Еще раз услышу о твоём поведении, пеняй на себя!» Значит, и прокурор был наслышан о похождениях Пилипенко, однако это никак не повлияло на исход дела. И девочку действительно вернули матери, небрежно отмахнувшись от возмущенных, не допущенных в суд свидетелей: «Вы — заинтересованные лица».

Мать же, подхватив двухлетнюю Лилю, скрылась в неизвестном направлении. И это не метафора: постоянного места жительства у Пилипенко в тот момент не было. С того дня жизнь Виктора Адаменко свелась к одной цели — вернуть дочку. Начался многолетний бег по инстанциям...

Профессиональная оценка, данная действиям и первого, и второго судов (за ней я обратился к ведущим нашим юристам) не делает чести

служителям местной Фемиды. Но давайте абстрагируемся от нее. Согласитесь, трудно выяснить причину циничного равнодушия к своим служебным обязанностям тех, кто призван защищать права граждан. Вместо этой защиты получается игра в правосудие.

Стучась во все мыльные и немислимые двери, Адаменко не упускал возможности повидаться с дочкой, хотя сделать это было непросто — бывшая жена продолжала скитаться по селам, работая на частных огородах за еду и кров. Однажды ее видели глубокой осенью бредущей по размытой дороге. Девочка, плача, тащилась за ней, с трудом вытаскивая летние сандалики из черной грязи. Кроме летнего платья и косынки, на Лиле ничего не было.

Когда же Виктор, будем называть вещи своими именами, выкрал девочку, Пилипенко подняла на ноги всю районную милицию. Спустя несколько месяцев соответствующие органы заставили отца вернуть дочь матери. Они согласовали свои действия с буквой закона. Но только на чьей стороне был этот закон, вот в чем дело. Закон был соблюден. Несмотря на то что в результате этого соблюдения ребенок попал в объективно опасное положение.

Пилипенко прекрасно понимала, что, лишившись дочки, она лишится многих привилегий матери-одиночки. Тогда с ней церемониться не будут, не позволят пьянствовать, бродяжничать, возбуждая жалость и сострадание видом неухоженной девочки. «Смотрите, люди, до чего довел бывший муж, меня и дите со свету сжил, ходим побираемся, как нищие». А ведь Пилипенко действительно — нищая, дома нет, имущества нет, сбережений нет, прописки и той до недавнего времени не было. Сейчас, правда, она прописана в общежитии одного из херсонских заводов — там она устроилась на работу. Почувствовав, что тучи над головой сгущаются, она временно создала видимость стабильной обстановки. Такое случилось. Всегда к моменту судебного заседания Пилипенко оказывалась устроенной на работу, предоставляла суду необходимые справки, а потом благополучно увольнялась — трудовой стаж ее за четыре года вряд ли превысит три месяца.

Необходимо упомянуть и еще об одном факте, который никак не хочет приниматься во внимание ни

судом, ни РОНО. Своего первого ребенка Пилипенко давно отдала государству — мальчик воспитывался в детском доме, пока не поступил в морское училище. Об этом она вспоминать не любит, твердит, что ей не на что жить было...

Теперь о РОНО. Его роль в этом деле сведена к двум-трем ничего не значащим фразам да еще к составленному на скорую руку акту осмотра жилищных условий Пилипенко.

Ну и, конечно, к словам девушки, оказавшейся на суде в качестве представителя отдела народного образования. Видно, ее начальству недосуг было идти в суд, вот и послали ее. «Надо сходить и посидеть, заодно и посмотришь, наберешься опыта», — сказали этой девушке, и она послушно отправилась «защищать» права Лили. Как она их защищала — известно.

Сейчас много рассуждают о явлениях, родивших на свет целые поколения отрешенных индивидуалистов. Зачем оглядываться в прошлое, когда сегодня можно стать невольным свидетелем попытки духовного убийства или самоубийства будущего гражданина? Мне все-таки удалось встретиться с Пилипенко. Встреча вызвала противоречивые чувства. Вот она, на

РУКИ НЕ ОПУСКАЕМ!

вид простая, ничем не примечательная женщина, разве что с сильно посеревшим лицом, сидит и, всхлипывая, рассказывает об ужасных преследованиях со стороны бывшего мужа, о травле, которой ее подвергли бывшие родственники, о бедной своей дочке... Невольно начинаешь верить в искренность ее чувств. Так и хочется принять ее сторону, помочь оказавшейся в беде матери малолетнего ребенка. Но факты, факты...

Они идут за мной следом, заставляя совсем другими глазами взглянуть на затянувшуюся драму. Я начинаю понимать, как Пилипенко ловко пользовалась своим главным оружием — способностью к перевоплощению. Вот она визгливо причитает передо мной, посторонним человеком. А вот ее письма, которые она постоянно шлет Виктору. В них и матерные выражения, и оскорбления его новой семьи, и откровенные угрозы в его адрес. Кроме ощущения брезгливости, они ничего не вызывают, это настоящий почтовый террор.

А можно ли забыть разговоры с людьми, которые лично знали Пилипенко, были свидетелями ее жизни? Их возмущение тем, что судебные органы до сих пор не могут решить судьбу девочки, помочь ребенку обрести покой, и дом, где ее ждут вот уже без малого пять лет.

Виктор не теряет надежды на возвращение дочки. Не буду описывать его мытарства, любое его обращение к должностным лицам рождало лаконичные, издевательские отказы, оснащенные дубовыми фразами: «Ваше дело проверено... оснований нет...», «факты не подтвердились...», «при выявлении установлено...» и т. п. Но ничего не было проверено, ничего не устанавливалось. Ведь для того, чтобы проверить, подтвердить, установить, надо выполнить из кабинета, поехать, походить, встретиться с людьми, собрать факты и фактики, сложить из них действительную картину. Какой же чиновник отважится на такой подвиг? Откровенно говоря, я не знаю, чем закончится эта печальная история. Не уверен я, что Виктору Адаменко удастся спасти свою дочь. Но даже если это и произойдет, не окажется ли судьба ребенка уже сломанной бездушным людей, которые не имеют права быть бездушными.

М. МАСЛОВ

Херсон — Москва

■ С легкой руки Ю. Милославского («Неделя» № 8, 22 — 28 февраля 1988 г.) прокатилась в прессе волна негативных публикаций об общественной борьбе за трезвость. Журналисты наслаждались словесными изысками, а в винных очередях потирали ладони, обещая трезвенникам показать «кузькину мать»... Есть у нас в Казани свой дом с колоннами: дряхлеющий особнячок на одной из центральных улиц приютил сотрудников республиканского и городского советов ДОБТ. Моральная атака центральных изданий не прошла бесследно. Некоторые растерялись. Но следует отдать должное татарским журналистам. Они оказались более объективны. Не тенденциозные статьи, а обширные подборки откликов читателей появились в местной печати. Там ВДОБТ ругали и хвалили. А главное — прозвучало убеждение в необходимости нашей работы. Это была очень своевременная поддержка.

В республиканском совете собрались активисты, представители наркологической службы, МВД, прессы и в ходе горячих споров выработали четкую конкретную программу действий. Нельзя сказать, что раньше у Общества не было своей программы, однако... Убежденные в своей правоте, мы работали буквально по армейскому принципу: не можешь — научим, не хочешь — заставим! Впрочем, по этому принципу велась антиалкогольная работа и во многих других регионах страны. Глобальные «зоны трезвости», резкое сокращение продажи спиртного, и при этом крайне слабая организация досуга и отсутствие обещанных безалкогольных напитков. Население оказалось не готовым к трезвой жизни, но и мы не уловили вовремя ошибочности концепции, по которой строили свою работу. Конечно, борьба с пьянством важна и решение этой задачи — основная цель нашего существования. Но бороться с пьянством — это значит и пропагандировать, утверждать здоровый, трезвый образ жизни.

Решение только первой части этой двуединой задачи и привело к необходимости перестройки работы общества борьбы за трезвость в Татарии. Мы не отказались ни от одного своего принципа, даже от

раскритикованных «зон трезвости». Если пока не получилось во всем районе, «объявим» — нет, не объявим, а сделаем зоной трезвости семью, основную ячейку общества. В небольшом городке Зеленодольске создан клуб семейного туризма. Этим летом девять семей прошли по Кавказу тремя маршрутами. Активная участница и одна из организаторов этого клуба — ответственный секретарь городского совета ДОБТ Н. В. Иванова рассказывает:

— Наш клуб — объединение энтузиастов. В субботу или воскресенье ходим в тренировочные походы, прячем в лесу «сладкие клады», а ребятишки их отыскивают. В прошлые зимние каникулы нарядились в маскарадные костюмы и вышли на лыжню здоровья с мешками, в которых были книжки и игрушки. Представьте, кто испытывает малыш, когда «крокодил Гена» вручает подарок юному лыжнику и приглашает его в клуб семейного туризма вместе с мамой и папой.

Вот так прорастают семена антиалкогольной работы ВДОБТ! Нашей работы. Часто ломаем голову, как избежать заорганизованности. Как разбудить инициативу. Республиканский совет сейчас в стадии поиска. В плане — организация многопрофильного студенческого кооператива совместно с обкомом комсомола. Это должна быть сеть безалкогольных кафе, в которых будут дискотеки и диспуты, видеолектории и конкурсы местных бардов, поэтические чтения и встречи с интересными людьми. Это теннисные корты и залы атлетической гимнастики, куда мы мечтаем собрать подростков из подворотен. А в перспективе — собственное издательское дело с печатанием календарей, проспектов, буклетов.

Мы не согласны, что лекции о вреде пьянства «больше не срабатывают». Конечно, если лектор нудно рассказывает прописные истины — эффекта никакого. А если в 6 часов утра на полевой стан приезжает агитавтобус и до начала рабочего дня представитель МВД дает свежую сводку «пьяных происшествий» в колхозе, нарколог тут же комментирует эти события, предупреждая о последствиях, студенты играют сценки, в которых дейст-

вующие лица — твои соседи или, может быть, ты сам? Каков эффект подобных лекций? Именно так живо, актуально, непосредственно провели агитрейс в сентябре этого года по Азнакаевскому и Бавлинскому районам ответственный секретарь республиканского совета общества борьбы за трезвость Ю. Б. Щелывалов, врач-нарколог Б. Е. Быков и представитель МВД В. М. Мельцин совместно с агитбригадой из медицинского института. Особый интерес вызвала у слушателей исповедь А. Козлова — бывшего пациента Бориса Ефимовича Быкова.

Как привлечь на свою сторону население и исправить то настроение, которое посеяли публикации в «ЛГ», «Огоньке»? Мы решили — надо поднять престиж ВДОБТ. На вопрос «Вас еще не разогнали?» отвечаем: «И не надейтесь, не разгонят!» В день выхода Постановления ЦК КПСС, посвященного антиалкогольной работе, республиканский совет организовал часовую телепередачу «Прямая связь». Были приглашены заместители министров торговли, здравоохранения, просвещения и внутренних дел. Но львиная доля вопросов выпала заместителю председателя Татарского ДОБТ Ю. Г. Мангушева. Этот интерес, активность телезрителей — самое веское доказательство жизнеспособности общества.

А завтра мы хотим организовать лечебно-консультативный кооператив совместно с наркодиспансером, где окажут помощь желающим бросить пить и курить, дадут консультации по вопросам семейной жизни и половых дисгармоний, научат приемам массажа и акупунктуре, помогут составить сценарий безалкогольного праздника. Мы хотим распространить опыт работы клуба «Оптималист», организованного в Нижнекамске, по всей республике. «Оптималист» действует уже около двух лет и лечит от курения и пьянства по методу Соколова и Шичко. В наших планах — проведение республиканского парада агитбригад и рок-ансамблей совместно с комсомолом и Татоблсовпрофом. Словом, задумок много, желания работать — тоже.

З. ДЖУМАМЕЕВА,
инструктор отдела пропаганды
и профилактики Татарского
республиканского совета ДОБТ
г. Казань

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ,

■ Лето 1979 года. В тот июльский день участковый инспектор Ю. П. Шумилов стоял перед выбором — либо оставить на свободе законченного алкоголика Самарина, либо посвятить не один месяц и значительные силы, чтобы выбить путевку в лечебно-трудовой профилакторий для подопечного. А это, к стати сказать, потруднее, нежели путевку в Сочи в летний сезон достать. Очередной запрос так и не дал результата — направление на лечение обещали дать не ранее конца декабря. Неожиданно сам Самарин решил помочь участковому:

— Юрий Александрович, прошу как человека — не отправляйте. Слово даю: исправлюсь!

— Самарин, да сколько мы таких твоих заверений слышали... — вздохнул Шумилов.

Самарин хитровато усмехнулся: — Так ведь нет же путевки — и не будет. А я, глядишь, исправлюсь. В той ситуации выбора у сотрудника милиции действительно не было.

— А давайте так поступим: раз или два в неделю буду приходить к вам отмечаться, — чувствовал сомнения Шумилова, подсказал Самарин.

«А почему бы и нет?» — задумался майор. Только один-два раза у него не пройдет: каждый день приходить будет. И лучше всего — часика в четыре, когда народ валом к винному магазину спешит. А сорвется — ну тогда все, костыми лягу, а путевку в ЛТП выбью.

Самарин сдавал свои позиции понемногу: не было недели, чтобы он не появлялся «под градусом». Правда — «норму» снизил, причем значительно.

— Ты, Юрий Александрович, прав — пьянствую я. Но только и меня пойми: нельзя так сразу бросить. Два дня не пил — аж зеленый весь стал. Ну что тут поделаешь!

Месяца через три заметил участковый, что Самарин постепенно стал отходить от сомнительных компаний, специально выбирал кружной путь, лишь бы не оказаться у дверей винного магазина. Посоветовался Шумилов с психиат-

ром, может быть, следует Самарина с контроля снять — лучше становится. Вот уже об устройстве на работу подумывает.

— Не спешите, Юрий Александрович, до исправления еще далеко. Я вашего Самарина вижу чуть ли не каждый день — живем-то рядом. В любой момент можно ждать рецидива.

И вдруг предложил:

— А не возьмете и меня в свои помощники, товарищ Шумилов? Так начал складываться педагогический треугольник.

Лучшего Шумилов ждать не мог. К тому времени, следом за Самариним, потянулись на вечерние беседы и другие любители «зеленого змия»... Сложилась группа в полтора десятка, желающих избавиться от недуга. Это были люди, еще не переступившие роковой черты. Они еще могли удержаться.

Дальше — больше. Энтузиазм Шумилова заражал окружающих, не всех, разумеется. Нашелся сотрудник киностудии, рассказал об истории советского киноискусства, старик умелец показал, как из кусочков древесины и отходов можно сделать украшения. Спорторганизатор из ЖЭКа провел шахматный турнир — «подопечные» участкового на неделю забыли дорогу в винные магазины.

— А давайте футбольный матч проведем, — загорелся однажды идеей Самарин. Но тут уж против выступили все сотрудники милиции и медики: такая психологическая и физическая нагрузка могла пойти во вред здоровью людей, забывших, что такое спортивная закладка.

Решили поступить иначе: комсортделения милиции получил от Шумилова необычное задание — хоть из-под земли достать билеты на «Динамо». Должен был состояться футбольный матч двух известных команд.

Шумилов понял главное: необходимо сломать стереотип борьбы с пьянством. К тому времени в Москве уже действовали три ЛТП, намечался ввод четвертого. В каждом районе города уже действовали медицинские вытрезвители.

КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН

Росло число койко-мест. Пьянство росло тоже.

И как парадокс — на участковы инспекторы в тот период стали возлагать такие обязанности, от которых даже сотрудники ЖЭКов шарахались. Например, участковый должен был не только следить за обеспечением общественного порядка в районе, но и за порядком в целом: ставить отметки дворникам за качество уборки, организовывать удаление сосулек с крыш и т. д. Явно смешивались понятия «порядок» и «правопорядок». Кроме таких нелепостей была еще одна: участковый обязан вместе с подопечным пройти все медицинские учреждения, СЭС, собрать ворох различных бумаг, прежде чем передать пьяницу в ЛТП.

Начальство, и ранее смотревшее на инициативы Шумилова со значительной долей иронии, стало на каждом совещании намекать на пассивность в его работе. А дело упиралось в один важнейший документ — «простыню», на которой сосредоточено свыше шестидесяти граф. Для хорошей работы по «простыне» нужно, чтобы как можно больше людей в ЛТП было направлено и на учет таких стояло бы побольше. А у Шумилова все наоборот, что ни месяц, то в ЛТП направляется меньше, а с учета снимается больше. С точки зрения «простыни», а значит, и начальства — это было плохо.

Особенно раздражало, что Шумилов завел свой «гроссбух», вместо 60 позиций осталось в нем всего несколько конкретных данных. — Вы что же, капитан, самого министра умнее? Вам сверху разработана схема профилактической деятельности, извольте исполнять ее.

С 1979 года и по 1982-й нахватал Шумилов устных взысканий столько, что другому на всю жизнь хватило бы. Но он от своего дела не оторкся.

Шумилов убежден: строительство ЛТП надо приостановить. Нельзя дальше вести борьбу с пьянством, развивая эти учреждения. Иные формы воздействия необходимы. Пресловутая графа в отчетности «Количество направленных в ЛТП»

оказалась сильнее разума человеческого.

Действительно, можно ли считать, что такая графа, точнее отчетность по ней, помогает перевоспитанию? Стремясь дать высокую цифру, участковый одновременно расписывается в собственном бессилии. Сам не справился — забирайте в ЛТП и перевоспитывайте. И сегодня эта графа в статотчетности едва ли не важнейшая.

Между тем Шумилов продолжал свою работу. Его опыт изучали представители столичной милиции и МВД СССР... Но не для того, чтобы распространить его повсеместно. Хотели уничтожить саму идею, самостоятельность мышления. Чтобы другим неповадно было игнорировать исходящие из аппарата Щелокова приказы и инструкции.

Однако проверяющим и инспектирующим пришлось признать: с 1979 по 1982 год число пьяниц на территории отделения неуклонно сокращалось, меньше привлечено к уголовной ответственности стоящих на учете в отделении. Зато увеличилось количество людей, ставших на путь исправления. Цифры сами говорили за себя: в 1980 году двадцать один пьяница переступил закон, на следующий — таких оказалось лишь девять, в 1982-м — пять.

И все-таки для руководства активная позиция Шумилова, его стремление развить сеть подобных групп была словно кость в горле.

— Конечно, хорошо, что количество жалоб на ваших подучетных снизилось с 137 до 37. Но как же можно, — негодуя указывали перстами капитану на цифры: — против 24 направленных в ЛТП в 1980 году в 1981-м только шесть! — Ветер перемен, наметившийся в обществе в 1982—1983 годах, предполагал и изменение в нашей деятельности, — говорит Шумилов. — Однако месяц спустя после того, как во главе министерства стал Федорчук, на одном совещании я услышал из его уст: «Забудьте слово «профилактика». Только борьба с преступностью. Я не знаю такого слова «профилактика».

Прежнее руководство министерства ставило под вопрос лишь целесообразность продолжения эксперимента Шумилова. Нынешнее попросту его запретило. К счастью для Юрия Александровича и его подопечных, промежуточный этап длился недолго и службу участковых инспекторов не только возродили к жизни — теперь она стала называться «главной службой милиции». Изменился и статус участкового, и отношение к его проблемам. Одно только осталось по-прежнему: пресловутая «простыня» отчетности. Трудно от нее избавиться. По крайней мере от некоторых нелепых пунктов и граф.

Иное сегодня руководство в районе, иные и мерки. И все равно иные коллеги Шумилова до сих пор с вождением смотрят на давнишние инструкции. Выгодны они участковым — хоть и не просто собрать массу документов, дабы направить пьяницу в ЛТП, зато... два года спокойней будет на всей территории. Ни скандалов, ни драк. А главное — жители писать жалобы не будут. Иное дело — профилактическая группа. Тут и время, и энергия, и творческое мышление нужны. Сложновато.

Не потому ли и не прививается сегодня в практике органов внутренних дел опыт старшего участкового инспектора из 149-го отделения г. Москвы Ю. А. Шумилова? А жаль. Людей жаль, которым еще можно было бы помочь.

С. КОРКИН,
наш спец. корр.

Игоря Авдеев,
который должен поздравить,
210 в главе "Вдохнов. Усад"
имеется в виду (мнение одобряет)
как раз он сам же
Ворожоб. 25/11-89.

Венедикт ЕРОФЕЕВ

«МОСКВА — ПЕТУШКИ»

Повесть

Павлово-Посад — Назарьево

Она и это выпила, и снова как-то машинально. А выпив, настезь растворила свой рот и всем показала: «Видите — четырех зубов не хватает?» «Да где же зубы-то эти?» «А кто их знает, где они. Я женщина грамотная, а вот хожу без зубов. Он мне их выбил за Пушкина. А я слышу — у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду, выпью и заодно расскажу, как мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба...»

И она принялась рассказывать, и вот какой был стиль ее рассказа...

— Все с Пушкина и началось. К нам прислали комсорга Евтюшкина, он все щипался и читал стихи, а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил...» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» Я говорю: «Еще как раздавался!» Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок. А когда уже выволок — я ходила все дни сама не своя, все твердила: «Пушкин — Евтюшкин — томил — раздавался». «Раздавался — томил — Евтюшкин — Пушкин». А потом опять: «Пушкин — Евтюшкин...»

Начало в № 12 — 1988, 1 — 1989.

— Ты ближе к делу, ближе к передним зубам, — оборвал ее черноусый.

— Сейчас, сейчас будут и зубы! Будут вам и зубы!... Что же дальше?.. Да, с этого дня все шло хорошо, целых полгода я с ним на сеновале Бога гневил, все шло хорошо! А потом этот Пушкин опять все испортил.. Я ведь как Жанна д'Арк. Та тоже — нет, чтобы коров пасти и жать хлеба, — так она села на лошадь и поскакала в Орлеан, на свою ж... приключений искать. Вот так и я — как немножко напьюсь, так сразу к нему подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» А он огрызается: «Да каких там еще детишек? Ведь детишек-то нет! Причем же тут Пушкин!» А я ему на это: «Когда они будут, детишки, поздно будет Пушкина вспоминать!»

И так всякий раз — стоило мне немного напиться.

«Кто за тебя, — говорю, — детишек?.. Пушкин, что ли?» — А он — прямо весь бесится. «Уйди, Дарья, — кричит, — уйди! Перестань высекать огонь из души человека!» Я его ненавидела в эти минуты, так ненавидела, что в глазах у меня голова кружилась. А потом — все-таки ничего, опять любила, так любила, что по ночам просыпалась от этого...

И вот как-то однажды я уж совсем перепилась. Подлетаю я к нему и ору: «Пушкин, что ли, за тебя дети-

Басаров Г. Ш.

шек воспитывать будет? А? Пушкин?» Он как услышал о Пушкине, весь почернел и затрясся: «Пей, напивайся, но Пушкина не трогай! Детишек — не трогай! Пей все, пей мою кровь, но Господа Бога твоего не искушай!» А я в это время на больничном сидела, сотрясение мозгов и заворот кишок, а на юге в то время осень была, и я ему вот что тогда сказала: «Уходи от меня, душегуб, совсем уходи! Обойдусь! Месяцок п... и под поезд брошусь!» А потом пойду в монастырь и схиму приму! Ты придешь прощения ко мне просить, а я выйду во всем черном, обаятельная такая, и тебе всю морду исцарапаю безмянным пальцем! Уходи!» А потом кричу: «Ты хоть душу-то любишь во мне? Душу — любишь?» А он все трясется и чернеет: «Сердцем, — орет, — сердцем — да, сердцем люблю твою душу, но душою — нет, не люблю!»

И как-то дико, по-оперному, рассмеялся, схватил меня, проломил мне череп и уехал во Владимир-на-Клязьме. Зачем уехал? К кому уехал? Мое недоумение разделяла вся Европа. А бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, в поисках своего «я!»

Да! А через месяц он вернулся. А я в это время пьяная была в дым, я как увидела его, упала на стол, засмеялась, засучила ногами: «Ага! — закричала. — Умотал во Владимир-на-Клязьме! А кто за тебя детишек...» А он — не говоря ни слова — подошел, выбил мне четыре передних зуба и уехал в Ростов-на-Дону по путевке комсомола... Дело к обмороку, малый. Налейка еще чуток.

Все давились от смеха. Всех доконала, главное, эта глухонемая бабушка.

— А где ж он теперь, твой Евтюшкин?..

— А кто его знает, где? Или в Сибири, или в Средней Азии. Если он приехал в Ростов и все еще живой, значит, он где-нибудь в Средней Азии. А если до Ростова не доехал и умер, значит, в Сибири...

— Верно говоришь, — поддержал я ее, — в Средней Азии не умрешь, в Средней Азии можно прожить. Сам я там не был, а вот мой друг Тихонов — был.

Он говорит: идешь, идешь, видишь — кишлак, а в нем кизьяками печку топят, а выпить ничего нет, но жратвы зато много: акыны, саксаул... Так он там и питался почти полгода: акынами и саксаулом. И ничего — приехал рыхлый и глаза навывкате...

— А в Сибири?

— А в Сибири — нет, в Сибири не проживешь. В Сибири вообще никто не живет, одни только негры живут. Продуктов им туда не завозят, выпить им нечего, не говоря уж «поесть». Только один раз в год им привозят из Житомира вышитые полотенца — и негры на них вешаются...

— Да что еще за негры? — встрепенулся декабрист, чуть было задремавший. — Какие в Сибири негры? Негры в Штатах живут, а не в Сибири! Вы, допустим, в Сибири были. А в Штатах вы были?..

— Был в Штатах! И не видел там никаких негров!

— Никаких негров? В Штатах?..

— Да! В Штатах! Ни единого негра!..

Все как-то настолько одурели, и столько было тумана в каждой голове, что ни для какого недоумения уже не хватало места. Женщину сложной судьбы, со шрамом и без зубов, — все разом и немедленно забыли. И сама она как-то забылась, и все остальные — забылись; один только юный Митрич, чтоб в присутствии дамы показаться хватом, то и дело сплевывал какой-то мочой поперек затылка...

— Значит, вы были в Штатах, — мямлил черноусый, — это очень и очень чрезвычайно! Негров там нет и никог-

В. Ерофеев

да не было, это я допускаю... Я вам верю, как родному... Но скажите: свободы там тоже не было и нет?.. Свобода так и остается призраком на этом континенте скорби? Скажите...

— Да, — отвечал я ему, — свобода так и остается призраком на этом континенте скорби, и они так к этому привыкли, что почти не замечают. Вы только подумайте! У них — я много ходил и вглядывался, — у них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку. «Отчего бы это?» — думал я и сворачивал с Манхэттена на 5-ю авеню и сам себе отвечал: «От их паскудного самодовольства и больше ни отчего». Но откуда берется самодовольство? Я застывал посреди авеню, чтобы разрешить мысль: «В мире пропагандных фикций и рекламных вывертов — откуда столько самодовольства?» Я шел в Гарлем и пожимал плечами: «Откуда? Игрушки идеологов монополий, марионетки пушечных королей — откуда у них такой аппетит? Жрут по пять раз на день и очень плотно, и все с тем же бесконечным достоинством, а разве вообще может быть аппетит у хорошего человека, а тем более в Штатах!..»

— Да, да, да, — кивал головою старый Митрич, — они там кушают, а мы почти уже и не кушаем... Весь рис увозим в Китай, весь сахар увозим на Кубу... А сами что будем кушать?..

— Ничего, папаша, ничего!.. Ты уже свое откушал, грех тебе говорить. Если будешь в Штатах — помни главное: на забывай старушку Родину и доброту ее не забывай. Максим Горький не только о бабах писал, он писал и о Родине. Ты помнишь, что он писал?

— Как же... помню... — и все выпитое выливалось у него из синих глаз — помню... «мы с бабушкой уходим все дальше в лес...»

— Да разве ж это про Родину, Митрич! — ословело сердился черноусый. — Это про бабушку, а совсем не про Родину!..

И Митрич снова заплакал...

Назарьево — Дрезна

А черноусый сказал:

— Вот вы много повидали, много поездили. Скажите, где больше ценят русского человека: по ту или по эту сторону Пиренеев?

— Не знаю, как по ту, а по эту — совсем не ценят. Я, например, был в Италии, там на русского человека никакого внимания. Они только поют и рисуют. Один, допустим, стоит и поет. А другой рядом с ним сидит и рисует того, кто поет. А третий — поодаль — поет про того, кто рисует... И так от этого грустно. А они нашей грусти — не понимают...

— Да ведь итальянцы! Разве они что-нибудь понимают! — поддержал черноусый.

— Именно. Когда я был в Венеции, в день святого Марка, — захотелось мне посмотреть на гребные гонки. И так мне грустно было от этих гонок! Сердце исходило слезами, но немотствовали уста.

Да мне в Италии, собственно, ничего и не надо было. Мне только три вещи хотелось там посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею. Но мне сказали, что Везувия давно уже нет, и послали в Геркуланум. А в Геркулануме мне сказали: «Ну зачем тебе, дураку, Геркула-

нум? Иди-ка ты лучше в Помпею». Прихожу в Помпею, а мне говорят: «Далась тебе эта Помпея! Ступай в Геркуланум!»

Махнул я рукой и подался во Францию. Иду, иду, подхожу уже к линии Мажино и вдруг вспомнил: дай, думаю, вернусь, поживу немного у Луиджи Лонго, койку у него сниму, книжки буду читать, чтобы зря не мотаться.

А все-таки обратно не пошел. А пошел через Тироль в сторону Сорбонны. Прихожу в Сорбонну и говорю: хочу учиться на бакалавра. А меня спрашивают: «Если ты хочешь учиться на бакалавра — тебе должно быть что-нибудь присуще как феномену. А что тебе как феномену присуще?» Ну что им ответить? Я говорю: «Ну что мне как феномену может быть присуще? Я ведь сирота». «Из Сибири?» — спрашивают. Говорю: «Из Сибири». «Ну раз из Сибири, в таком случае хоть психике твоей да ведь должно быть что-нибудь присуще. А психике твоей — что присуще?» Я подумал: это все-таки не Храпуново, а Сорбонна, надо сказать что-нибудь умное. Подумал и сказал: «Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». А ректор Сорбонны, пока я думал про умное, тихо подкрался ко мне сзади да как хряснет меня по шее: «Дурак ты, — говорит, — а никакой не Логос! Вон, — кричит, — вон, Ерофеев, из нашей Сорбонны!» В первый раз я тогда пожалел, что не остался жить на квартире у товарища Луиджи Лонго...

Что ж мне оставалось делать, как не идти в Париж? Прихожу. Иду в сторону Нотр-Дама, иду и удивляюсь: кругом одни бардаки. Стоит только Эйфелева башня, а на ней генерал де Голль, есть каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны. А какой смысл смотреть, если во всех четырех сторонах одни бардаки!..

По бульварам ходить, положим, так нет никакой возможности. Все спуют — из бардака в клинику, из клиники опять в бардак. И кругом столько т... что дышать трудно. Я как-то выпил и пошел по Елисейским полям. Вижу: двое знакомых — она и он, оба жуют каштаны и оба старцы.

Потом я, конечно, узнал из печати, что это были совсем не те люди, это были, оказывается, Жан-Поль Сартр и Симона да Бовуар, ну да какая мне теперь разница? Я пошел по Нотр-Дам и снял там мансарду. Мансарда, мезонин, флигель, антресоли, чердак — я все это путаю и разницы никакой не вижу. Короче, я снял то, на чем можно лежать, писать и трубку курить. Выкурил я двенадцать трубок — и отослал в «Ревю де Пари» свое эссе под французским названием «Шик и блеск импер эlegant». Эссе по вопросам любви.

А ведь вы сами знаете, как тяжело во Франции писать о любви. Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. Там о любви знают все, а у нас ничего не знают о любви.

Короче, «Ревю де Пари» вернул мне мое эссе под тем предлогом, что оно написано по-русски, что французский один только заголовок. Что ж вы думаете, я отчаялся? Я выкурил на антресолях еще тринадцать трубок — и создал новое эссе, тоже посвященное любви. На этот раз оно все, от начала до конца, было написано по-французски, русским был только заголовок. И отослал в «Ревю де Пари»...

— И вам опять его вернули? — спросил черноусый, в знак участия рассказчику и как бы сквозь сон...

— Разумеется, вернули. Язык мой признали блестящим, а основную идею — ложной. Так что я плюнул, сжег свои рукописи вместе с мансардой и антресолями —

и через Верден попер к Ла-Маншу. Я шел к Альбиону. А в окрестностях Лондона...

— Позвольте, — прервал меня черноусый, — меня поражает ваш размах, нет, я верю вам, как родному, меня поражает та легкость, с какой вы преодолевали все государственные границы...

Дрезна — 85-й километр

— Да что же тут такого поразительного! И какие еще границы?! Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница эта — не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую — меньше пьют и говорят на нерусском...

А там? Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и все говорят не по-русски! Там, может быть, и рады куда-нибудь поставить пограничника, да просто некуда поставить. Вот и шляются там пограничники без всякого дела, тоскуют и просят прикурить... Так что там на этот счет совершенно свободно... Хочешь ты, например, остановиться в Эболи — пожалуйста, останавливайся в Эболи. Хочешь идти в Каноссу — никто тебе не мешает, иди в Каноссу. Хочешь перейти Рубикон — переходи.

Так что ничего удивительного... В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу я уже был представлен директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная и дурацкая, вроде сэр Комби Корм. «Чего вы от нас хотите?» — спросил директор Британского музея. «Я хочу у вас ангажироваться. Вернее, чтобы вы меня ангажировали, вот чего я хочу...»

«Это в таких-то штанах — чтобы я вас стал ангажировать?» — сказал директор Британского музея. «Это в каких же таких штанах?» — переспросил я его со скрытой досадой. А он, как будто не расслышал, стал передо мной на карачки и принялся обнюхивать мои носки. Обнюхав, встал, поморщился, сплунул, а потом спросил: «Это в таких-то носках, чтобы я вас ангажировал?»

— В каких же это носках?! — заговорил я, уже досады и не скрывая, в каких же это носках?! Вот те носки, которые я таскал на Родине, те действительно пахли, да. Но я перед отъездом их сменил, потому что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и...

А он не захотел и слушать. Пошел в палату лордов и там сказал: «Лорды! Вот тут у меня за дверью стоит один подонок. Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой? Ангажировать это чучело? Или не давать этому пугалу никакого ангажмента?» А лорды рассмотрели меня в монокли и говорят: «А ты попробуй, Уильям! Попробуй, выставь его для обозрения! Этот пыльный м... впишется в любой интерьер!» Тут слово взяла королева Британии. Она подняла руку и крикнула:

— Контролеры! Контролеры!.. — загремело по всему вагону, загремело и взорвалось: — Контролеры!..

Мой рассказ оборвался. Но не только рассказ оборвался: и пьяная полудремота черноусого, и сон декабриста — все было прервано на полпути. Старый Митрич очнулся, все в слезах, а молодой — ослепил всех свистящей зевотой, переходящей в смех и дефекацию. Одна только женщина сложной судьбы, прикрыв беретом выбитые зубы, спала как фатаморгана...

Собственно говоря, на Петушинской ветке контро-

леров никто не боится, потому что все без билета. Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, или идут контролеры: когда к нему подходят за билетом, он не смотрит ни на кого — ни на ревизора, ни на публику, как будто хочет провалиться сквозь землю. А ревизор рассматривает его билет как-то брезгливо, а на него самого глядит уничтожающе, как на гадину. А публика смотрит на «зайца» большими, красивыми глазами. А в глаза ревизору глядят еще решительней: вот мы какие — и можешь ли ты осудить нас? Подходи к нам, Семеныч, мы тебя не обидим...

До того, как Семеныч стал старшим ревизором, все выглядело иначе: в те дни безбилетников, как индусов, сгоняли в резервации и лупили по головам Ефроном и Брокгаузом, а потом штрафовали и выплескивали из вагона. В те дни, смытаясь от контролера, они бежали сквозь вагоны паническими стадами, увлекая за собой даже тех, кто с билетом. Однажды на моих глазах два маленьких мальчика, поддавшись всеобщей панике, побежали вместе со стадом и были насмерть раздавлены — так и остались лежать в проходе, в посиневших руках сжимая свои билеты...

Старший ревизор Семеныч все изменил: он упразднил всякие штрафы и резервации. Он делал проще: он брал с безбилетника по грамму за километр. По всей России шоферня берет с «грача» за километр по копейке, а Семеныч брал в полтора раза дешевле: по грамму за километр. Если, например, ты едешь из Чухлинки в Усад, расстояние девяносто километров, ты наливаешь Семенычу девяносто грамм и дальше едешь совершенно спокойно, развалясь на лавочке, как негодьянт...

Итак, нововведение Семеныча укрепляло связь ревизора с широкою массой, удешевляло эту связь, упрощало и гуманизировало... И в том всеобщем трепете, который вызывает крик «Контролеры!», нет никакого страха. В этом трепете одно лишь предвосхищение...

Семеныч вошел в вагон, плотоядно улыбаясь. Он уже едва держался на ногах, он доезжал обычно только до Орехова-Зуева, а в Орехово-Зуеве выскакивал и шел в свою контору, набравшись до блевотины...

— Это ты опять, Митрич? Опять в Орехово? Кататься на карусели? С вас обоих сто восемьдесят. А это ты, черноусый? Салтыковская — Орехово-Зуев? Семьдесят два грамма. Разбудите эту б... и спросите, сколько с нее причитается. А ты, коверкот, куда и откуда? Серп и Молот — Покров? Сто пять, будьте любезны. Все меньше становится «зайцев». Когда-то это вызывало «гнев и возмущение», теперь же вызывает «законную гордость»... А ты, Веня?..

И Семеныч всего меня кровожадно обдал перегаром: — А ты, Веня? Как всегда: «Москва — Петушки?»..

85-й километр — Орехово-Зуево

— Да. Как всегда. И теперь уже навечно: Москва — Петушки...

— И ты думаешь, что и на этот раз от меня отвертись?! Да?.. Ше-хе-ре-зада...

Тут я должен сделать маленькое отступление, и, пока Семеныч пьет положенную ему штрафную дозу, я поскорее вам объясню, почему «Шехерезада» и что значит «отвертись».

Прошло уже три года, как я впервые столкнулся с Семенычем. Тогда он только заступил на должность. Он подошел ко мне и спросил: «Москва — Петушки? Сто двадцать пять». И когда я не понял, в чем дело, он объяснил мне, в чем дело. И когда я сказал, что у меня

с собой ни грамма нет, он мне сказал на это: «Так что же? Бить тебе морду, если у тебя с собой ни грамма нет?» Я ответил ему, что бить не надо, и промямлил что-то из области римского права. Он страшно заинтересовался и попросил меня рассказать подробнее обо всем античном и римском. Я стал рассказывать и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было выскакать в Орехово-Зуеве, и он так и не успел дослушать, что же все-таки случилось с Лукрецией: достиг своего шалопай Тарквиний или не достиг?..

А Семеныч, между нами говоря, редчайший бабник и утопист, история мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороной. И когда через неделю в районе Фрязева снова нагрянули контролеры, Семеныч уже не сказал мне: «Москва — Петушки? Сто двадцать пять». Нет, он кинулся ко мне за продолжением: «Ну как? У...л он все-таки эту Лукрецию?»

И я рассказал ему, что было дальше. Я от римской истории перешел к христианской и дошел уже до истории с Гипатией. Я ему говорил: «И вот, по наущению патриарха Кирилла, одержимые фанатизмом монахи Александрии сорвали одежды с прекрасной Гипатии и...» Но тут наш поезд, как вкопанный, остановился в Орехово-Зуеве, и Семеныч выскочил на перрон, вконец заинтригованный...

И так продолжалось три года, каждую неделю. На линии «Москва — Петушки» я был единственным безбилетником, кто ни разу еще не подносил Семенычу ни единого грамма и тем не менее оставался в живых и непобитых. Но всякая история имеет конец, и мировая история — тоже...

В прошлую пятницу я дошел до Моше Даяна и Дубчека. Дальше этого идти было некуда...

И вот Семеныч выпил свою штрафную, крикнул и посмотрел на меня, как удав и султан Шахриар: — Москва — Петушки? Сто двадцать пять.

— Семеныч! — отвечал я, почти умоляюще, — Семеныч! Ты выпил сегодня много?..

— Прилично, — отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он пьян был в дымину...

— А значит: есть в тебе воображение? Значит: устремиться в будущее тебе по силам? Значит: ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который «ей-ей, грядет»?..

— Могу, Веня, могу! Сегодня я все могу!..

— От третьего рейха, четвертого позвонка, пятой республики и семнадцатого съезда — можешь ли шагнуть вместе со мной в мир вождельного всем иудеям пятого царства, седьмого неба и второго пришествия?.. — Могу! — рокотал Семеныч. — Говори, говори, Шахразада!

— Так слушай. То будет день «избраннейший всех дней». В тот день истомившийся Симеон скажет наконец: «Ныне отпускаещи раба Твоего, Владыка...» И скажет архангел Гавриил: «Богородица Дева, радуйся, благословенна ты между женами». И доктор Фауст проговорит: «Вот — мгновенье! Продлись и постой». И все, чье имя вписано в книгу жизни, запоют: «Исайя, ликуй!» И Диоген погасит свой фонарь. И будет добро и красота, и все будет хорошо, и все будут хорошие, и кроме добра и красоты ничего не будет, и сольются в поцелуе...

— Сольются в поцелуе?.. — заерзал Семеныч уже в нетерпении...

— Да! И сольются в поцелуе мучитель и жертва; и злба, и помысел, и расчет покинут сердца, и женщина...

— Женщина!!! — затрепетал Семеныч.— Что? Что женщина?!

— И женщина Востока сбросит с себя паранджу! Окончательно сбросит с себя паранджу угнетенная женщина Востока! И возляжет...

— Возляжет?! — тут он задергался.

— Да. И возляжет волк рядом с агнцем, и ни одна слеза не прольется, и кавалеры выберут себе барышню, кому какая нравится, и...

— О-о-о-о! — застонал Семеныч.— Скоро ли сие? Скоро ли будет?..— и вдруг, как гитана, заломил свои руки, а потом суетливо, путаясь в одежде, стал снимать с себя и мундир, и форменные брюки, и все, до самой нижней своей интимности...

Я, как ни был пьян, поглядел на него с изумлением. А публика, трезвая публика, почти повскакала с мест, и в десятках глаз ее было написано громадное «ого!» Она, эта публика, все поняла не так, как надо бы понять...

А надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? Что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм.

Допустим, смотрят они телевизор: генерал де Голль и Жорж Помпиду встречаются на дипломатическом приеме. Естественно, оба они улыбаются и руки друг другу жмут. А уж публика: «Ого?! — говорит.— Ай да генерал де Голль!» или «Ого! Ай да Жорж Помпиду!»

Вот так они и на нас смотрели теперь. У каждого в круглых глазах было написано это «Ого!».

— Семеныч! Семеныч! — я обхватил его и потащил на площадку вагона.— На нас же смотрят!.. Опомнись!.. Пойдем!..

Он был чудовищно тяжел. Он был размягчен и зыбок. Я едва дотащил его до тамбура и поставил у входных дверей...

— Веня! Скажи мне... женщина Востока... если снимет с себя паранджу... на ней что-нибудь останется? Что-нибудь есть у нее под паранджой?..

Я не успел ответить. Поезд, как вкопанный, остановился на станции Орехово-Зуево, и дверь автоматически растворилась...

Орехово-Зуево

Старшего ревизора Семеныча, заинтригованного в тысячу первый раз, полуживого, расстегнутого, вынесло на перрон и ударило головой о перила. Мгновения два или три он еще постоял, колеблясь, как мыслящий тростник, а потом уже рухнул под ноги выходящей публики, и все штрафы за безбилетный проезд хлынули у него из чрева, растекаясь по перрону...

Все это я видел совершенно отчетливо и свидетельствую об этом миру. Но вот всего остального я уже не видел, и ни о чем не могу свидетельствовать. Краешком сознания, самым-самым краешком, я запомнил, как

выходящая в Орехове лавина публики запуталась во мне и вбирала меня, чтобы накопить меня в себе, как паршивую слюну,— и выплюнуть на ореховский перрон. Но плевков не получался, потому что входящая в вагон публика затыкала рот выходящей. Я метался, как в проруби.

И если там Господь меня спросит: «Неужели, Веня, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?..» Я скажу ему: «Нет, Господь, не сразу...» Краешком сознания, все тем же самым краешком, я еще запомнил, что сумел, наконец, совладать со стихиями и вырваться в пустые пространства вагона и опрокинуться на чью-то лавочку, первую от дверей...

А когда я опрокинулся, Господь, я сразу отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты — о нет! Я лгу опять! Я снова лгу перед лицом Твоим, Господь! Это лгу не я, это жлет моя ослабевшая память! Я не сразу отдался потоку, я нашупал в кармане непечатую бутылку кубанской и глотнул из нее раз пять или шесть, а уж потом, сложа весла, отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты...

«Все ваши выдумки о веке золотом,— твердил я,— все ложь и уныние. Но я-то, двенадцать недель тому, видел его прообраз, и через полчаса сверкнет мне в глаза его отблеск — в тринадцатый раз. Там птичье пение не молкнет ни ночью, ни днем, там ни зимой, ни летом не отцветает жасмин, а что там в жасмине? Кто там, облаченный в пурпур и крученый виссон, смежил ресницы и обоняет лилии?..»

И я улыбаюсь, как идиот, и раздвигаю кусты жасмина...

Орехово-Зуево — Крутое

...А из кустов жасмина выходит заспанный Тихонов и шурится от меня и от солнца.

— Что ты здесь делаешь, Тихонов?

— Я отрабатываю тезисы. Все давно готово к выступлению, кроме тезисов. А вот теперь и тезисы готовы...

— Значит, ты считаешь, что ситуация назрела?

— А кто ее знает? Я, как немножко выпью, мне кажется, что назрела: а как начинает хмель проходить — нет, думаю, еще не назрела, рано еще братья за оружие...

— А ты выпей можжевельной, Вадя...

Тихонов выпил можжевельной, крикнул и загрустил.

— Ну как? Назрела ситуация?

— погоди, сейчас назреет...

— Когда же выступать? Завтра?

— А кто его знает! Я, как выпью немножко, мне кажется, что хоть сегодня выступай, что и вчера было не рано выступать. А как начинает проходить — нет, думаю, и вчера было рано, и послезавтра не поздно.

— А ты выпей еще, Вадимчик, выпей еще можжевельной...

Вадимчик выпил и опять загрустил.

— Ну, как? Ты считаешь: пора?..

— Пора...

— Не забывай пароль. И всем скажи, чтоб на забывали: завтра утром, между деревней Тартино и деревней Елисейково, у скотного двора, в девять ноль-ноль по Гринвичу...

— Да. В девять ноль-ноль по Гринвичу...

— До свидания, товарищ. Постарайся уснуть в эту ночь...

— Постараюсь уснуть, до свидания, товарищ.

Тут я сразу должен оговориться, перед лицом

совести всего человечества я должен сказать: я с самого начала был противником этой авантюры, бесплодной, как смоковница. (Прекрасно сказано: «бесплодной, как смоковница».) Я с самого начала говорил, что революция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не на стогнах. Но уж раз начали без меня — я не мог быть в стороне от тех, кто начал. Я мог бы, во всяком случае, предотвратить излишнее ожесточение сердец и ослабить кровопролитие...

В девятом часу по Гринвичу, в траве у скотного двора, мы сидели и ждали. Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами — в ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцая оружием и повторяя условную фразу из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был этот пароль и двусмыслен, но нам было не до этого: приближалось девять ноль-ноль по Гринвичу...

С чего все началось? Все началось с того, что Тихонов прибил к воротам Елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил их к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать, — но, как бы то ни было, с этого все началось.

Двумя колоннами, со штандартами в руках мы вышли: колонна на Елисейково, другая — на Тартино. И шли беспрепятственно вплоть до заката: убитых не было ни с одной стороны, раненых тоже не было, пленный был только один — бывший председатель ларионовского сельсовета, на склоне лет разжалованный за пьянку и врожденное слабоумие. Елисейково было повержено. Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры петушинского уезда — от магазина в Поломах до андреевского склада сельпо, — все заняты были силами восставших...

А после захода солнца деревня Черкасово была провозглашена столицей, туда был доставлен пленный, и там же симпровизировали съезд победителей. Все выступавшие были в лоскут пьяны, все молили одно и то же: Максимилиан Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич, карательные отряды из Петушков, война с Норвегией, и опять Соня Перовская, Вера Засулич...

С места кричали: «А где это такая — Норвегия?..» «А кто ее знает, где!» — отвечали с другого места. «У черта на куличках, у бороды на клине!» «Да где бы она ни была, — унимал я шум, — без интервенции нам не обойтись. Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное войной, надо сначала его разрушить, а для этого нужна гражданская или хотя бы какая-нибудь война, нужно как минимум двенадцать фронтов...» «Белополяки нужны!» — кричал закосевший Тихонов. «О, идиот, — прерывал я его, — вечно ты ляпнешь! Ты блестящий теоретик, Вадим, твои тезисы мы прибили к нашим сердцам, но как доходит до дела... Ну, зачем тебе, дураку, белополяки?..» «Да разве я спорю! — сдавался Тихонов. — Как будто они мне больше нужны, чем вам! Норвегия так Норвегия...»

Впопыхах и в азарте все как-то забыли, что та уже двадцать лет состоит в НАТО, и Владим Ц-ский уже бежал на ларионовский почтамт с пачкой открыток и писем. Одно письмо было адресовано королю Норвегии Улафу с объявлением войны и уведомлением о вручении. Другое письмо — вернее, даже не письмо, а чистый лист, запечатанный в конверте, — было отправлено генералу Франко: пусть он увидит в этом грозный перст, старая шпала, пусть побелеет, как этот лист, одряхлевший каудильо!.. От премьеры Британской империи

В. Ерофеев

Гарольда Вильсона мы потребовали совсем немногого. Убери, премьер, свою дурацкую канонерку из залива Акаба, а дальше поступай по произволению...

И послали четыре открытки: Аббе Эбану, Моше Даяну, генералу Сухарту и Александру Дубчеку. Все четыре открытки были очень красивые, с виньеточками и желудьями. Пусть, мол, порадуется ребята, может, они нас, губошлепы, признают за это субъектами международного права...

Никто в эту ночь не спал. Всех захватил энтузиазм, все глядели в небо, ждали норвежских бомб, открытия магазинов и интервенции.

Не спал и пленный, бывший председельсовета Анатолий Иваныч, он вылез из своего сарая, как тоскующий пес:

— Ребята!.. Значит, завтра утром никто мне и выпить не поднесет?..

— Эва, чего захотел! Скажи хоть спасибо, что будем кормить тебя в соответствии с Женевской конвенцией!..

— А чего это такое?

— Узнаешь, чего это такое! То есть ноги еще будешь таскать, Иваныч, а уж на ... не потянет!..

Крутое — Воинно

А с утра, еще до открытия магазинов, состоялся Плечум. Он был расширенным и октябрьским. Но поскольку все четыре наших Пленума были октябрьскими и расширенными, то мы, чтоб их не перепутать, решили пронумеровать их: 1-й пленум, 2-й пленум, 3-й пленум и 4-й пленум...

Весь 1-й пленум был посвящен избранию президента, то есть избранию меня в президенты. Это отняло у нас полторы-две минуты, не больше. А все оставшееся время поглощено было прениями на тему чисто умозрительную: кто раньше откроеет магазин, тетя Маша в Андреевском или тетя Шура в Поломах?

А я, сидя в своем президиуме, слушал эти прения и мыслил так: прения совершенно необходимы, но гораздо необходимее декреты. Почему мы забываем то, чем должна увенчаться всякая революция, то есть «декреты»? Например, такой декрет: обязать тетю Шуру в Поломах открывать магазин в шесть утра. Кажется, чего бы проще? Нам, облеченным властью, взять и заставить тетю Шуру открывать свой магазин в шесть утра, а не в девять тридцать! Как это раньше не пришло мне в голову!..

Или, например, декрет о земле: передать народу всю землю уезда, со всеми угодьями и со всякой движимостью, со всеми спиртными напитками и без всякого выкупа? Или так: передвинуть стрелку часов на два часа вперед, или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. Потом: слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать, какую. И, наконец, заставить тетю Машу в Андреевском открывать магазин в пять тридцать, а не в девять...

Мысли роились — так роились, что я затосковал, отозвал в кулуары Тихонова, мы с ним выпили тминной, и я сказал:

— Слушай-ка, канцлер!

— Ну, чего?..

— Да ничего.

— Найди другого, — обиделся Тихонов.

— Не об этом речь, Вадя. А речь вот о чем: если ты хороший канцлер, садись и пиши декреты. Выпей еще немножко, садись и пиши. Я слышал, ты все-таки не удержался, ты ущипнул за ляжку Анатолий Ивановича? Ты что же это — открываешь террор?

— Да так... Немножко...

— И какой террор открываешь? Белый?

— Белый.

— Зря ты это, Вадя. Впрочем, ладно, сейчас не об этом. Надо вначале декрет написать, хоть один, хоть самый какой-нибудь гнусный... Бумага, чернила есть? Садись, пиши. А потом выпьем — и декларацию прав. А уж только потом — террор. А уж потом выпьем и — учиться, учиться, учиться...

Тихонов написал два слова, выпил и вздохнул:

— Да-а-а... сплеховал я с этим террором... Ну, да ведь в нашем деле не ошибиться никак нельзя, потому что неслышанно ново все наше дело, и прецедентов считай что не было... Были, правда, прецеденты, но...

— Ну разве это прецеденты! Это — так! Чепуха! Полет шмеля это, забавы взрослых шалунов, а никакие не прецеденты!.. Летосчисление — как ты думаешь? — сменим или оставим как есть?

— Да лучше оставим. Как говорится, не трогай дерьмо, так оно и пахнуть не будет...

— Верно говоришь, оставим. Ты у меня блестящий теоретик, Вадя, а это хорошо. Закрывать, что ли, пленум? Тетя Шура в Поломах уже магазин открыла. У нее, говорят, есть российская.

— Закрывай, конечно. Завтра с утра все равно будет Второй пленум... Пойдем в Поломы.

У тети Шуры в Поломах и в самом деле оказалась российская. В связи с этим, а также в ожидании карательных набегов из райцентра решено было временно перенести столицу из Черкасова в Поломы, то есть на двенадцать верст в глубь территории республики.

И там, на другое утро, открылся 2-й пленум, весь посвященный моей отставке с поста президента.

— Я встаю с президентского кресла, — сказал я в своем выступлении, — я плюю в президентское кресло. Я считаю, что пост президента должен занять человек, у которого харю с похмелья в три дня не уделаешь. А разве такие есть среди нас? «Нет таких», — хором отвечали делегаты. «Мою, например, харю — разве нельзя уделать в три дня и с похмелья?»

Секунду-две все смотрели мне в лицо оценивающе, а потом отвечали хором: «Можно».

— Ну так вот, — продолжал я. — Какой же я после этого президент? Обойдемся без президента. Лучше сделаем вот как: все пойдем в луга готовить пушш, а Борю закроем на замок. Поскольку это человек высоких качеств, пусть он тут сидит и формирует кабинет...

Мою речь прервали овации, и пленум прикрился: окрестные луга озарились синим огнем. Один только я не разделял всеобщего оживления и веры в успех, я ходил меж огней с одною тревожною мыслью: почему это никому в мире нет до нас ни малейшего дела? Почему такое молчание в мире? Уезд охвачен пламенем, и мир молчит оттого, что затаил дыхание, — допустим. Но почему никто не подает нам руки ни с Востока, ни с Запада? Куда смотрит король Улаф? Почему нас не давят с юга регулярные части?..

Я тихо отвел в сторону канцлера, от него разлило пуншем:

— Тебе нравится, Вадя, наша революция?

— Да, — ответил Вадя, — она лихорадочна, но она прекрасна.

— Так... А насчет Норвегии, Вадя, — насчет Норвегии ничего не слышно?

— Пока ничего... А что тебе Норвегия?

— Как то есть что Норвегия?.. В состоянии войны мы с ней или не в состоянии? Очень глупо все получается. Мы с ней воюем, а она с нами не хочет... Если и завтра нас не начнут бомбить, я снова сажусь в президентское кресло — и тогда увидишь, что будет!..

— Садись, — ответил Вадя, — кто тебе мешает, Ерофейчик?.. Если хочешь — садись...

Войново — Усад

Ни одной бомбы на нас не упало и наутро. И тогда, открывая 3-й пленум, я сказал:

«Сенаторы! Никто в мире, я вижу, не хочет с нами заводить ни дружбы, ни ссоры. Все отвернулись от нас и затаили дыхание. А поскольку каратели из Петушков подойдут сюда завтра к вечеру, а российская у тети Шуры кончится завтра утром, — я беру в свои руки всю полноту власти; то есть кто дурак и не понимает, тому я объясню: я ввожу комендантский час. Мало того — полномочия президента я объявляю чрезвычайными и заодно становлюсь президентом. То есть «личностью, стоящей над законом и пророками»...

Никто не возразил. Один только премьер Боря С. при слове «пророки» вздрогнул, дико на меня посмотрел, и все его верхние части задрожали от мшеницы...

Через два часа он испустил дух на руках у министра обороны. Он умер от тоски и от чрезмерной склонности к обобщениям. Других причин вроде бы не было, а вскрывать мы его не вскрывали, потому что вскрывать было бы противно. А к вечеру того же дня все телетайпы мира приняли сообщение: «Смерть наступила вследствие естественных причин». Чья смерть сказано не было, но мир догадывался.

4-й пленум был траурным.

Я выступил и сказал:

«Делегаты! Если у меня когда-нибудь будут дети, я повешу им на стенку портрет прокуратора Иудеи Понтия Пилата, чтобы дети росли чистоплотными. Прокуратор Понтий Пилат стоит и умывает руки — вот какой это будет портрет. Точно так же и я: встаю и умываю руки. Я присоединился к вам просто с перепоею и вопреки всякой очевидности. Я вам говорил, что надо революционизировать сердце, что надо возвышать души до усвоения вечных нравственных категорий, — а что все остальное, что вы тут затеяли, все это суета и томление духа, бесполезно и м.....

И на что нам рассчитывать, подумайте сами! В общий рынок нас никто не пустит. Корабли Седьмого американского флота сюда не пройдут, да и пройти не захотят».

Тут уже зорали с мест:

— А ты не отчаивайся, Веня! Не пукай! Нам дадут бомбардировщики! В-52 нам дадут!

— Как же! Дадут нам В-52! Держите карман! Прямо смешно вас слушать, сенаторы!

— И «Фантомы» дадут!

— Ха-ха! Кто это сказал: «Фантомы»? Еще одно слово о «Фантомах», и я лопну от смеха...

Тут Тихонов со своего места сказал:

— «Фантомов» нам, может быть, и не дадут, но уж девальвацию франка точно дадут...

— Дурак ты, Тихонов, как я погляжу! Я не спорю, ты ценный теоретик, но уж если ты ляпнешь!.. Да и не в этом дело. Почему весь Петушинский район охвачен пламенем, но никто, никто этого не замечает даже в Петушинском районе? Короче, яжимаю плечами и ухожу с поста президента. Я, как Понтий Пилат: умываю руки и допиваю перед вами весь наш остаток российской. Да. Я топчу ногами свои полномочия — я ухожу от вас. В Петушки.

Можете себе вообразить, какая буря поднялась среди делегатов, особенно, когда я стал допивать остатки!..

А когда я стал уходить, когда ушел — какие слова полетели мне вслед! Тоже можете себе вообразить, я этих слов приводить вам не буду...

В моем сердце не было раскаяния. Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в поле кланялись хлеба и улыбались васильки. Но, повторяю, в сердце не было раскаяния... Закатилось солнце, а я все шел.

«Царица Небесная, как далеко еще до Петушков!» — сказал я сам себе. «Иду, иду, а Петушков все нет и нет. Уже и темно повсюду — где же Петушки?»

«Где же Петушки?» — спросил я, подойдя к чьей-то освещенной веранде. Откуда она взялась, эта веранда? Может, это совсем не веранда, а терраса, мезонин или флигель? Я ведь в этом ничего не понимаю и вечно путаю.

Я постучался и спросил: «Где же Петушки? Далеко еще до Петушков?» А мне в ответ — все, кто был на веранде, — все расхохотался и ничего не сказали. Я обиделся и снова постучал — ржание на веранде возобновилось. Странно! Мало того — кто-то ржал у меня за спиной.

Я оглянулся — пассажиры поезда «Москва — Петушки» сидели по своим местам и грязно улыбались. Вот как? Значит, я все еще еду?..

«Ничего, Ерофеев, ничего. Пусть смеются, не обращай внимания. Как сказал Саади, будь прям и прост, как кипарис, и будь, как пальма, щедр. Не понимаю, причем тут пальма, ну да ладно, все равно будь, как пальма. У тебя кубанская в кармане осталась? Осталась. Ну вот, поди на площадку и выпей. Выпей, чтобы не так тошнило».

Я вышел на площадку, сжатый со всех сторон кольцом дурацких ухмылок. Тревога поднималась с самого дна души, и невозможно было понять, что это за тревога, и откуда она, и почему она так невнятна...

— Мы подъезжаем к Усаду, да? — Народ толпился у дверей в ожидании выхода, и к ним-то я обращал свой вопрос: — Мы подъезжаем к Усаду?

— Ты, чем спяну задавать глупые вопросы, лучше бы дома сидел, — отвечал какой-то старичок. — Дома бы лучше сидел и уроки готовил. Наверно, еще уроки к завтраму не приготовил, мама ругаться будет.

А потом добавил:

— От горшка два вершка, а уже рассуждать научился?..

Он что, очумел, этот дед? Какая мама? Какие уроки?.. От какого горшка?.. Да нет, наверно, не дед очумел, а я сам очумел. Потому что вот и другой старичок, с белым-белым лицом, встал около меня, снизу вверх посмотрел мне в глаза и сказал:

— Да и вообще, куда тебе ехать? Невеститься тебе уже поздно, на кладбище рано. Куда тебе ехать, милая странница?..

«Милая странница?!»

Я вздрогнул и отошел в другой конец тамбура. Что-то неладное в мире. Какая-то гниль во всем королевстве, и у всех мозги набекрень. Я на всякий случай тихонько всего себя ощупал: какая же я после этого «милая странница»? С чего это он взял? Да и к чему? Можно, конечно, пошутить, но ведь не до такой же степени нелепо!

Я в своем уме, а они все не в своем, или наоборот: они все в своем, а я один не в своем? Тревога со дна души все подымалась и подымалась. И когда подъехали к остановке и дверь растворилась, я не удержался и спросил еще раз, у одного из выходящих спросил:

— Это Усад, да?

А он (совсем неожиданно) вытянулся передо мной в струнку и рывкнул: «Никак нет!» А потом — а потом пожал мне руку, наклонился и на ухо сказал: «Я Вашей доброты никогда не забуду, товарищ старший лейтенант!..»

И вышел из поезда, смахнув слезу рукавом.

Усад — 105-й километр

Я остался на площадке, в полном одиночестве и полном недоумении. Это было даже не совсем недоумение, это была все та же тревога, переходящая в горечь. В конце концов, черт с ним, пусть «милая странница», пусть «старший лейтенант», но почему за окном темно, скажите мне, пожалуйста? Почему за окном чернота, если поезд вышел утром и прошел ровно сто километров?.. Почему?..

Я припал головой к окошку — о, какая чернота! И что там, в этой черноте — дождь или снег? Или просто я сквозь слезы гляжу в эту тьму? Боже!

— А! Это ты! — кто-то сказал у меня за спиной таким приятным голосом, таким злорадным, что я даже и поворачиваться не стал. Я сразу понял, кто стоит у меня за спиной. Искушать сейчас начнет, тупая морда! Нашел же ведь время — искушать!

— Так это ты, Ерофеев? — спросил Сатана.

— Конечно, я. Кто же еще?..

— Тяжело тебе, Ерофеев?

— Конечно, тяжело. Только тебя это не касается. Проходи себе дальше, не на такого попал...

Я все так и говорил: уткнувшись лбом в окошко тамбура и не поворачиваясь.

— А раз тяжело, — продолжал Сатана, — смири свой порыв. Смири свой духовный порыв — легче будет.

— Ни за что не смирю.

— Ну и дурак.

— От дурака слышу.

— Ну ладно, ладно... Уж и слова не скажи!.. Ты лучше вот чего: возьми и на ходу из электрички выпрыгни. Вдруг да и не разобьешься!..

Я сначала подумал, потом ответил:

— Не-а, не буду я прыгать, страшно. Обязательно разобьюсь!..

И Сатана ушел, посрамленный.

А я — что мне оставалось? — я сделал из горлышка шесть глотков и снова припал головой к окошку. Чернота все плыла за окном и все тревожила. И будила черную мысль. Я стискивал голову, чтобы отточить эту мысль, но она все никак не оттачивалась, а растекалась, как пиво по столу. Не нравится мне эта тьма за окном, очень не нравится.

Но шесть глотков кубанской уже подходили к сердцу, тихонько, по одному, подходили к сердцу; и сердце вступило в единоборство с рассудком...

«Да чем же она тебе не нравится, эта тьма? Тьма есть тьма, и с этим ничего не поделаешь. Тьма сменяется светом, а свет сменяется тьмой — таково мое мнение. Да если она тебе и не нравится — она от этого быть тьмой не перестанет. Значит, остается один выход: принять эту тьму. С извечными законами бытия нам, дуракам, не совладать. Зажав левую ноздрю, мы можем сморкнуться только правой ноздрей. Ведь правильно? Ну, так и нечего требовать света за окном, если за окном тьма...»

«Так-то оно так... но ведь я выехал утром... В восемь шестнадцать, с Курского вокзала...»

«Да мало ли что утром!.. Теперь, слава Богу, осень, дни короткие, не успеешь очухаться — бах! Уже опять темно... А ведь до Петушков ехать о-о-о как долго! От Москвы до Петушков о-о-о как долго ехать!..»

«Да чего «о-о-о»! Чего ты все «о-о-о» да «о-о-о»! От Москвы до Петушков ехать ровно два часа пятнадцать минут. В прошлую пятницу, например... В прошлую пятницу и поезд-то шел почти без остановок. И вообще раньше поезда быстрее ходили. А теперь черт знает, стоит — а зачем стоит? Уж прямо тошно иногда делается: чего он все стоит да стоит? И так у каждого столба. Кроме Есино...»

Я взглянул за окно и опять нахмурился:

«Да-а... странно все-таки... Выехали в восемь утра... и все еще едем...»

Тут уж сердце взорвалось: «А другие-то? Другие-то что, хуже тебя? Другие ведь тоже едут и не спрашивают, почему так долго и почему так темно? Тихонько едут и в окошко смотрят... Почему ты должен ехать быстрее, чем они? Смешно тебя слушать, Веня, смешно и противно... Какой торопыга! Если ты выпил, Веня,— так будь поскромнее, не думай, что ты умнее и лучше других!..»

Вот это меня уже совсем убедило. Я ушел с площадки снова в вагон и сел на лавочку, стараясь не глядеть в окошко; вся публика в вагоне, человек пять или шесть, дремали вниз головой, как грудные младенцы. Я чуть было тоже не задремал.

И вдруг — подскочил на месте: «Боже милостивый! Но ведь в 11 утра она должна меня ждать! В 11 утра она уже будет меня ждать — а на дворе все еще темно... Значит, мне ее придется ждать до рассвета. Я ведь не знаю, где она живет. Я попадал к ней двенадцать раз и все какими-то задворками и пьяный вдребодан... Как обидно, что я на тринадцатый раз еду к ней совершенно трезвый. Из-за этого мне придется ждать, когда же, наконец, рассветет! Когда же взойдет заря моей тринадцатой пятницы!»

Впрочем, стоп! Ведь я уезжал из Москвы — заря моей пятницы уже взошла. Значит, уже сегодня пятница! Почему же так темно за окном?..»

«Опять! Опять ты со своей темнотой! Далась тебе эта темнота!»

«Но ведь в прошлую пятницу...»

«Опять со своей прошлой пятницей! Я вижу, Веня, ты весь в прошлом. Я вижу, ты совсем не хочешь думать о будущем!..»

«Нет, нет, послушай... В прошлую пятницу, ровно в 11 утра, она стояла на перроне, с косой от затылка до попы... И было очень светло, я хорошо помню и косу хорошо помню...»

«Да что «коса»! Ты пойми, дурак, я тебе повторяю: день сейчас убывает, потому что осень. В прошлую пятницу в 11 утра, я не спорю, было светло. А в эту пятницу, в 11 утра, может уже быть совершенно темно, хоть глаз коли. Ты знаешь, как сейчас день убывает? Знаешь? Я вижу, ты

ничего не знаешь, только хвалишься, что все знаешь!.. Тоже мне, сказал: «коса»! Да коса-то, может, и прибывает: она, может, с прошлой пятницы уже ниже попы... А осенний день наоборот — он уже с гулькин!»

Какой же ты все-таки бестолковый, Веня!»

Я не очень сильно ударил себя по щеке, выпил еще три глотка — и прослезился. Со дна души взамен тревоги поднималась любовь. Я совсем раскис: «Ты обещал ей пурпур и лилии, а везешь ей триста грамм конфет «Василек». И вот — через двадцать минут ты будешь в Петушках, и на залитом солнцем перроне смутишься и подашь ей этот «Василек». И все вокруг станут говорить: тринадцатый раз подряд мы видим один сплошной «Василек». Но мы ни разу не видели ни лилий, ни пурпура. А она рассмеется и скажет...»

Тут я почти совсем задремал. Я уронил голову себе на плечо и до Петушков не хотел ее поднимать. Я снова отдался потоку...

105-й километр — Покров

Но мне помешали отдалиться потоку. Чуть только я забылся, кто-то ударил меня хвостом по спине.

Я вздрогнул и обернулся: передо мною был некто без ног, без хвоста и без головы.

— Ты кто? — спросил я его в изумлении.

— Угадай, кто! — и он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся...

— Вот еще! Буду я угадывать!..

Я обиженно отвернулся от него, чтобы снова забыть-ся. Но тут меня кто-то с разгона трахнул головой по спине. Я опять обернулся: передо мною был все тот же некто, без ног, без хвоста и без головы...

— Ты зачем меня бьешь? — спросил я его.

— А ты угадай, зачем!.. — ответил тот все с тем же людоедским смехом.

На этот раз я все-таки решил угадать. А то, если от него отвернешься, он, чего доброго, треснет тебя по спине двумя ногами.

Я опустил глаза и задумался. Он ждал, пока я подумаюсь, и в ожидании тихо поводит кулачищем у самых моих ноздрей. Как будто он мне, дураку, сопли вытирал.

Первым заговорил все-таки он:

— Ты едешь в Петушки? В город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее?.. Где...

— Да. Где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее.

— Где твоя паскуда валяется в жасмине и виссоне, и птички порхают над ней и лобзают ее, куда им вздумается?

— Да, куда им вздумается!

Он опять рассмеялся и ударил меня в поддых.

— Так слушай же. Пред тобой — Сфинкс. И он в этот город тебя не пустит.

— Почему же это он меня не пустит? Почему же это ты непустишь? Там, в Петушках,— чего? Мирская язва? Там с кем-нибудь обручили собственную дочь? И ты...

— Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из ресторана станции Петушки, поскользнулся на чьей-то блевотине и в падении опрокинул соседний столик. На столике до падения было: два пирожных по 35 коп., две порции бефстроганова по 73 коп. каждая, две порции вымени по 39 коп. и два графина с хересом по 800 грамм каждый. Все черепки остались целы. Все блюда пришли в негодность. А с хересом получилось так: один графин не разбился, но из него все до капельки вытекло; другой графин разбился, но из него не вытек-

ло ни капли. Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок,— узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи, в ресторане Курского вокзала?

— Как то есть «Курского вокзала»?

— Так то есть «Курского вокзала»!

— Так он же поскользнулся-то — где? Он же в Петушках поскользнулся. Лорд Чемберлен поскользнулся-то ведь в петушинском ресторане!..

— А счет оплатил на Курском вокзале. Каким был этот счет?

«Боже ты мой! Откуда берутся такие Сфинксы? Без ног, без головы, без хвоста да вдобавок еще несет такую ахинею! И с такою бандитской рожей!.. На что он намекает, сволочь?..»

— Это не загадка, Сфинкс. Это издевательство.

— Нет, это не издевательство, Веня. Это загадка. Если и она тебе не нравится, тогда...

— Тогда давай последнюю, давай!

— Давай последнюю. Только слушай внимательно.

Вот: идет Минин, а навстречу ему — Пожарский. «Ты какой-то странный сегодня, Минин,— говорит Пожарский,— как будто много выпил сегодня». — «Да и ты тоже странный, Пожарский, идешь и на ходу спишь». — «Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?» — «Сейчас скажу:

сначала 150 грамм российской, потом 580 кубанской, 150 столичной, 125 перцовый и семьсот грамм ерша. А ты?» — «А я ровно столько же, Минин».

«Так куда же ты теперь идешь, Пожарский?» — «Как куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?» — «Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь князь, совсем идешь не в ту сторону!» — «Нет, это ты идешь не туда, Минин». Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин — туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал.

Так. А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем — куда бы они попали? Куда бы Пожарский пришел? Скажи.

— В Петушки? — подсказал я с надеждой.

— Как бы не так! Ха-ха! Пожарский попал бы на Курский вокзал! Вот куда!

И Сфинкс рассмеялся и встал на обе ноги:

— А Минин? Минин куда бы попал, если б шел своею дорогою и не слушал советов Пожарского? Куда бы Минин пришел?..

— Может быть, в Петушки? — я уже мало на что надеялся и чуть не плакал.— В Петушки, да?

— А на Курский вокзал — не хочешь?! Ха-ха! — и Сфинкс, словно ему жарко, словно он уже потел от торжества и злорадства, обмахнулся хвостом.— И Минин придет на Курский вокзал!.. Так кто же из них попадет в Петушки, ха-ха? А в Петушки, ха-ха, вообще никто не попадет!..

Что это был за смех у этого подлеца! Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха! Да добро бы он только смеялся, а то ведь он, не переставая смеяться, схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил...

Покров — 113-й километр

— Куда? Куда ты меня волокешь, Сфинкс? Куда ты меня волокешь?..

— А вот увидишь — куда! Ха-ха! Увидишь!..

Он тащил меня в тамбур, повернул меня мордой к окошку — и растворился в воздухе... Для чего это ему было надо?

Я посмотрел в окно. Действительно, прежней черноты за окном уже не было. На запотевшем стекле чьим-то пальцем было написано: «х..» — и вот в эти проветы я увидел городские огни, много огней и уплывающую станционную надпись «Покров».

«Покров! Город Петушинского района! Три остановки, а потом — Петушки! Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев». И вот моя тревога, которая до того со дна души все поднималась, разом опустилась на дно души и там затихла...

Три или четыре мгновения она, притихшая, так и лежала. А потом — потом она не то чтобы стала подыматься со дна души, нет, она со дна души подскочила, одна мысль, одна чудовищная мысль вобралась в меня так, что даже в коленках у меня ослабло.

Вот — я сейчас отъезжал от станции Покров. Я видел надпись «Покров» и яркие огни. Все это хорошо — и «Покров», и яркие огни. Но почему же они оказались справа по ходу поезда?.. Я допускаю: мой рассудок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю: если станция Покров оказалась справа, значит,— я еду из Петушков в Москву, а не из Москвы в Петушки!.. О, паршивый Сфинкс!

Я онемел и заметался по всему вагону, благо, в нем уже не было ни души.. «Постой, Венечка, не торопись. Глупое сердце, не беися. Может, просто ты немного перепутал: может, Покров был все-таки слева, а не справа? Ты выйди опять в тамбур, посмотри получишь, с какой стороны по ходу поезда на стекле написано «х..».

Я выскочил в тамбур и посмотрел направо: на запотевшем стекле отчетливо и красиво было написано «х..». Я поглядел налево: там так же отчетливо и красиво было написано «х..». Боже, я схватился за голову и вернулся в вагон, и снова онемел и заметался...

«Постой, постой... А ты вспомни, Венечка, весь путь от Москвы ты сидел слева по ходу поезда, и все черноты, все митричи, все декабристы — все сидели слева по ходу поезда. И значит, если ты едешь правильно, твой чемоданчик должен лежать слева по ходу поезда. Видишь, как просто!..»

Я забегал по всему вагону в поисках чемоданчика — чемоданчика нигде не было, ни слева, ни справа.

Где мой чемоданчик?!

«Ну, ладно, ладно, Веня, успокойся. Пусть. Чемоданчик — вздор, чемоданчик потом отыщется. Сначала разреши свою мысль: куда ты едешь? А уж потом ищи свой чемоданчик. Сначала отточь свою мысль,— а уж потом чемоданчик. Мысль разрешить или миллион? Конечно, сначала мысль, а уж потом — миллион. А чемоданчик?»

Ты благороден, Веня: Выпей весь свой остаток кубанской — за то, что ты благороден».

И вот — я запрокинулся, допивая свой остаток. И сразу — рассеялась тьма, в которую я был погружен, и забрезжил рассвет из самых глубин души и рассудка: и засверкали зарницы, по зарнице с каждым глотком и на каждый глоток по зарнице.

«Человек не должен быть одинок — таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят. А если все-таки одинок, он должен пройти по вагонам. Он должен найти людей и сказать им: «Вот. Я одинок. Я отдаю себя вам без остатка. (Потому что остаток только что допил, ха-ха!) А вы — от-

дайте мне себя и, отдав, скажите: а куда мы едем? Из Москвы в Петушки или из Петушковых в Москву?»

«И по-твоему, именно так должен поступать человек?» — спросил я сам себя, склонив голову влево.

«Да. Именно так, — склонив голову вправо, ответил я сам себе. — Не век же рассматривать «х..» на вспотевших стеклах и терзаться загадками!»

И я пошел по вагонам. В первом не было никого, только брызгал дождь в открытые окна. Во втором тоже никого; даже дождь не брызгал...

В третьем — кто-то был...

113-й километр — Омутце

..Женщина, вся в черном с головы до пят, стояла у окна и, безучастно разглядывая мглу за окном, прижимала к губам кружевной платочек. «Ни дать, ни взять — копия с «Неутешного горя», копия с тебя, Ерофеев», — сразу подумал я про себя и сразу про себя рассмеялся.

Тихо, на цыпочках, чтобы не спугнуть очарования, я подошел к ней сзади и притаился. Женщина плакала...

Вот! Человек уединяется, чтоб поплакать. Но изначально он не одинок. Когда человек плачет, он просто не хочет, чтобы кто-нибудь был сопричастен его слезам. И правильно делает, ибо есть ли что-нибудь на свете выше безудержности?.. О, сказать бы сейчас такое, такое сказать бы, — чтобы брызнули слезы из глаз всех матерей, чтобы в траур облеклись дворцы и хижины, кишлаки и аулы..

Что же мне все-таки сказать?

— Княгиня, — позвал я тихо.

— Ну, чего тебе? — отозвалась княгиня, глядя в окно.

— Ничего. Губную гармонь у тебя видно со спины, вот чего..

— Не болтай ногами, мальчик. Это не гармонь, а переносица... Ты лучше посиди и помолчи, за умного сойдешь...

«Это мне-то, в моем-то положении — молчать! Мне, который шел через все вагоны за разрешением загадки!.. Жаль, что я забыл, о чем эта загадка, но помню, что-то очень важное... Впрочем, ладно, потом вспомню... Женщина плачет, а это гораздо важнее... О, позорники! Превратили мою землю в самый дерьмовый ад — и слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставлять напоказ!.. О, низкие сволочи! Не оставили людям ничего, кроме «скорби» и «страха», и после этого — и после этого смех у них публичен, а слеза под запретом!..

О, сказать бы сейчас такое, чтобы сжечь их всех, гадов, своим глаголом! Такое сказать, что повергло бы в смятение все народы древности!..»

Я подумал и сказал:

— Княгиня, а княгиня!..

— Ну, чего тебе опять?

— Нет у тебя уже гармони. Не видно.

— Чего же тебе тогда видно?

— Одни только кусты.

Она все отвечала, глядя в окно и ко мне не поворачиваясь.

— Сам ты кустик, я вижу...

«Ну что ж, кустик так кустик». Я сразу как-то обмяк, сел на лавку и разомлел. Никак, хоть умри, никак я не мог припомнить, для чего я пошел по вагонам и встретил вот эту женщину... О чем же все-таки это «важное»?

— Слушай-ка, княгиня!.. А где твой камердинер Петр? Я его не видел с прошлого августа.

— Чего ты мелешь?

— Честное слово, с тех пор не видел... Где он, твой камердинер?

— Он такой же твой, как и мой! — огрызнулась княгиня. И вдруг рванулась с места и зашагала к дверям, подметая платьем пол вагона. У самых дверей — остановилась, повернула ко мне сиплое, надтреснутое лицо, все в слезах, и крикнула:

— Ненавижу я тебя, Андрей Михайлович! Не-на-ви-жу!!!

И скрылась.

«Вот это да-а-а, — протянул я восторженно, как давеча декабрист. — Ловко она меня отбрила!» И ведь так и ушла, не ответив на самое главное!.. Царица Небесная, что же это главное? Именем щедрот Твоих — дай припомнить!.. Камердинер!

Я позвонил в колокольчик... Через час — опять позвонил.

— Ка-мер-ди-нер!

Вошел слуга, весь в желтом, мой камердинер по имени Петр. Я ему как-то посоветовал, спяну, ходить во всем желтом, до самой смерти — так он послушался, дурак, и до сих пор так и ходит.

— Знаешь что, Петр? Я спал сейчас или нет, как ты думаешь? Спал?

— В том вагоне — да, спал.

— А в этом — нет?

— А в этом — нет.

— Чудно мне это, Петр... Зажги-ка канделябры. Я люблю, когда горят канделябры, хоть и не знаю толком, что это такое... А то, знаешь, опять мне делается тревожно... Значит, Петр, если тебе верить: я в том вагоне спал, а в этом проснулся. Так?

— Не знаю. Я сам спал — в этом вагоне.

— Гм. Хорошо. Но почему же ты не встал и меня не разбудил? Почему?

— Да зачем мне тебя было будить? В этом вагоне тебя незачем было будить, если ты в этом и сам проснулся. Потому что ты спал в том, а в том зачем тебя было будить?..

— Ты не путай меня, Петр, не путай... Дай подумать. Видишь ли, Петр, я никак не могу разрешить одну мысль. Так велика эта мысль.

— Какая же это мысль?

— А вот какая: выпить у меня чего-нибудь осталось?..

(Окончание следует)

БАХТИОР — ЗНАЧИТ СЧАСТЛИВЫЙ

■ Сложенная из камня и битая глиной невысокая стена окружала двор Бахтиора. Там и сям стояли всякого рода хозяйственные приспособления для изготовления необходимых в повседневном быту вещей. Все это напоминало натуральное хозяйство прошлого. На продажу здесь ничего не производят. Не было и нет на Памире обычая продавать. Есть лишнее — бери, друг. Сколько за свою жизнь переделал Бахтиор рубабов — все разошлись по кишлакам. Потому что жив обычай иметь в доме национальный музыкальный инструмент.

Бахтиор по-таджикски — счастливый человек...

Первое, что бросилось в глаза во дворе его дома, — старинный чарх, станок для прядения шерстяных ниток.

— Пиши смело: «старинный», — постукал пальцем по блокноту мой спутник и родственник Бахтиора молодой парень филолог Нурали Курбаналиев. — Если у кого в доме и найдешь прядильный станок, то с диском. А у этого, видишь, вместо диска две крестовины. Концы их соединены палочками, на них и наматывается нить. Видел набор открыток о Горно-Бадахшанской области? Там старушка сфотографирована за станком с диском. Э-эх, тоже мне, краеведы, не могли у Бахтиора чарх с крестовинами взять!

— Э-э, никакой он не старинный. Бахтиор мастерил, когда совсем молодой был.

Это Райхонгул-апа, жена Бахтиора. Она стояла на пороге ошхоны

Не было на Памире традиции сопровождать обычаи питием. Счастье горец находил в маленьких радостях жизни, которые создавал сам. Не приемлют здесь спиртное и сейчас, потому что Горно-Бадахшанская автономная область объявлена населением территорией трезвости.

(летней кухни) и заправляла под платок выбившиеся волосы. Хозяйка на минутку отошла от тандыра посмотреть, кто это там заинтересовался самым что ни на есть привычным и обыденным, как камни в горах, как облака на пиках, как деревянная ложка чеб, которой она только что мешала шурпу. С проваренного до черноты, будто загорелого, чеба густо валил пар. За спиной женщины, в темноте кухни, плескалось в тандыре пламя. Но еще ярче пылало на солнце красными, оранжевыми, желтыми красками платье самой Райхонгул-апа.

За ошхоной почти отвесно уходили в небо серые скалы. Я подумал, что есть какой-то сокровенный смысл в яркости одежд местных жителей. Заложен он, наверное, самой суровой природой гор, как условный рефлекс на радость бытия.

— Пряжа кончилась, одни джуробы довязать осталось, — доносится из кухни сквозь треск горящего хвороста голос Райхонгул-апа. — Сейчас за чарх сяду.

В углу двора я заметил прислоненную к стене сарая большую раму из жердей. На нем висел широкий палас в бело-зеленую полоску. Сначала подумал, что его вынесли просушить. Но рядом увидел деревянный предмет, похожий на цапку для окучивания. В жестяном тазу сложены горкой клубки белой и зеленой пряжи.

— Бахтиор с утра работал, — кивнула на станок Райхонгул-апа.

— А где же он сам? — спросил Нурали. — Мы к нему по делу.

— Все мужчины пошли к соседу на кирьяр.

Кирьяр — строительство всем народом жилого дома для односельчанина.

* * *

Родился Бахтиор в 1916 году. Тогда на Памире появились русские, которые смело говорили горцам, что скоро наступит такая счастливая жизнь, о которой мол, вы, таджики, и в песнях еще не поете. А отец Бахтиора усто (мастер) Сафо, дед и прадед много песен знали. Часто тянули, подыгрывая себе на рубабе, грустную-грустную старинную песню «Фалак»:

Жизнь прожита,

А счастья мы так и не дождались.

Мир создан прекрасным,
Как утренний сад.

А мы, будто ветер,

Легонько коснулись вершины
деревьев...

Может быть, потому и назвали малыша Бахтиором, что надеялись — вырастет, сложит прекрасную песню о счастье.

Правда, Бахтиору счастье улыбнулось еще до рождения: и отец, и дед, и прадед были плотниками. Не только в те времена, но и в теперешние эта профессия на Памире редкая. Из неплодовых деревьев здесь хорошо чувствуют себя только тополь, тутовник, ива. Вот и ладили и ладят из тополя несущие конструкции построек... Впрочем, про то лучше Бахтиор бы рассказал. И про дерево шелковицу, и про абрикосовое. Вон в сараюшке, вижу через открытую

дверь, свалены в угол болванки для рубабов и танбуров. Нурали небрежно махнул на них рукой: — А-а, Бахтиор резал, забраковал и бросил. Сказал, что инструменты плохо бы звучали. — Откуда он знает, он же их не закончил?

— Бахтиор все знает. Разочарование отразилось на моем лице. Ответ-то мне нужен точный и научно обоснованный. Нурали застенчиво приложил руку к груди:

— Слушай, клянусь аллахом, честное слово, не знаю. Может, Бахтиор молодой абрикос взял, мягкий, а может, старик голос предков слышит?

Может, поет им старик сложенную самим песню о счастье? Про то, как в юности изготовил свой первый рубаб, чтобы излить в песне радость от того, что его, молодого плотника, люди зовут даже в дальние, под самыми снегами, кишлаки строить новые дома, школы, больницы. Радость от того, что у людей наконец-то появилось много еды: шурпа, хошпо, ош, плов, пшеничные лепешки... И хоть струны его первого рубаб из сухой овечьей кишки звучали приглушенно, зато голос его был, как соловьиная трель в утреннем саду.

Старый учитель Джурабай, написав на доске имя «Ленин», заворачивал в тряпочку мел и приглашал загорелую ребятню послушать, как поет на крыше школы молодой плотник Бахтиор. Джурабай понял, что юная душа хочет оделить своим счастьем других, и он сказал:

— Бахтиор, я научу тебя учить детей.

Учительство стало долгой, без малого тридцать лет, но красивой песней Бахтиора. Много рубабов и танбуров изготовил он за эти годы — один мелодичней другого... Каникул у Бахтиора не было. Летом он переходил из кишлака в кишлак — ремонтировал школы, мастерил парты. Когда на Памир пришли молодые учителя со специальным образованием, Бахтиор уступил им место в классе.

Что ж, счастливый человек, коль его танбур и искусные руки нужны везде. Бахтиор устроил я рабочим в ремонтно-строительное управление.

* * *

Он никогда не торопился, делал дело чисто, на совесть и всегда повторял: мастер не унижит себя

халтурой. Не кому-нибудь говорил, а сам себе за работой. Впрочем, ясно, с предками разговаривал... Бахтиор еще не закрепил опалубку, только перегнулся через доску посмотреть, ровно ли ляжет бетон. А шоферу некогда — вывалил из кузова самосвала раствор в коробку. Опалубка рухнула, придавила Бахтиору ногу.

Врач в больнице сказал, что ногу придется ампутировать. До этих слов Бахтиору никогда в жизни не было так больно и обидно. Даже тогда, на строительстве Большого Памирского тракта, когда он, намахавшись за день киркой, не мог разогнуть спину. Даже когда обвал загромоздил камнями отвоеванную у крутизны ленту горизонтали. Он лежал в бреду, и ему грезилось, что опять строит ту дорогу, — только не киркой машет, а косит камни и как косарь подволакивает на взмахе измоленную правую ногу. И нитка следа от сапога тянется за ним на многие километры по сочной стерне Большого Памирского тракта.

Отрезать ногу Бахтиор не разрешил. В больничной тоске он перевспоминал все, что сделал хорошего в жизни и что плохого. Вырастил пятерых сыновей и дочь. Научил сыновей делать рубабы и танбуры, передал им плотницкое искусство. Даже старший сын Мавлодод — известный в Таджикиста-

не композитор — хороший плотник, и в рубабх знает толк, наверное, уж больше самого Бахтиора. Это старику приятно. И совсем неприятно было вспоминать ему, как обидел старого друга, когда ходил к нему в высокогорный кишлак за старым абрикосом для танбура.

— Высоко живешь. Трудно к тебе добираться. Пришла пора спускаться людям в ущелья. Там культурная жизнь, там веселая жизнь, как блики солнца на струях реки Сучан. Не то что твоя керосинка.

— Вот и приходи почаще, друг Бахтиор. Мой рубаб поет от счастья, когда ты берешь его в руки. А как мои дети слушают тебя! — Нет, больше не приду! — отрубил Бахтиор не подумав.

— Плохо я тогда сказал, — вздыхал старик на больничной койке. — Нельзя ногу отрезать. Надо в горы идти. Там ждут друзья.

Травматолог, вызванный из Ташкента, хорошо понял старика. Собрал ногу по косточкам, вылечил. Через год поливщик колхозных полей Бахтиор ходил меж зеленых грядок. Он даже мог присесть на корточки и долго смотреть, как пьет воду земля...

* * *

Райхонгул-апа приглашает нас с Нурали в дом выпить чаю до прихода мужчин. В далеэ (на веранде) на услан-

ном паласами широком помосте, поджав под себя ноги, сидела девочка лет двенадцати и вязала джурабы. Она не обратила на нас ни малейшего внимания — сосредоточенно считала петли. Словно стайка солнечных зайчиков собралась в желто-красных узорах. Этот ромбовидный разлапистый узор я уже видел на старинных джурабах в Хорогском краеведческом музее. Нурали, большой знаток памирских традиций, помню, проворчал тогда, что все стали вязать носки в простую полоску и чуть выше щиколотки. Забыли даже названия старинных узоров. А теперь Нурали так обрадовался, что опять стал тыкать пальцем в мой блокнот и диктовать: — Пиши: в семье старого усто Бахтиора свято чтят народные традиции, что отражено на узорах шерстяных носков из овечьей шерсти! Данный узор называется... Как он называется? — спросил Нурали у девочки.

— «Медвежьи следы», а что? — улыбнулась та.

— А еще какие узоры бывают? — «Бараны рога» бывают, «прялка»... а что?

— И ты все это можешь вязать? — Конечно, а что?

Мы сидели посреди обширного помещения на помосте, устланном цветными войлоками, сбитыми сыновьями Бахтиора, и пили зеленый чай...

БЕСКОНТАКТНЫЙ МАССАЖ

Джуна

Давиташвили

В седьмом — одиннадцатом номерах минувшего года журнал «Трезвость и культура» напечатал автобиографическую повесть Джуны Давиташвили «Слушаю свои руки». С этого номера редакция начинает публиковать ее оздоровительную методику, полезными советами которой может воспользоваться каждый желающий.

На дворе послышался гомон, радостно взвизгнул пес.

Старик не выглядел усталым. Узнав, что привело гостей в его дом, он еще больше оживился:

— Всегда говорил детям — не забывайте древние ремесла. Наши предки пили воду из того же источника, из какого и мы. По тем же горам ходили, те же песни пели. Нельзя, чтобы память о предках ушла, как вода в песок. Обязательно напиши эти мои слова, корреспондент, точно напиши. Райхонгул-апа с внучками, опустившись на корточки, в тени у сарая, взбивали овечью шерсть. Девочки рвали клоки шерсти пальцами, а Райхонгул-апа тетивой цанеча — приспособления, похожего на лук. Семейству Бахтиора есть для кого стараться: одних только внуков пятнадцать. Вон они, сломя голову, носятся по двору. Один стащил оставленный на минуту цанеч и уже приладил к нему стрелу. Другой промочил штаны в корыте с водой, в котором дед вымачивал толстый обрубок абрикоса. Но когда взрослые сели под навес обедать, ребяtnю как ветром сдуло. Понимают: нельзя мешать неторопливой беседе.

Хорошо поев, Бахтиор по глоточку выпил три пиалки зеленого чая и взял танбур. Длинный гриф без ладов. Старый усто, как душа подсказывала, ласкал его загорелыми пальцами. Красивая получалась мелодия.

— Хороша Советская власть, Рассеяла тучи ненастья.

В нашем цветущем саду,

Люди, желаю вам счастья...

Жаль, я не поэт: перевел бы так красиво, как Бахтиор спел это по-таджикски.

Бахтиор сидел во дворе под легким навесом. Было ясно видно, как высоко в горах ветер крутил меж розовых пиков снежные вихри. А здесь было тепло, и солнечный свет, что топленое масло, густо лежал на цветастых паласах. На стене над головой Бахтиора висела фотография в деревянной рамке: они с женой молодые и улыбкивые. А выше фотографии, на вершине отвесной скалы, — развалины ханской крепости. Это только кажется, что она близко. На самом деле так далеко, что здесь о ней и не вспоминают!

В. ФЕДЯЕВ,
наш спец. корр.
кишлак Богев,

Горно-Бадахшанская область

■ Я очень хорошо понимаю желание людей помочь своим близким и друзьям в трудную минуту, облегчить их страдания. Многие стремятся попасть ко мне, пишут письма, взывают о помощи. Но, к сожалению, даже работая двадцать четыре часа в сутки, я не смогла бы помочь всем, жаждущим от меня чуда. Во-первых, я не в состоянии принять всех желающих, во-вторых, нет никакого чуда, а есть работа — трудная, длительная, ибо заболевание требует индивидуального подхода. Болезнь снимается не мановением руки, как считают некоторые, а выполнением определенных манипуляций руками в течение некоторого времени на каждом сеансе. А количество и длительность сеансов зависят от диагноза и тяжести заболевания. Бесконтактный массаж имеет много общего с обычным массажем. Поэтому и легче его осваивают те, кто знаком с основами традиционного массажа.

Закономерен вопрос, могут ли изучить и применять эту методику люди, не имеющие специального медицинского образования? За многие годы практики мне неоднократно приходилось учить друзей и знакомых приемам, которые я использую для профилактики и лечения разных заболеваний. Всем имгодились в жизни полученные знания и навыки.

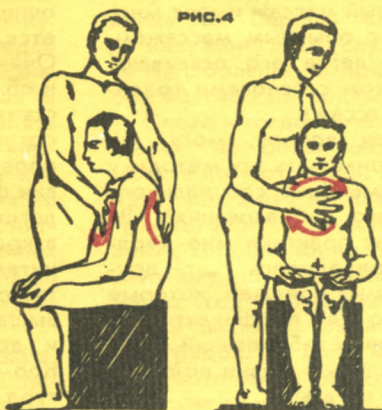
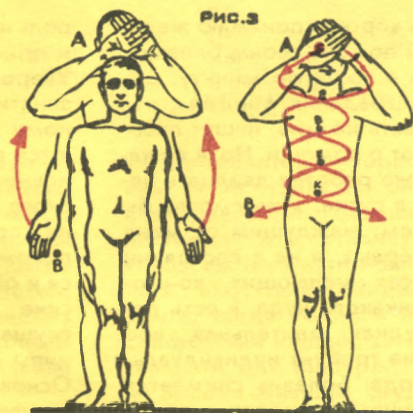
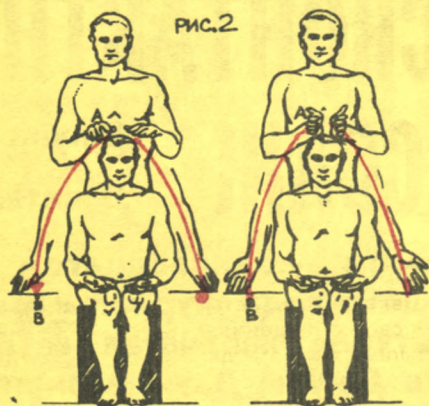
Меня часто спрашивают, каждому ли человеку доступна моя методика? Уверенно могу сказать: практически каждому. Но это не значит, что любой с первого сеанса добьется нужного эффекта. Тут играют

роль и индивидуальные способности, и приобретенный опыт.

Уверенность моя подтверждается занятиями на курсах по бесконтактному массажу, на которых обучаются люди разного возраста, в основном не имеющие медицинского образования. Все они успешно осваивают профилактические приемы. На курсах также читаются и обзорные лекции на медицинские темы, которые помогают слушателям лучше понять принципы действия моей методики. Основной основ методики я считаю профилактическую направленность. Даже когда приходится заниматься лечением какого-нибудь одного органа, воздействие идет на весь организм, при этом устраняется предрасположенность к другим заболеваниям. Организм очищается от шлаков, омолаживается, повышается жизненный тонус. Очень кратко хотелось бы сказать и об основном механизме воздействия бесконтактного массажа на организм человека. В результате проведения сеанса, при воздействии физического поля одного биологического объекта на другой в крови пациента происходят значительные изменения. Это подтверждено экспериментально. Повышается гемоглобин, улучшаются и другие характеристики крови. Кроме того, повышается температура, улучшается кровоток. Все это дало основание дать методике и другое название — «метод согревания крови». Последние исследования подтвердили эффективность воздействия физических полей биологического объекта и

БЕСКОНТАКТНЫЙ МАССАЖ

профилактическая методика

на лимфатическую систему. В результате этого организм получает возможность активнее бороться с недугом. Одновременно идет большая профилактическая работа внутри организма.

Способность разных людей посылать сигналы и воспринимать их, конечно, различна. Часто во время своих публичных выступлений я прошу зрителей поднять руки с раскрытыми ладонями и попробовать ощутить сигналы, которые я посылаю своими руками в зал. Вот тут-то и выявляется различная способность к восприятию. Одни очень быстро начинают ощущать сильное покалывание в пальцах, потепление ладоней, другие — не сразу, а некоторые вообще ничего не чувствуют. Значит ли это, что последние на чисто лишены способности воспринимать излучение физического поля человека? Не обязательно. Большинство из них могут развить свою восприимчивость систематической тренировкой. Но, конечно, на первых порах у разных людей это будет получаться по-разному: с большим или меньшим эффектом. Одни будут затрачивать меньше времени и усилий, другие больше. Поэтому не надо огорчаться, если у вас не все сразу получается. Тренируйтесь чаще и дольше, постарайтесь научиться прислушиваться к себе, своим ощущениям, понять их и управлять ими. Это позволит вам лучше воспринимать излучения, исходящие от других людей, научиться дифференцировать их.

Прежде чем приступить к описанию профилактической методики бесконтактного массажа, я хотела бы дать несколько советов.

Никогда не пытайтесь лечить тяжелые заболевания, особенно в стадии обострения. Для этого у вас нет достаточных медицинских знаний и умения.

Проводить сеанс одновременно с медикаментозным лечением можно и даже нужно, так как это облегчит состояние больного. **Не пытайтесь воздействовать на больной орган, если не известен точный диагноз. Не занимайтесь самолечением!**

Если вы хотите оказать помощь человеку с нарушенным артериальным давлением, то необходимо точно знать, пониженное или повышенное у него давление. Кроме того, нужно контролировать давление до и после сеанса. Лучше с помощью тонометра.

Чтобы узнать, насколько успешна ваша помощь, желательно систематически проверять состояние здоровья вашего пациента в медицинском учреждении.

Профилактические сеансы нужно проводить ежедневно в течение недели, затем один день перерыв, потом опять сеансы в течение недели, после чего перерыв не менее недели, чтобы организм не отвык работать в обычном режиме.

Продолжительность одного сеанса (профилактического) не более 30 минут.

Если необходимо, можно повторить этот цикл.

Проводить сеансы беременным ни в коем случае нельзя.

В исключительных случаях можно провести несколько профилактических сеансов при заболевании почек, но обязательно под наблюдением врача.

Детям сеансы лучше всего проводить, когда они спят.

Что же нужно знать, приступая к освоению приемов бесконтактного массажа?

Прежде всего необходимо иметь хотя бы элементарные знания об анатомии человека, о сердечно-сосудистой системе, органах пищеварения и дыхания, мочеполовых органах. Эти сведения можно почерпнуть в энциклопедиях, популярной медицинской литературе. Хорошо, если вы знакомы с приемами массажа. Хотя моя методика и носит название бесконтактного массажа, но при некоторых заболеваниях необходимо сочетание приемов бесконтактного и контактного массажа, а также наложение рук.

Теперь перейдем непосредственно к описанию методики бесконтактного массажа.

Что чувствует человек (назовем его оператор), который проводит сеанс? Держа руку на расстоянии 5—10 см над головой пациента или не спеша проводя ею вдоль тела, оператор ощущает рукой тепло, а иногда и покалывание в кончиках пальцев. Со временем, приобретая опыт, можно почувствовать разницу излучения тела пациента в различных точках, научиться расшифровывать информацию, посылаемую человеческим организмом в окружающее пространство. Но это умение приходит не сразу.

На первых порах достаточно того, что вы ощущаете тепло, исходящее от тела пациента, а пациент ощу-

щает излучение (тепло) вашей руки. Потренируйтесь в этом. Руку держите так, чтобы ладонь была открыта в сторону тела пациента, пальцы слегка согнуты и направлены подушечками в сторону тела пациента (рис. 1). Руки держите свободно, не напрягайте, но и не расслабляйте. Мысленно сосредоточьтесь на кончиках ваших пальцев и начинайте плавное движение руками вдоль тела пациента. Не отвлекайтесь, старайтесь запомнить свои ощущения, осмыслить их. Выполняйте эти движения для того, чтобы научиться полнее воспринимать излучение (тепло) тела пациента.

После того как вы почувствуете, что достаточно потренировались в этом, приступайте к выполнению следующих приемов бесконтактного массажа.

Первый прием — движение руками вдоль тела пациента от головы до конца туловища. Сначала сверху вниз (ладони обращены книзу), а затем снизу вверх, ладони обращены кверху (рис. 2). Над головой ладони почти соединяются (расстояние между ними 2—3 см), а затем поворачиваются и опять скользят вниз. Движение выполняется непрерывно, плавно. Ладони должны чувствовать связь с излучением тела пациента. Можно представить это так, будто вы выполняете эти движения в воде, плавно обволакивая водой тело.

С этого приема, как правило, начинается работа с пациентом. Это вступление с ним в контакт. Итак, не спешите, прислушивайтесь к своим рукам. И поочередно — спереди и сзади — выполняйте эти движения.

Другой прием — петлеобразные (перекрестные) движения руками, которые начинаются над головой, затем продолжаются вдоль туловища до нижней его части (рис. 3). Ладони со слегка согнутыми пальцами обращены к телу пациента. Выполняются эти движения также спереди и сзади.

Эти два вида движений носят условное название «распределение энергии» и являются основой профилактической методики. Выполнение этих приемов снимает утомление, регулирует артериальное давление, улучшает сон и общее самочувствие. Распределение энергии — составная часть каждого сеанса при любом заболевании.

После проведения этих приемов улучшается микроциркуляция крови, повышается общий тонус

организма, возрастает работоспособность.

При проведении сеанса бесконтактного массажа пациент может находиться в положении стоя, сидя или лежа. Это зависит от заболевания, самочувствия и индивидуальных особенностей пациента. При положении стоя пациент стоит спокойно, с опущенными вдоль туловища руками. При положении сидя — руки спокойно лежат на коленях, ладонями вверх. При положении лежа выбирается любая поза, удобная для проведения сеанса. Место и поза оператора, проводящего сеанс, определяются видом выполняемого приема. Он может находиться перед пациентом сзади или сбоку.

Сеанс можно проводить в любое время суток — утром, днем, вечером.

Каждый сеанс нужно начинать с распределения энергии. Этим самым организм включается в активное действие. Каждый прием выполняется 2—3 минуты, затем приемы повторяются в той же последовательности. В заключение сеанса необходимо провести контактные энергичные круговые растирания ладонями грудной клетки и верхней части спины (рис. 4). Эти движения выполняются одновременно двумя руками по часовой стрелке. Такими растираниями следует заканчивать все сеансы. Они стимулируют деятельность сердца, вилочковой железы и осуществляют приток крови к верхним долям легких.

Начните изучение метода бесконтактного массажа с отработки общих профилактических приемов. Общая продолжительность сеанса 15—20 минут.

Когда же следует прибегать к профилактической методике бесконтактного массажа?

При утомлении, неважном самочувствии, часто связанном с изменением погоды, магнитными бурями, при нервном напряжении и в других подобных случаях. Не спешите глотать без надобности таблетки. Попробуйте воздействовать друг на друга теплом своих рук. Не жалейте для своих близких сил и энергии. Она вернется вам стоицей.

(Продолжение следует)

«ХЭЛЛО, ЛЭРРИ!»

По приглашению Фонда социальных изобретений «Комсомольской правды» в нашей стране побывала группа американских специалистов. Их миссия заключалась в оказании помощи в физической, психологической и социальной реабилитации наших воинов-афганцев.

В числе их находился нарколог Лэрри Освальд. В начале этого года он написал письмо Михаилу Сергеевичу Горбачеву с предложением своей помощи афганским ветеранам и получил от него приглашение принять участие в этой программе.

■ — Я сам воевал во Вьетнаме. И уж поверьте, знаю, с какими проблемами сталкиваются ветераны, — рассказывает Лэрри Освальд нашему корреспонденту. — И очень часто они связаны именно с алкоголизмом и наркоманией. И, пожалуй, самое ужасное вот что: число покончивших жизнь самоубийством ветеранов той войны превысило число погибших на самой войне. А ведь многие из них еще во время войны стали хроническими алкоголиками или наркоманами. Надо было срочно спасать людей. И тогда были созданы центры по

психологической реабилитации «вьетнамцев». Считаю, что вам тоже нужно сделать нечто подобное у себя. Чтобы не допустить подобных цифр среди ваших «афганцев».

Я сам — бывший хронический алкоголик. Пить я начал еще во Вьетнаме, в 1969 году. Кругом шла война, и ей не было конца. И я перестал понимать, зачем все это. Рядом гибли люди. В один из таких дней погиб мой друг, и тогда я напился, а потом стал это делать каждый день. Уже кончилась война, я находился в Америке, но остановить свое сползание в пропасть был не в состоянии. Появился самый страшный симптом «хроников» — я начал терять память. Вы скажете, что жалеть память о войне... И все-таки от этого можно было сойти с ума.

Во Вьетнаме самое ужасное было — это утро. Вернее, утренний туман. Низкий и густой. А в нем, в тумане этом, наша смерть, говорящая незнакомым гортанным языком.

Никто не знал, откуда может прилететь пуля. И вот однажды, уже в Техасе, я выехал рано утром из Хьюстона и вдруг увидел такой же точно туман. Не помню, как и кто отвез меня домой, но я был близок к умопомрачению, я слышал, отчетливо слышал гортанный этот язык. И тогда я понял, что это — последняя грань. В тот же вечер я позвонил в «Эй-Эй» — общество «анонимных алкоголиков». Это было в 1981 году. Они подобрали мне клуб недалеко от моего дома, а на следующий день

я пошел туда и с того дня перестал пить.

«Эй-Эй» было образовано еще годы экономического кризиса, 30-е годы, артиллерийским офицером Биллом Уилсоном и врачом Бобом Смитом. Главное требование для членства в таких клубах — самостоятельное желание бросить пить, помочь себе избавиться от недуга.

Когда ты приходишь в клуб, спрашивают только имя, а потом все присутствующие хором приветствуют тебя. Мне тоже тогда все крикнули: «Хэлло, Лэрри!» И я сразу почувствовал, что это то место, где меня лучше всего поймут, потому что здесь находятся такие же, как и я, люди с такой же проблемой, но готовые выбраться из нее.

Собираются в этих клубах раз в неделю. Есть два вида встреч: одна, когда ведущий в течение часа ведет беседу сам, и другая форма — когда происходит общее обсуждение. Столы расположены П-образно — чтобы всегда видеть глаза сидящего напротив тебя человека. Обсуждаем мы только те проблемы, которые относятся к алкоголизму и наркомании.

Я не пью уже семь лет. Общество учредило награды «Эй-Эй». Первая медаль с красной цифрой «30» означает такое же количество дней без алкоголя. Мы называем ее медалью «тридцати дней и тысячи ночей». Следующая медаль — с голубой цифрой «60» дается через два месяца, потом через три, через полгода и затем уже каждый год — самым стойким.

Лэрри показывает свою медаль. На лицевой стороне римская цифра VII — столько лет его «жизни без привидений».

Ф. ЗИХ-ПХА

В редакцию журнала пришло письмо Баранцева А. А., в котором сообщалось о грубых нарушениях в работе проводников вагонов направления Казань — Ташкент.

Письмо переслали в Управление Горьковской ордена Трудового Красного Знамени железной дороги.

Вот что нам сообщили:

«Письмо тов. Баранцева А. А. рассмотрено на общем собрании кол-

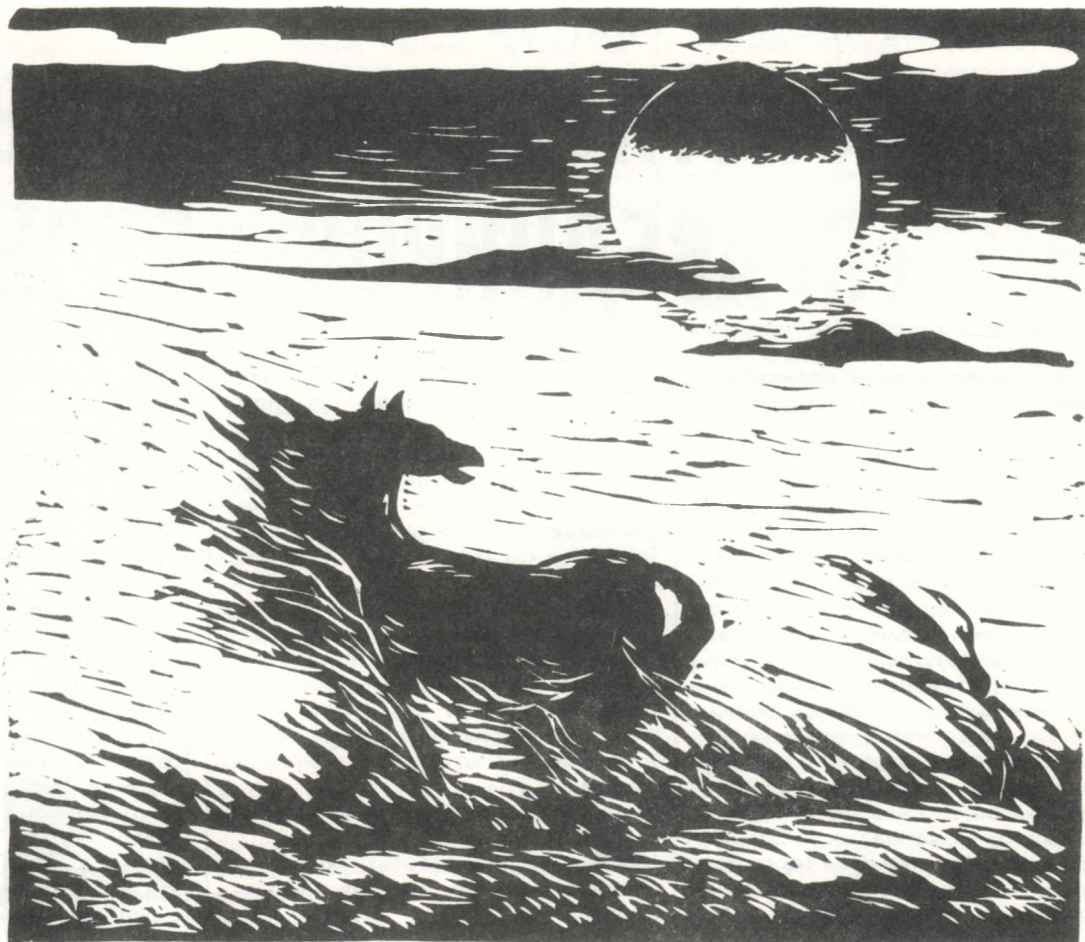
лектива вагонного депо Казань. Ряд фактов, указанных в письме о нарушении на работе проводников вагонов в нетрезвом состоянии, подтвердились. Так, за грубые нарушения уволен с работы проводник вагонов поезда Казань — Ташкент т. Морстоватов Г. И. Сняты с работы на срок до одного года проводники вагонов тт. Матвеев Н. В., Сайфутдинов В. Х. За слабую воспитательную работу и

бесконтрольность освобожден от занимаемой должности начальник поезда № 379/380 Казань — Ташкент т. Манапов Н. К.

Факты продажи водки проводниками вагонов не подтвердились. Принимаются меры по усилению руководства Казанского резерва проводников.

Н. А. ВОХМЯНИН,
заместитель начальника дороги

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Родился и вырос я на Брянщине, в маленьком селе Новое Место. Детство вспоминаю с горьким чувством. Когда нужно было ходить в школу, пас коров, гонял в ночное лошадей. Однажды чуть не разбился, упав с лошади.

Трудно было мне, пацану. С первого класса помогал родителям зарабатывать на жизнь. Ютилась наша семья в ветхом старом домике, и отец решил срубить новую избу. Нужны были деньги. Тогда в деревне очень трудно было строить.

У отца — два класса образования, у матери — чуть побольше. Оба росли сиротами. Думали, когда решили пожениться, что в своем несчастье помогут друг другу устоять в жизни. Но вышло наоборот. Отец с юных лет пристрастился к спиртному и жизнь свою, прямо скажу, «пропил». Мучил мать, избивал. Ей, бедной, приходилось ночевать у соседей. Я защищал мать как мог, и мне за это тоже доставалось от отца.

Хорошо помню маму в годы своего детства — она была очень красивой. Самая добрая женщина, какие есть на Земле. Помню, на зорьке будит меня:

— Вставай, сыночек, коров нужно выгонять. — А сама, бедная, плачет из-за того, что мне нужно в четыре часа быть на ногах.

Вспоминая об этом, я и сам сейчас не могу сдержать слез.

С малых лет я мечтал стать художником, потому что очень любил свою красивую маму и наши красивые луга, но не любил, когда отец напивался до безобразия. Хотя у отца тоже была трудная жизнь. Он работал на ферме: все делалось там вручную, тяжело ему копейка доставалась.

Когда отец умирал, сказал:

— Ну, Василий, держись!

Напутствие я понял так: нужно работать, не покладая рук. Отец будто извинялся, что не дал сбыться моей мечте. Хотя, умирая, он не верил, что и сын его когда-нибудь вылезет из навоза. Такая

уж была тяжкая, как вечное проклятие, наша крестьянская доля. Не могу объяснить, почему и сейчас эта крестьянская доля во многом тяжела.

Ничем не унять горечь в душе от того, что жизнь моя пошла не так. Не стал я профессиональным художником. Не смог изменить обстоятельства, потому что нужно было зарабатывать на хлеб. Так, день за днем, всю жизнь занимаюсь физическим трудом. Не хочу сказать, что годы мои прошли напрасно. Было много хорошего, ведь в любом труде — и пастуха, и художника — есть свой смысл...

Мне часто снятся сны. Однажды приснилась красивая кобылица в лугах моего детства. Это прекрасное мгновение я остановил в гравере.

В. МИНЕНКО,
г. Новозыбков,
Брянская область

КОНСТИТУЦИЯ ПРОТИВ «ПРАВЕДНИКОВ» БЕДЫ

■ Что-то непонятное происходит у нас на антиалкогольном фронте. Сначала под флагом борьбы против зла теоретики 60 лет обучали народ грамотному питию. Когда же этот грандиозный эксперимент провалился, не очень вдаваясь в объяснения, в порядке усиления борьбы против пьянства и алкоголизма, слегка осложнили жизнь и тем, кому алкогольная грамота уже пришлась по вкусу. Однако обиженных оказалось слишком много — народ в основной его массе новые меры должным образом не оценил и не поддержал. Тогда, чтобы покончить с «унижающими человеческое достоинство» очередями, Совмин снял ряд ограничений на торговлю алкогольными изделиями. Теперь сухие вина, шампанское и пиво продаются, например, и в продовольственных магазинах.

Обозреватели в своих комментариях от имени «нормально пьющих, составляющих три четверти населения», это «ослабление» тут же одобрили. Виноватыми, по их словам, оказались не саботажники мер, а энтузиасты, которые перевыполнили как планы снижения производства спиртного, так и планы закрытия винных магазинов.

Никто не объяснил тут только главного — каким же образом теперь предполагается защитить народ от возврата к бывшему питийному раздолью.

Невразумительная информация косвенно лишь подтверждает предположение, что поиск решения алкогольной проблемы у нас ведется пока еще по старинке — методом проб и ошибок.

Со своими антиалкогольными мерами мы намудрили уже так, что не можем разобраться что к чему. Например, никак не придем к согласию в истолковании понятия «всеобщая трезвость» и почему-то ненормальным и унижающим человеческое достоинство считаем

не приобретение и употребление спиртного, а наличие за ним очередей.

Между тем заминка с борьбой против пьянства вышла у нас вполне закономерно. Забыли второпях сверить смысл принимаемых решений с духом ленинских идей, вот жизнь нас и наказала.

Владимир Ильич, как известно, не советовал хвататься за решение частных вопросов, пока не решены вопросы более общего порядка, иначе будешь о них потом спотыкаться на каждом шагу и в своей политике испытывать шатания и провалы.

Учили ли мы это его предостережение?

Он был стойким противником свободной продажи алкогольных напитков.

Пытался ли кто-нибудь понять, почему?

Вводя антиалкогольные меры, мы на первом этапе как раз и хотели решить только частные вопросы — снизить уровень пьянства и уровень потребления алкоголя в стране. Эти меры народ воспринял как артподготовку перед хорошим наступлением, но наступление не состоялось, так как руководство им было передовано новоиспеченному, совершенно бесправному Всесоюзному добровольному обществу борьбы за трезвость, реально достижимой цели перед которым поставлено не было. Да и армия, имеющая об алкогольной опасности самые смутные представления, могла действовать лишь в порядке исполнения общественных поручений.

Чтобы дело пошло наконец нормально, нам, на мой взгляд, необходимо на самом высоком уровне решить следующие вопросы: — организовать углубленное исследование проблемы;

— четко сформулировать и обосновать цель антиалкогольной деятельности;

— создать полноправный испол-

нительный орган, способный эту деятельность возглавить, направлять и координировать;

— к решению проблемы как следует подключить и государственный механизм.

Почему все это необходимо сделать?

Откровенно говоря, алкоголь — пусть и коварное, но необычайно удобное и безотказное средство улучшения настроения. Состояние легкого опьянения нам нравится настолько, что многие из нас прямо-таки с каким-то иступлением готовы отстаивать свое право на выпивку. Нередко любители хорошего вина и пива стараются доказать не то что их безвредность, а даже полезность. Беря эти напитки под защиту, без тени смущения спрашивают, чем они, мол, хуже кефира, лимонада и кумыса, которые тоже содержат алкоголь.

Но граждане, конечно, лукавят. Они знают, в чем. Чтобы захмелеть, никто ведь не станет пить по десять бутылок лимонада, а пива, между прочим, выпивается и больше. Да и не с кефира начинается алкогольный ликбез, а чаще всего именно с легкого вина и пива.

Вряд ли кто-нибудь всерьез мечтает стать пьяницей или алкоголиком и вряд ли кто-нибудь считает себя виноватым в их появлении. Но кто же в таком случае их плодит? Кто крутит тот адский конвейер, который поставляет нам их в таком изобилии?

Человек, конечно, не враг себе. Изредка позволяя себе расслабиться, он убежден, что всегда сумеет перехитрить «зеленого змия». Но безнаказанно вести такие игры нельзя. Ухудшается здоровье, страшные удары обрушиваются на потомство, рано или поздно в силу наркотических свойств алкоголя можно все-таки и спиться. Попасть впросак тут может не только глупец — шансы

равны у всех. Пьяницей может стать любой не успевший включить тормоза, а кому не повезло с наследственностью, то и алкоголиком.

Пьянство — это неизбежное следствие употребления спиртного. Как показывает опыт, не добившись всеобщего и полного отказа от употребления спиртного, избавиться от пьянства нельзя.

Однако пьянство и алкоголизм — это далеко еще не все алкогольное горе. Неизбежным, физиологически обусловленным результатом воздействия алкоголя на организм человека является снижение качества и производительности труда, в силу чего многочисленные представители нормально пьющих работают намного хуже, чем могли, если бы не пили. По их милости народное хозяйство недодает стране огромное количество различной продукции и услуг, в результате чего из года в год с нарастающим итогом задерживается экономическое развитие страны.

Нереализованные возможности — это потери. Считал ли кто-нибудь у нас эти потери?

Ведают ли нормально пьющие, какой грех взваливают на свою совесть, противясь отказу от употребления спиртного?

Не ведают. Писательницей И. Грековой подмечено, что любой человек «изнутри» всегда прав. Он бы и дня прожить не смог, считая себя плохим (повесть «Кафедра»). На все, что выставляет его в невыгодном свете, он находит себе оправдание.

Даже одного человека убедить в необходимости отказа от того, что ему нравится, непросто. А как убедить в этом сразу 200 миллионов? Как и чем можно пробить глухую стену самооправданий, за которой дремлет их совесть? Какие доводы, какие аргументы нужны, чтобы в их мышлении свершилась революция?

Действенность нашей антиалкогольной пропаганды не велика. То, о чем рассказывают нам лекторы, как правило, мало чего добавляет к тому, что всем давно известно. А вот чего нам сейчас действительно недостает, так это реального представления о масштабах нашей алкогольной трагедии. Что мешает нам его составить? Вот мы ахаем, когда слышим, что в авиакатастрофе погибло сразу 150 человек или что сгорел универмаг, сокрушаемся, что на Бай-

кале гибнут тюлени. Вроде бы упрекнуть в равнодушии нас нельзя. Но мы почему-то не знаем, что прямо у нас под боком, превращаясь в пьяниц, ежедневно гибнет около двух тысяч активных строителей социализма. Нас почему-то не возмущает, что более двух миллионов работников у нас заняты в алкогольной промышленности и вместо дефицитных товаров стряпают для народа отраву. Не озадачивает, что алкоголь, снижая на 10 % производительность труда, уменьшает валовой внутренний продукт страны на сто с лишним миллиардов рублей, что пьющие, производя на свет дебильных детей, умирают в 50-летнем возрасте, что непоправимо ухудшается генетическое здоровье народа и т. п.

Как видим, ко всему, что может дискредитировать наше моральное право на употребление алкогольных напитков, интерес у нас резко ослаблен. Оберегая это право, борьбу против алкогольной опасности мы сводим в основном к борьбе против пьянства, превращая ее в фарс. Наше поведение тут, что бы мы ни толковали, в значительной степени определяется эгоизмом.

Мы требуем реализации множества противоречивых идей, направленных, как нам представляется, на искоренение пьянства, но непременно при сохранении права на выпивку. Чтобы не терять понапрасну время, бесплодные идеи надо отбраковывать. Поскольку, как выразился Карл Маркс, не идеи правят миром, а экономические интересы, надо произвести соответствующую оценку ценностей — сравнить наши доходы с потерями и посмотреть, в чем же именно заключаются эти интересы. Затем, опираясь на такую оценку, можно было бы сформулировать и обосновать новый политический курс КПСС в борьбе против алкогольной опасности, который ввиду его важности, пожалуй, следовало бы вынести и на всенародное обсуждение.

Такая оценка не в меньшей степени нужна и для просвещения народа.

Если авторитетнейшие ученые произведут комплексную количественную оценку материального ущерба и людских потерь, понесенных страной за годы Советской власти на алкогольной почве, да еще сопоставят все это с ана-

логичными потерями военных лет, если они сумеют, используя наш многолетний горький опыт, собрать воедино и изложить в концентрированном виде наиболее красочные сведения об алкогольных мерзостях, то перед нами раскроется потрясающая панорама величайшего народного бедствия. Каждый получит возможность осознать, что он уже потерял и может еще потерять из-за нашего блудливого пристрастия к рюмке вина в торжественный день. Станет ясно, что употребление алкоголя — далеко не личное дело того или иного гражданина, что общественность не только вправе, но и просто обязана призвать к порядку выпивоху.

Комплексная оценка ущерба и потерь в сочетании с новой серией антиалкогольных мер, я думаю, должна быть и станет эффективнейшим оружием в борьбе за всеобщую трезвость. Она нужна незамедлительно, чтобы остановить всенародное самоистязание как можно раньше.

Комплексная оценка ущерба и антиалкогольные меры — это всего лишь средство. Чтобы можно было довести дело до логического конца, нужна еще и сильная рука, способная преодолеть противодействие многочисленных ведомств, заинтересованных в увековечении алкогольной проблемы. Кроме того, кто-то должен координировать и направлять антиалкогольную деятельность и отвечать головой за состояние дел на антиалкогольном фронте. Короче говоря, нужна полномочная организация, возглавляемая по меньшей мере членом Политбюро ЦК КПСС, наделенным правами заместителя Председателя Совмина СССР.

Наше государство над решением алкогольной проблемы по-настоящему еще и не работало. Это странное обстоятельство, между прочим, нашло свое отражение и в Конституции СССР, где на два десятка статей, посвященных прокуратуре, суду и арбитражу, нет ни одной статьи, нацеливающей на борьбу против причины, порождающей более половины проходящих через эти инстанции дел. И что совсем уж негоже — государственные средства информации и учреждения культуры в свое время способствовали превращению алкогольных традиций в неотъемлемую часть нашего образа жизни. Между прочим, рекламируя курение, они в таком же духе

продолжают еще действовать и на антитабачном фронте. Даже в центральной печати публикуются, например, фотографии людей, позирующих перед объективом во время перекура. Тем самым мы не только сбиваем с толку нашу молодежь, но и позорим достойных граждан, демонстрируя их перед всей страной (прошу извинения) за столь идиотским занятием. Стремление курящих товарищей, ответственных за такие публикации, изображать курение как безобидную слабость, еще можно понять, но как понять позицию руководителей, допускающих такие публикации?

Исходя из острой необходимости активизации борьбы с курением, неплохо было бы, заодно уж, произвести оценку ущерба, наносимого нашему обществу и курением. Ведь курящие, хотя и того или нет, укорачивают свою жизнь примерно на 8 лет и работают хуже и меньше, чем могли бы, если бы не курили. Такая оценка несомненно стала бы хорошим подспорьем в борьбе с курением.

Чтобы юридически узаконить борьбу против вредных привычек, Конституцию СССР необходимо дополнить положением, обязывающим и наше государство вести такую борьбу. Это дополнение можно было бы сформулировать примерно в таком духе: «Государство, защищая общественные интересы, борется против вредных привычек и традиций. В частности, оно создает и поддерживает в стране атмосферу нетерпимости к употреблению алкогольных напитков и курению».

Баловство с алкоголем и никотином обходится Родине необычайно дорого. За двадцать последних лет наши благодушные баловники, сами того не ведая, умудрились насолить ей куда покрепче, чем смогли это сделать фашисты. Считаю себя праведниками, они готовы так развлекаться и впредь. Но хотим ли мы защитить от алкогольно-никотиновой беды наших детей и внуков, наше будущее? Если да, то давайте действовать.

А. ЛАБЕНСКИЙ

г. Москва

ПРИЧИНЫ ГОРЯ

■ Полдень. Кабинет краевого наркологического диспансера. Передо мной врач-нарколог Л. Борисенко. Идет прием.

Супруги К. В прошлом — оба наркоманы...

Затем длинноволосый паренек. Убеждает врача в том, что «завязал», поступил в музыкальное училище, мечтает стать виртуозом-балалаечником.

Заходит еще один молодой человек. Месяц назад освобожден. Отбывал срок за преступление, связанное с наркотиками. Настороженный взгляд, отрывистые ответы: нет, пока еще не работаю... не употребляю... у меня все в норме...

Когда кабинет опустел, продолжаю разговор с врачом.

Людмила Николаевна говорит то же, что говорили мне и другие врачи-наркологи, работающие в Краснодарском крае. Да, наркомания в регионе есть. Очевидна низкая ее выявляемость.

Почему?

Во-первых, само население равнодушно относится к фактам употребления наркотиков. Свыклось, что ли? Иногда люди просто боятся мести со стороны любителей дурмана и не сообщают о замеченных случаях в органы здравоохранения и милиции.

Во-вторых, у некоторых, кто слишком поздно спохватился, возникает чувство ложного стыда за совершенные проступки, и они всячески оттягивают встречу с врачом.

В-третьих, поликлиники, больницы и другие не относящиеся к наркологическим учреждения здравоохранения редко выявляют наркоманов и токсикоманов.

Большие претензии есть у медиков и к педагогическим коллективам школ и ПТУ. Оказывается, педагоги боятся... гнева родителей. Наконец, в наркодиспансерах длительное время не было патронажных сестер, да и сейчас их дефицит значителен. А без систематического медицинского контроля за беспокойными больными по месту их жительства их не вернуть к нормальной жизни.

Какова же эффективность лечения наркоманов в местных условиях? Каково взаимодействие медиков с органами внутренних дел?

Мне довелось побывать в прикрепленной к диспансеру больнице. Обрадовало горячее и искреннее желание работающих там врачей бороться с наркоманией всеми силами и огорчило отсутствие средств для превращения этой борьбы в реальность.

Если же говорить конкретно, то в первую очередь обращает на себя внимание отсутствие раздельного лечения в краевом стационаре алкоголиков, взрослых и несовершеннолетних наркоманов. Подростков в стационаре содержат вместе со взрослыми больными, среди которых есть и судимые. Это грубейшее нарушение нормативных актов Минздрава СССР. Такое положение создает благоприятную почву для дальнейшей эрозии нравственности ребят, психика которых серьезно деформирована, а моральные устои зыбки. Особую остроту эта проблема приобретает, если учесть, что нередки случаи появления в больнице тринадцатилетних токсикоманов (вопиющим выглядит случай, когда из Адыгейской автономной области был привезен школьник, попробовавший анашу в 5 лет). Сама больница находится в черте города. Добраться до нее труда не составляет. И нет надежной защиты от так называемых нелегальных передач. В палаты чаще всего через окна, на веревочке приходят «подарки» с анашой, с гашишем. Новое здание больницы — пока недостижимая мечта. Управление здравоохранения края, перед которым поставлен этот больной вопрос, предпочитает отмалчиваться.

До сих пор не разработаны методики, при помощи которых можно было бы установить, какой конкретно наркотик употреблял прибывший на лечение человек. Приходится часто лечить вслепую. А как без современной техники поставить правильный диагноз? Кроме того, больные буквально изнывают от безделья. Необходима постоянная трудотерапия. Стационару нужны производственные помещения, станки и другое оборудование. Нужны специалисты и обслуживающий персонал. Но этот вопрос упорно не решается крайисполкомом.

Существуют серьезные претензии и к милиции. По существу же сводятся они к отсутствию помощи со стороны участковых инспекторов врачам-наркологами. Как же тогда врач без представителя милиции может доставить к себе на прием злостного, не желающего лечиться наркомана? Никаких мер в этом направлении не предпринимают и руководители районных отделов внутренних дел. Вот так и получилось, что 40 процентов так называемых подучетников находятся вне сферы медицинского воздействия.

* * *

Для сегодняшнего состояния проблемы представляется характерной «дежурная» фраза, ставшая лейтмотивом общественного мнения: «Невозможно в иной подъезд зайти, пропах коноплей».

Что ж, надо признаться, что замена наркосодержащей конопли на безвредные сорта не лишила окончательно сырьевой базы местных любителей дурмана. Жители сельских районов рассказывают, что в их места постоянно наведываются добытчики отравы. Приезжают на машинах, мотоциклах. Людям, занятым на уборке конопли, угрожают оружием, а то и постреливают в их сторону, чтобы не

мешали. И бывают они на полях тогда, когда нет в небе вертолетов, а вокруг — патрулей милиции и ДНД. А чаще всего так и случается. К тому же у некоторых из них имеются карты с тщательной прорисовкой посевов.

Продавцы наркотиков активизируются, ищут новые пути добычи дурмана, вовлекают в свою преступную деятельность молодежь, в том числе школьников, учащихся ПТУ, студентов.

Известны случаи вопиющей недобросовестности отдельных медицинских работников, халатно относящихся к хранению и использованию наркотических средств. Из аптек, больниц, поликлиник, складов пропали большие количества наркосодержащих веществ. Среди торговцев наркотиками есть и медики.

Каков же итог работы в Краснодаре?

Подавляющее большинство жителей края считает, что при продолжении политики разобщенности, несогласованности действий отдельных организаций и учреждений, отсутствия комплексного подхода к борьбе с наркотиками и наркоманией толку не будет. Но что же нужно сделать, чтобы «толк был»?

В первую очередь надо обеспечить безусловную гласность. Необходимо точно представлять размеры беды, которую несет всем нам наркомания. Знать о ней все и бороться всем вместе. Медицина, правоохранительные органы, общественные организации, все должны быть подняты на ноги. Но отвечать за порученную работу можно только в том случае, если она вменена в обязанность соответствующих должностных лиц. И если с них существует спрос по самому высокому счету. В противном случае основным «оружием» в борьбе с наркоманией будет только ведомственная переписка и отчетные доклады. Все сказанное — не просто наше заключение, выводы представляют собой некую квинтэссенцию общественного мнения жителей Краснодарского края.

Когда верстался номер, нам сообщили, что Краснодарский крайисполком принял комплексную программу борьбы с наркоманией. Будем считать, что начало положено.

Б. КАЛАЧЕВ

Краснодар — Москва

СЛОВАМИ УЗЕЛ НЕ РАЗВЯЖЕШЬ

Клуб «Здоровье» возник в крупно-сортном прокатном цехе металлургического комбината «Азовсталь» два года назад. Его инициаторы — члены Общества борьбы за трезвость.

Поначалу идея такого клуба кое-кому показалась неосуществимой. И все-таки инициаторы настаивали — административные и запретительные меры не смогут решить проблему борьбы с пьянством. Увлечь людей интересными, полезными делами, внести в досуг истинную культуру — вот путь, который способен привести к успеху. Решено было прямо в цехе, силами активистов Общества борьбы за трезвость создать культурно-спортивный комплекс.

Начальник цеха Владимир Александрович Фетисов, председатель профсоюзного комитета Борис Николаевич Матерновский, секретарь партийной организации Виктор Викторович Лебедь одобрили и поддержали инициативу, и закипела работа. Расчистили от завалов

и мусора подвальное помещение, установили тренажеры. Пришлось, конечно, не раз «потревожить» руководство комбината: ведь добыть инвентарь, мебель — дело в наши дни отнюдь не простое. Наконец, в клубе «Здоровье» установлены теннисные столы, бильярд, разнообразные спортивные снаряды, заканчивается строительство сауны. Клуб распахнул свои двери. Одно за другим пошли здесь интересные занятия, встречи. Клуб не пустует ни днем, ни вечером. Скажем, в обеденный перерыв здесь оживленно возле теннисных столов, по вечерам — в ходу тренажеры, помогающие снять усталость. Нередки в клубе встречи с интересными собеседниками, горячие диспуты на темы, которые сегодня волнуют людей.

В нашу организацию вступают новые члены. Каков главный вывод, к которому мы пришли, анализируя двухлетний опыт работы клуба «Здоровье»? Реальная деятельность активистов-трезвенников

«агитирует» за здоровый образ жизни лучше всяких слов, призывов, лозунгов.

И еще.

Мы убедились: если начальник цеха, другие руководители интересуются нашими затеями, если они находят время на занятия физической культурой, если они всегда энергичны и подтянуты, то это тоже реальная агитация за здоровый образ жизни. Понимаете, молодому рабочему парню важно видеть, что рядом с ним в спортивном зале тренируется его старший коллега, его руководитель.

Без настоящей организации свободного времени трудящихся трезвенническое движение зайдет в тупик — в этом нас тоже убедил опыт работы клуба «Здоровье».

А. СМОЛЯКОВ,

председатель цеховой организации ДОБТ металлургического комбината «Азовсталь», г. Мариуполь

МОЙ ТОВАРИЩ МЕЧТАЛ ОБ ЭТЮДНИКЕ

Мое внимание остановила обложка «Трезвости и культуры» седьмого номера за 1988 год. Эх, спросить бы автора, где он брал художественные кисти, светофильтры и другие заманчивые вещи, которые засняты на обложке и о которых тоскует уже не первое поколение народных умельцев. Впрочем, автор, несомненно, москвич, в столице кое-что достать можно. Сложнее нам — дальневосточникам, северянам, сахалинцам. Нам везут предметы первой необходимости, а то, что запечатлела обложка, — для нас недозванная роскошь.

Лет десять назад пришлось мне беседовать с жителем острова

Шикотан, что на Курилах. Летом там многолюдно, время горячее, тысячи сезонных рабочих, студенческие отряды съезжаются на сайровую и крабовую путину. О досуге думать не приходится: все в трудах и заботах. Но какая тоска наступает зимой, когда остров пустеет. Заводы становятся на профилактический ремонт. На острове, заметенном снегом по крыши домов, остается чуть более тысячи жителей. Работы немного. Свободного времени с избытком. Чем заняться? Нечем! И убивают время, и не только время, но и целые жизни повальными пьянками.

— За зиму, — говорил мой собеседник, — человек по сорок от водки сгорают.

Возможно, он сгустил краски, но общая картина была верной. С горечью вспоминаю, как погиб в Северо-Курильске мой друг. Способный журналист, он пьяным попал в аварию на мотоцикле.

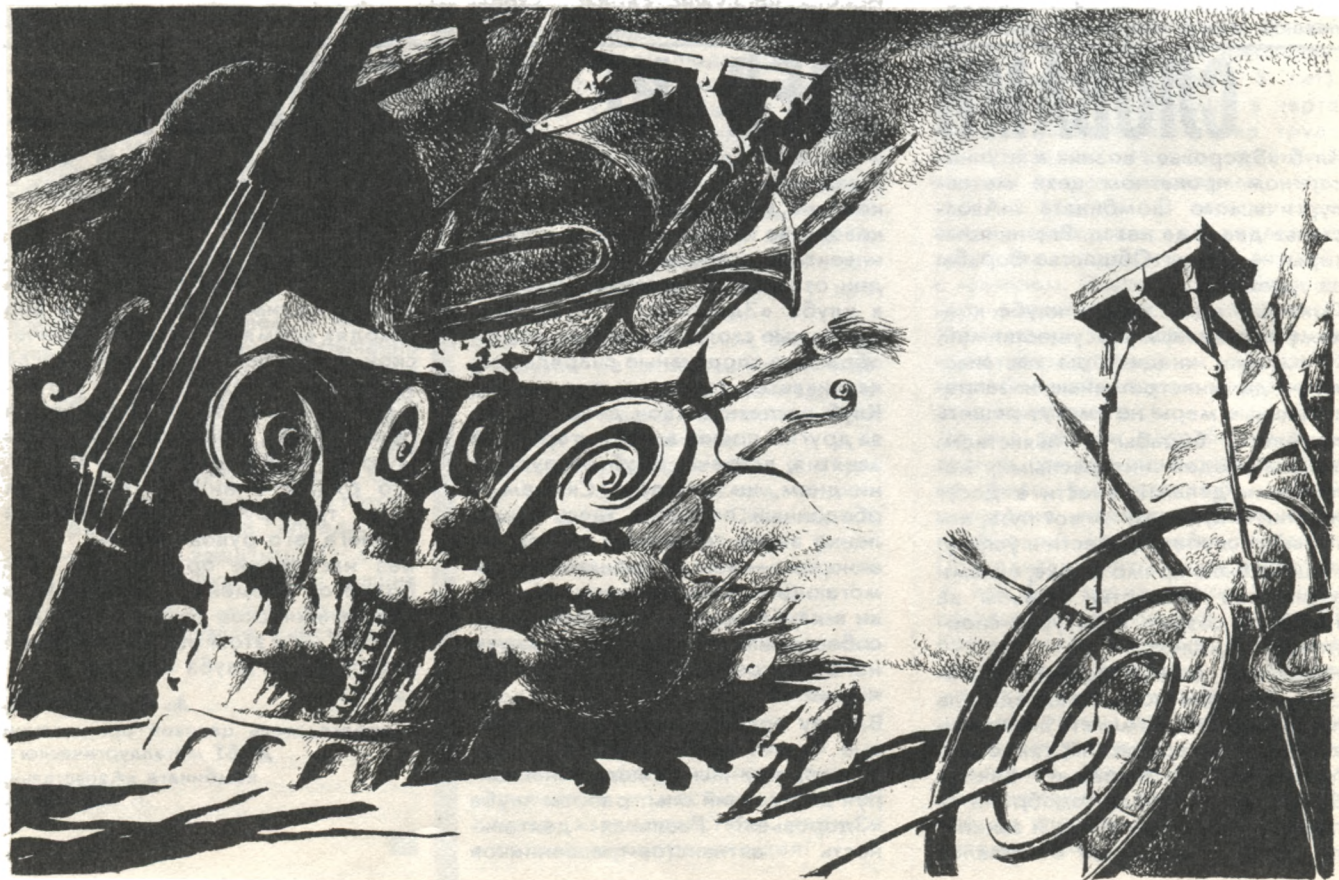
Всю жизнь мечтал Боря купить этюдник, хорошие краски и кисти и заняться в свободное время живописью. Была у него склонность

к рисованию, а убивал время рюмкой. Кстати, и многие из тех с кем он делил компанию, наверное, втайне мечтали каждый о своем «этюднике».

Изменил ли Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом досуг курильчан? Что получили люди в противовес пьяному застолию?

Чтобы отвлечь от «грешных» мыслей о выпивке, дали простор для развития садоводческого и гаражного строительства. Дело, конечно, нужное и полезное. Но отвратило ли оно пьющих от пагубного пристрастия к «зеленому змию»? Пьянство на дачах и в гаражах — обычное явление. Скажем, гаражи стали для мужчин местом счастливого уединения от грозного ока жен. Ну как тут не собраться тепленькой компанией? Мне довелось писать об убийстве в гараже, превращенном хозяином в притон.

Но вернемся к обложке июльского журнала «Трезвости и культуры». На ней изображена как раз часть того, что должно бы поступить в магазины взамен бутылок

с алкоголем. Потому что эти вещи способны помочь людям отойти от пристрастия к спиртному, поднять их культуру, сделать их досуг полезным и содержательным. И доступны они должны быть для каждого человека, причем с детства. Ведь именно в этом возрасте проявляются зачатки многих увлечений, призвания и таланты.

Мне 47 лет. Но и сейчас меня охватывает «охотничья» дрожь при виде хорошего инструмента. Жаль только, что встречается он крайне редко. За все годы сознательной жизни мне ни разу не попался в магазине этюдник, колонковая или беличья кисть. Уже 15 лет я берегу, изредка пользуясь, кисточку для акварели, выпрошенную у одного художника. И когда я даю ее своей шестилетней дочке, то она подолгу рисует красками, к которым в другое время не прикасается. Теми щетками, что продаются повсеместно, рисовать ни ребенку, ни взрослому практически невозможно.

Сколько нераскрывшихся талантов погибло из-за этих убогих кистей, миллионами выпускаемых нашей промышленностью. Ведь, кроме отвращения к рисованию, такой инструмент ничего другого не может вызвать. И каким же врагом живописи надо быть, чтобы выпустить эти, с позволения сказать, кисти и кирпичной сухости и бесподобной бледности краски?! А грубые, топорно сделанные музыкальные инструменты? Кто и когда посчитал, что они способны пристрастить человека к музыке? Купил недавно гитару и за несколько минут ободрал о гриф пальцы. Купил я ее в подарок дочери. Девочка к инструменту не притрагивается. Явно, гитарой она уже напугана на всю жизнь.

Мы не учим нашу молодежь с пользой заполнять свой досуг. Отсюда и «проблема свободного времени молодежи». Молодежь требует развлечений, и мы, взрослые, с готовностью провозглашаем в газетах, на телевидении, на различных совещаниях и симпозиумах: дайте молодым дискотеки, кафе, видеокэфе и т. д. Какое заблуждение! Ведь развлечение — то же безделье. А оно приводит к уродливым явлениям, когда отбрасываются и идейные, и культурные ценности. Не потому ли развлечения вплотную соседствуют и с вином, и с наркотиками. «Ах! — сетует с телеэкрана великовозрастный детина. — Нас не понима-

ют, нам не создают условий для отдыха и общения, нам негде потанцевать, послушать музыку». И редко кто упрекнет взрослых за отсутствие хорошего инструмента и материалов для поделок, за то, что не научили интересным и полезным навыкам, полезным ремеслам.

А как и с помощью чего их учить? Где купить инструмент для резьбы по дереву, для чеканки. Я имею в виду хорошие инструменты. Для переплетных работ нет в продаже картона, ледерина, коленкора. Не купишь и простого дешевого пресса. Увлекающийся скульптурой не купит гипса, а чеканщик не найдет металла. Прилавки ломаются от фотоаппаратуры, но попробуй найти химреактивы для цветной печати!

Этот перечень можно продолжать до бесконечности. И ведь речь о товарах несложных. Не синхрофазотроны же в конце концов нужны людям для организации своего досуга! Многое могла бы выпускать местная, в том числе и наша, дальневосточная, промышленность. Те же кисточки. Не перевелись же пока в наших лесах белки и колонки. Так почему же везем мы кисти из Китая? Или недостает у нас хорошей инструментальной стали, чтобы резец или стамеска не скребли, а в самом деле резали древесину?

Местная промышленность Дальнего Востока в состоянии выпускать многое. Но ориентация до сих пор — на ввоз товаров из западных областей страны. Следовательно, на малое их количество. Но досуг не терпит пустоты. И заполняется он тем, что доступнее всего, а это водка.

Принять Указ просто. Но мог ли мой друг выйти с этим Указом на натуре? Ему ведь этюдник был нужен. Он его так и не купил. И сколько людей еще не купят?!

В. САШКО

г. Лесозаводск,
Приморский край

В издательстве «Наука» в серии «Трезвость — норма жизни» периодически выходят в свет книги для широкого круга читателей, в которых излагаются результаты современных научных исследований в области лечения алкоголизма.

Эти книги можно получить наложенным платежом, оформив заказ на открытке.

Бородин Ю. С., Грекова Т. И. Алкоголизм: причины, следствия, профилактика. 1987. 55 к.

В книге рассмотрено губительное воздействие алкоголя на системном, органном, клеточном и молекулярном уровнях. Особое внимание уделено влиянию алкоголя на нарушение формирования плода и последующие аномалии физического и психического развития детей. Докладывается эффективность и целесообразность фармакологической коррекции влечения к алкоголю.

Иванец Н. Н., Валентик Ю. В. Алкоголизм. 1988. 40 к.

Злоупотребление алкоголем рассматривается в этой книге в историческом аспекте. Излагаются основные пути формирования алкоголизма как заболевания. Дается описание основных клинических проявлений алкоголизма. Рассказывается об основных современных методах лечения алкоголизма.

Кругликов Л. И., Майзелис М. Я. Алкоголизм и потомство. 1987. 35 к.

В книге подробно рассказывается о нарушениях строения, функции и метаболизма мозга экспериментальных животных, подвергшихся воздействию алкоголя в эмбриональном периоде. Эти экспериментальные данные в сочетании с клиническими наблюдениями над детьми, матери которых употребляли алкоголь во время беременности, показывают, какую угрозу для потомства представляет алкоголизм родителей.

Заказы на книги направляйте по адресу:
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6.

Магазин № 3 «Академкнига».

НАЙТИ ДРУГА

«Найти друга поможет клуб «Ханума», который в течение полугода гарантирует Вам знакомство и встречу с кандидатурой для вступления в законный брак».

Такое заявление-объявление я увидела в окне московского дома культуры «Коммуна» на Тульской улице. Скромного формата листок по сути своей содержал важную информацию, а для некоторых людей был поистине пером жар-птицы. Шутка ли — гарантировать знакомство с претендентами на совместную жизнь!

За этим объявлением — проблема. Проблема не нова: одиночество одиноких, увеличение армии несчастных. Помню утверждение Антона Семеновича Макаренко о том, что нет и не может быть в нашей стране несчастных, потому как всякий человек, почувствовав себя несчастным, обязан всеми силами с этим бороться, чтобы вернуть уверенность в себе. Так-то оно так. И каждый сильный, волевой, но одинокий человек говорит себе и знакомым, что он находит свое счастье в работе, творчестве, в свободе, природе... Но кто же знает, что на душе-то у него творится? Сколько стоит ему всего один день, прожитый, казалось бы, насыщенной, интересной деятельностью, встречами и общением с хорошими людьми? Прожитый, но не рассказанный. Одинокий кофе по утрам, одинокий телевизор по вечерам. Горестно. «Один в поле не воин...»

Чего расписывать грустную картину жизни оди-

ноких людей? Не лучше ли обратиться в «Хануму»? Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж старого красивого особняка, где располагается «Ханума». У дверей — две молодые девушки, просто красавицы, на мой взгляд. Топчутся на месте, переглядываются, стесняются. Спрашиваю у них: «В «Хануму»?» Кивают. «Так пошли вместе», — говорю. Нас встречают два приветливых человека — Вера и Саша. Очень вежливо разговаривают с нами, спрашивают документы, предлагают анкету для ознакомления.

Девушки смущены, но тем не менее гордо говорят: «Студенты нас не устраивают». «Ну раз так, — отвечает Саша, — принесите в следующий раз паспорта и пятнадцать рублей — будете нашим золотым фондом». И девушки, еще больше тушуясь, уходят.

Я гляжу им вслед и вспоминаю письмо молодых женщин, которое пришло однажды в редакцию: «Мы не разведены, не были обмануты, мы вообще «не были». Кто мы? Образованные и одинокие. Годы в институте выброшены из жизни. Усталые, после работы сидели мы до онемения спины в аудиториях и слушали монотонные лекции таких же усталых преподавателей. Окончили институты. И что же? Оказывается, никому не нужны наши успехи, интеллект, духовность и прочие достоинства. Чем проливать слезы на могилках семейных отношений и одиночества, не лучше ли объединить усилия социологов, психологов, писателей и прочих душеведов

для решения этой наболевшей проблемы? Одиночество. Не хуже ли оно наркомании? Во всяком случае, хорошая почва для всякого зла. Что делать нам? Образованным, симпатичным, обеспеченным? Где, в каком краю встретить его, одного-единственного? Извините, что безнравственно, но иногда мы просто завидуем тем «ночным охотницам» или «героиням» очерка «Белый танец». Им-то уж по крайней мере не скучно, хотя они и не слыхивали, скажем, о Гогене или Вивальди.

Мы — это Катя П., 26 лет, Галина С., 28 лет, Оксана Ж., 31 год, Таня Б., 34 года, Надежда Г., 30 лет».

Вот такое письмо, заставляющее думать о многом — и о проблемах досуга молодежи, и о вечернем и заочном образовании — стоит ли оно того, чтобы люди лучшие годы просиживали штаны за партами, а потом оставались одинокими. Конечно, все не однозначно — можно и учиться заочно, и семью иметь, а можно расти в тепличных условиях, всеми достоинствами обладать — и оставаться душевно неустроенным. Вернемся в «Хануму». Немолодая женщина просит дать ей все анкеты домой. Саша недоумевает. Женщина охотно предлагает заплатить пятнадцать рублей. Выясняется — просит документы... для сына. Вот так дела! «А сколько же сыну лет? И при чем тут вы? Жениться-то ему нужно или вам?» — удивляется выдавший многое на своей работе Саша. И тут женщина разволнова-

лась. «Господи! Дурак в тридцать три года, сидит сиднем, как Илья Муромец дома один-одинешенек, задаром пропадает. Умный, красивый, высокий, а пропадает. Ну а мне-то что делать на старости лет? Внуков хочу, вот и пришлось идти самой... Ты уж, милоч, дай чего надо, он все дома напишет, а я тебе завтра принесу», — женщина с надеждой смотрит на Сашу. Но правила этой «игры» — в «электронную сваху» — предлагают личное участие.

Впрочем, все дело в том, что после встречи мы скажем друг другу, о чем поведаем. Для этой цели есть в анкете «Ханумы» такие вопросы: «Какие композиторы и поэты ваши любимые? Какие книги, статьи последние вы прочитали? Кого из художников цените? Как относитесь к современной молодежной музыке?» На мой взгляд, очень верно задуманный психологический ход. Имена художников и поэтов — как пропуск в душевный мир человека. Стремление к тому, чтобы сошлись вкусы с будущим избранником.

...Молодой симпатичный мужчина очень волнуется, заполняя анкету: «Тут написано — телосложение. Какое у меня телосложение, не знаете?» «Нормальное — спортивное», — отвечает Саша. «Спасибо». Мужчина углубляется в изучение вопросов дальше. ...Женщина, очень миловидная, с каким-то недоумением произносит вслух: «Недостатки? Какие же у меня недостатки? Я совсем не знаю». «Говорлива!» — подсказывает ей сидящая рядом женщина. «Да нет, я

люблю молчать». «Значит, молчалива», — тут же находится соседка.

...Женщина пришла с маленькой девочкой: видно, бабушка с внучкой. Женщина еще красивая и стройная, но очень смущается и говорит девочке: «Пойди, поиграй», — а мне с досадой: «Господи, стыдоба-то какая. Бабка за женихом пришла. А что, как вы думаете, еще остались?» «Кто?» — спрашиваю я. «Мужики-то. Небось, хороших-то всех распродали, одни завалившие да пьющие? Не знаете, тут тоже по блату?» — «Электронная сваха неподкупна. Отвечайте на вопросы, их кодируют и запустят в ЭВМ, она прокрутит все и выдаст вам результат. Вы сами выберете из нескольких человек». «А чего выбирать-то, лишь бы не пил белого-то, и все», — радуется бабушка.

...Невысокая женщина в очках добивается ответа: «Можно ли поскорее сфотографироваться? А сколько будет стоить видеозапись, и когда можно посмотреть претендентов? Нет, фотографии меня не устраивают, я хочу видеть, как он ходит. А то приходил один свататься. Я глянула — а он идет, будто инвалид. Какой же это жених?..»

Бурлят человеческие страсти. Скрипят перья по бумаге. Низко склонили головы над анкетами будущие претенденты. Саша снует между ними, везде успевает, всем подсказывает, потому как все очень растеряны, возбуждены, не могут сосредоточиться и все путают. А для ЭВМ нужна четкость. Самое трудное — из заданных вопросов как бы смоделировать будущего супруга. Имея в запасе пятнадцать вопросов, надо сделать со-

циальный заказ на жених-невесту, расположить их в порядке значимости для вас лично. Никакого подвоха в этом нет. Просто сразу ясно, что для вас всего важнее в человеке — рост, зарплата, здоровье, совместный досуг или интимная жизнь.

Предвижу вопросы любопытных — ну и дальше что? А дальше вот что. Выписка из памяти кооператива «Ханума»: «Оптимальный подбор наиболее благоприятных для Вас знакомств обеспечивается: компьютерной машиной (на основе ваших пожеланий и данных); будет предоставлена возможность инкогнито просмотреть анкетные данные, фотографии, магнитофонную или видеозапись предложенных кандидатур. Выбрав, вы сможете, по вашему общему желанию, осуществить вашу первую встречу, воспользовавшись дополнительными услугами клуба: вам закажут столик в кафе, предложат два билета в театр, кино, пригласят на танцевальный вечер, экскурсию и т. д. Свои услуги вам предложат опытные психологи, социологи, врачи».

Кто еще больше может сделать?

Есть, на мой взгляд, в этой системе еще одно преимущество, снимающее очень серьезный психологический зажим, — это то, что выбор поручен машине. Есть успехи у «электронной свахи». Вот, например, она соединила такую пару. Обоим — за пятьдесят. Свои дети выросли, внуки пошли. Но ведь жизнь на этом не кончается, а творческое начало только созревает. И вот он, все время стремящийся рисовать, встречал в своей первой семье непонимание и сопротивление. Теперь

с новой супругой рисуют вдвоем... и у нее оказались способности, и он доволен разделенным досугом.

Вера и Саша с гордостью говорят, что эффект потрясающий — очень много людей обрели друг друга в «Хануме», они уверены, что надо развивать эту службу.

Но вот на какие размышления меня наводит служба знакомств. Когда человек не один, краски мира приобретают совсем иное звучание. Не стоит сейчас все высокопарно говорить о любви, будет у людей доброжелательное отношение друг к другу — будет и надежда испытать большое чувство, а нет этой положительной установки — никакая самая страстная любовь не поможет.

ЭВМ помогает встретиться. Но ведь знакомство — только отправная точка, начало длительного путешествия друг к другу. Будет заложен труд на этом пути, будут совершены усилия с обеих сторон — будет и результат! А без труда души не может быть радости. И даже если усыпать цветами и наслаждениями путь молодых, ощущения счастья им не обрести.

Одинокими не рождаются — одинокими становятся. Пословица «Не родись красивой, а родись счастливой», мне кажется, подразумевает в женщине умение нравиться. То красивая не сможет, чего умная добьется. Народная мудрость считает: все от женщины! Умей стать интересной собеседницей, умей вовремя замолчать, умей заинтересованно слушать. Поэтому к встрече с другим человеком надо готовиться. Готовить не столько свой гардероб, внешность свою, сколько самое дорогое свое богатство —

духовный багаж.

У многих людей, которые обращаются за помощью в клуб знакомств, отсутствует навык общения. Как за спасительной соломинкой идут они туда. С надеждой на чудо.

В редакции нередко пишут: «помогите», «подскажите», «научите». По существу, за этими призывами слышатся слова: «дайте», «мало даете», «еще дайте». Как будто стало модой обнажать свои недостатки, свои неумения, свою глупость и примитивность мышления. Мол, что с нас взять?

Пустота рождает пустоту. Поэтому и задача-то состоит в том, чтобы человек формировал у себя нравственную потребность в любви, потребность души, которая и может быть реализована во встрече, приготовленной самой жизнью.

«Если когда-нибудь, гоняясь за счастьем, вы найдете его, вы, подобно старухе, искавшей свои очки, обнаружите, что счастье все время было у вас на носу» (Бернард Шоу).

Создавая мир в себе, расширяя диапазон своих контактов, совершенствуя себя, открывая новые духовные ценности, вы научитесь и в других людях находить свой интерес.

...А пока работают службы знакомств, кооперативы «Джин» и «Ханума» в Москве, другие организации, чтобы помочь одиноким. Думаю, что это вполне в стиле времени. Прошла та пора, когда мы отвергали их услуги, считая, что это неприлично. Пусть обретут уверенность сомневающиеся. Смелее!

Л. ИВАНОВА,
кандидат педагогических наук

«МЕЧЕННЫЕ» ДЕНЬГИ

■ В последнее время в печати встречаются высказывания такого рода: мол, борьба с пьянством — дело нужное, но при чем здесь я? Почему и я должен наравне с пьяницами добывать спиртное, выстаивая очередь, платить большие деньги? Так же думают и вовсе не пьющие, но которые считают обязательным угостить спиртным дорогого гостя, расплатиться бутылкой с сантехником...

Все это — издержки важной проблемы борьбы с пьянством.

С очередями ясно: их не может не быть, поскольку одним из моментов борьбы является ограничение. Продавай хоть на каждом углу (но отмеренное по разнарядке) — все равно будут приходить задолго до начала торговли. Что и наблюдаем сейчас у мест торговли пивом. По-моему, правильно заметил Л. Ледовской в одном из номеров вашего журнала: очереди за спиртным — единственно оправданные очереди в наше время.

Другое дело — цены. Как верно заметил читатель В. Кувакин в том же номере журнала, цены на спиртное нельзя не затронуть при предстоящей реформе цен. В. Кувакин полагает, что придется продавать спиртное по себестоимости, как все товары. А вот здесь, думается, он не прав. Это неверно и в отношении всех товаров,

ведь кроме себестоимости должна быть прибыль: изготовителя, торгового ведомства, государства. Речь идет, конечно, о том, что одни товары продаются по цене выше всех этих составляющих (спиртное), другие — ниже (мясо), и одно должно компенсировать другое (дотации). Государственная винная монополия на то и монополия, чтобы можно было устанавливать такие цены, которые компенсировали бы дотации. Разница между выручкой от продажи спиртного и расходами на его производство такова, что о расходах можно и не говорить — они малы по сравнению с выручкой. И вот эта разница оказалась заверстанной в госбюджет и теперь сдерживает наступление против алкоголя.

Оценим ситуацию. Некоторая часть зарплаты выдается лишь для того, чтобы ее тут же изъять через винные магазины. Если этого не происходит, бюджет хромает, нечем выдавать зарплату в следующий раз. Выходит, «нужно», чтобы пили, «омывали» получку. Образовался круговорот: зарплата — винные магазины — банк — зарплата. Подобно реактивному току в электросетях — провода загружает, а пользы не дает. Попытки сбалансировать бюджет за счет интенсификации торговли другими товарами пока не дают должного

эффекта, а по моему мнению — и не могут дать. Ведь речь идет о лишних, «дутых» деньгах, которые в момент своего возникновения ничем не были обеспечены. Их надо изъять из обращения. Но как? Понижать фонд зарплаты на величину сокращения выручки от спиртного? Но это будет несправедливо по отношению к непьющим. Вот если бы снизить доходы только пьющим и одновременно на столько же снизить цены на спиртное. Найти бы способ, как это сделать!

Способ, по-моему, есть. Нужно объявить, что с такого-то числа спиртное будет продаваться только за особые, меченые дензнаки, которые можно получить вместо обычных в кассе в день зарплаты — кому сколько нужно. Ничего другого на меченые деньги купить нельзя. Произойдет замена части обычных денег мечеными, а с ними можно экспериментировать, устанавливая любые цены на спиртное, регулируя его поступление в продажу в соответствии с количеством меченых денег на руках. Это, возможно, повлияет и на уровень потребления алкоголя в сторону его уменьшения. Кому охота заранее показывать, сколько денег намерен пропить? Государство понесет некоторый убыток, но это вскоре с лихвой окупится положительным эффектом отрезвления.

Л. КИСЕЛЕВ,
инженер

ОБВИНЯЮ... СУДЬЮ

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Уважаемая редакция, пишу, потому что молчать дальше невозможно. Необходимо что-то делать, ведь речь-то идет о жизни и смерти. И о чьей жизни? Детской!

Я проходила свидетелем на суде по делу о лишении родительских прав моей соседки и передаче ребенка на воспитание родителям погибшего мужа.

Суд оставил ребенка матери. Не принято у нас забирать дитя у матери. А она «кололась». Я точно

это знала, но доказать не смогла. Ребенок был тут же — в зале суда. Все видели, какой он заброшенный, нездоровый. Когда судья зачитала решение, я посмотрела на свою соседку: она даже бровью не повела. Ни радости, ни облегчения — равнодушие и все. А бабка с дедом рядом убиваются, их пришлось даже под руки из зала суда выводить.

Я потом все думала — зачем же моя соседка себе ребенка отвоювала? Что она к нему была равнодушна, невооруженным глазом видно было. Только судьи да народные заседатели одни этого не увидели или не захотели...

Так или иначе, через семь месяцев не стало ни девочки, ни матери — газом отравились. А потом

на их столе в кухне мы нашли письмо: «Решила поставить все точки над «і». Жизнь больше мне не нравится». А рядом шприц со следами наркотика — перед смертью она укололась открыто, не таясь. А девчужка словно заснула, обняв свою горе-мать.

Вот и пишу вам, нельзя так больше решать человеческие судьбы. В смерти девочки виню не мать — судьбу.

Предлагаю пересмотреть статьи закона, в которых приоритет получает мать при «дележе» ребенка. Не всегда правильно.

Для некоторых женщин ребенок это только прикрытие, ширма от суда и общественности.

В. НОВИКОВА
г. Киев

И КЛАНЯТЬСЯ НЕПРИНУЖ ДЕННО?

словом, в повседневном потоке дел, забот, нервных нагрузок?

Мы спросили — можно ли блеснуть? А читатель ставит вопрос иначе: нужно ли? Скажем, не все ли равно, как, глотая в обеденный перерыв шницель с макаронами, держать нож и вилку? Может быть, в наших перегруженных буднях — хорошие манеры, проявление деликатности, вежливости, внимания — словом, воспитание — что-то вроде пережитка прошлого, когда жизнь была спокойнее? Иначе откуда бы взяться ироническому: «Чересчур воспитанный!»? И так далее: «...В разделе «Гармония» вы превознесите физическое совершенство человека. Но тренированные мышцы еще не делают их обладателя гармонической личностью...» Это письмо и заставило взяться за перо.

...Помните?

Он по-французски

совершенно

Мог изъясняться и писал;

Легко мазурку танцевал

И кланялся непринуж-

денно;

Чего ж вам больше? Свет

решил,

Что он умен и очень мил.

Да, Пушкин. Да, без малого сто пятьдесят лет назад — ирония в адрес светского общества, для которого мерило воспитанности человека едва ли распространялось за рамки умения «кланяться непринужденно». А как судим о воспитанности мы, в последней четверти двадцатого века? Как мы представляем себе — что значит «блеснуть воспитаньем»? И можно ли вообще «блеснуть» — в сутолоке переполненного вестибуля метро, в толчее гастронома, наконец, в напряжении рабочего дня,

единственный житель на земле, меня окружают люди. И с ними я должен считаться прежде, чем с собой.

Это сказано точно. С пониманием круга нравственных устоев, которыми должен располагать человек, чтобы, совершая тот или иной поступок, четко знать — что хорошо, а что плохо, недостойно.

На память приходит интересная подробность, относящаяся ко временам давним, к жизни Людвиг Бетховена. В юности композитор брал уроки у прославленного тогда Антонио Сальери. Прошло время, Бетховен недостижимо перерос своего учителя. Как-то он зашел к Сальери и, не застав его, оставил записку: «Сюда заходил ученик Бетховен». Сегодня, читая эту строку, со всей очевидностью понимаешь — ее написал истинно воспитанный человек. В скупую фразу перелились и его признательность учителю, и уважение, и скромность, и деликатность. Став великим, маэстро продолжал числить себя учеником. За этим — и его величайшая самокритичность. А она в свою очередь — не проявление

ли того строя души, который четко предполагает: центр вселенной — это отнюдь не моя персона, я — человек среди людей прежде всего.

Вечная связь: я и люди, я и окружающий мир, наша взаимоотдача, вот та высокая отправная точка, с которой, вероятно, и начинается истинно воспитанный человек.

Вернемся к мыслям профессора Шхвацабая.

— Я убежден, — говорил он, — если бы человек невоспитанный сознавал, как-ков он, он немедленно взялся бы за самоперестройку. И потому, что невоспитанность отталки-

ваоща внешне. И потому, что она вообще снижает ценность человека как личности. Скажем, даже очень способный человек, в котором не сформированы дисциплинированность, самоконтроль, самокритичность, не может дать многого людям. Он неизбежно замкнется в рамках своего «я» и... ограбит себя! Глубочайшая здесь взаимосвязь и взаимообусловленность.

А теперь обратимся к ситуациям, о которых нередко повествуют письма наших читателей. К ситуациям, когда (в магазине ли, в трамвае, в билетной кассе) пожилой человек, женщина оказываются «затертыми» теми, кто помоложе и попроворнее. Не очевидно ли, что элементарные нормы этики требуют внимания к ним? И никакая спешка, сутолока, деловая занятость не оправдывают того, кто своим плечом отстранил пожилого человека, да и не пожилого, а того, кто не спо-

собен «работать локтями», кто деликатнее, внимательнее к окружающим, уважительнее к ним.

Думается, данная ситуация, если пристально всмотреться в нее, приведет нас к выводу: каждый любитель «пробиваться локтями» действует вопреки одному из ведущих критериев воспитанности. Он — спешит. Он — озабочен. Он! А до окружающих — какое ему дело?! Он — центр вселенной, и изволь эта «вселенная» расступиться под натиском его энергичной воли. Дескать, по пословице: «Кто смел, тот и съел». Но бытует на Руси и другое крылатое выражение: «Дай бог тому честь, кто способен ее снести». Высока честь — быть Человеком. И не просто пронести эту честь через жизнь. Не ронять ее и в обычных, и в сложных, трудных ситуациях. Не просто, порой опаздывая на службу, сознавая, что за опоздание грозит выговор, все-таки

помочь сесть в отходящий троллейбус женщине, а не втиснуться туда самому, оттолкнув ее. И все-таки... Начиная разговор, мы ставили вопрос: может быть, проявление воспитанности в наш напряженный век — что-то вроде пережитка прошлого? Ну какое в конце концов мне дело до пытающейся влезть в троллейбус женщины, если я на грани опоздания на службу? Я даже почти вправе оттолкнуть ее, она-то, может быть, спешит всего лишь в магазин. Так что же, хорошие манеры, проявление деликатности, такта, внимания, уважительности — словом, воспитанности, — привилегия прошлого, когда жизнь текла неторопливее, а города были малолюднее? Или все-таки наоборот? Чем напряженнее ритм наших дней, чем больше деловых и неделовых контактов с людьми насыщает их, тем важнее наше умение вести себя и, значит, общаться с людьми?

Психологи настоятельно обращают наше внимание на то, что даже мимолетный разговор, просто слово, даже взгляд, брошенные нам след, — не безразличны для нашей психики. Да разве каждый из нас не замечал — брань, походя оброненная шлопаем в подворотне, заставляет невольно втянуть голову в плечи, а улыбка, подаренная встречным кому-то из прохожих, словно теплая ладонь, касается и нашей щеки...

Хороший тон — не излишество, не пережиток прошлого. Это та этическая норма, которая должна отличать людские отношения на работе и дома, среди друзей и незнакомых, в праздники и будни. Соблюдение простых правил приличия — проявление самого «людского» в человеке; сознание — я не один, я человек — среди людей, я — член общества. И это честь. И это обязывает.

ФУТБОЛ ДЛЯ ДОШКОЛЯТ

Тренер поставил футбольный мяч перед строем малышей и спросил:

— Кто хочет ударить первым?

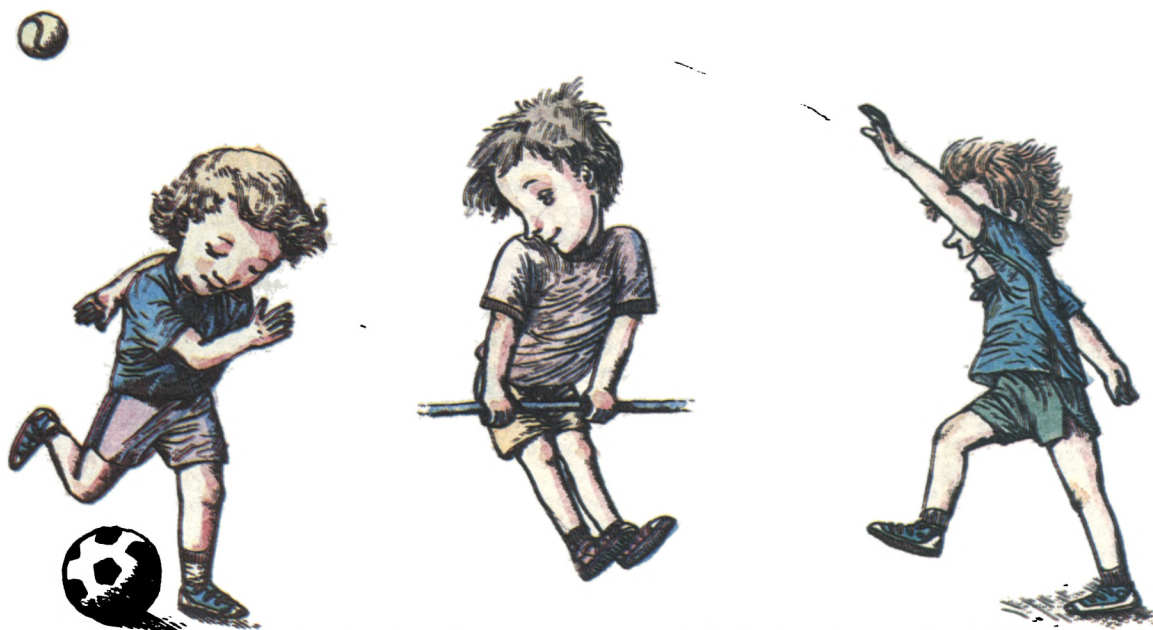
— Я! Я! Я! — послышалось в ответ.

— Первый удар поручим сделать самому молодому в группе футболисту — пятилетнему Гене, — сказал тренер.

Из строя вышел очень серьезный карапуз и очень

серьезно ударил ногой по мячу. Но не попал. Ударил еще раз. И снова — неудачно. Из глаз карапуза закапали слезы.

— Не плачь, Гена, — улыбнулся тренер. — Мы обяза-

тельно сделаем из тебя знаменитого форварда... Эту сцену я увидел во Дворце детского спорта (Ждановский район Москвы). И удивился:

— Тренировка пятилетних футболистов? Не слишком ли ранняя специализация? — А это не тренировка, — ответил мне заместитель директора дворца М.Я.Адашкин. — Это обычные занятия, в основу которых положена программа воспитания и обучения в детском саду. Сейчас малыши осваивают элементы спортивных игр...

Оказывается, по инициативе руководителей дворца здесь занимаются 16 групп из ближайших детских садов. Более 400 детей два раза в неделю учатся ходить на лыжах, кататься на коньках, плавать, бегать, прыгать, играть в различные игры. Занятия на общественных началах ведут опытные инструкторы-методисты Дворца спорта. Дети занимаются бесплатно.

— В первой половине дня спортивные сооружения, как правило, не загружены полностью, — пояснил М. Я. Адашкин, — да и наши тренеры свободны в это время. Вот мы и решили отдать несколько дневных часов детским садам нашего района.

Что дают такие занятия детскому саду?

— Очень многое, — говорит старший воспитатель яслей-сада № 376 Е. З. Антонова. — Физические способности малышей меняются прямо на глазах. Как на дрожжах растут их спортивные результаты... Был у нас Антон Сосунов, которому шел шестой годик. Но ни прыгать Антоша как следует не умел, ни бегать. У него была нарушена координация, он плохо ориентировался в обстановке, не воспринимал команды. На контрольных испытаниях Антон показал такие результаты. Мячик бросить вперед не сумел. 30 метров бежал дольше 10 секунд. А с места прыгнул всего на 80 сантиметров. Стал заниматься во Дворце детского спорта. Через какие-то пять месяцев Антоша нельзя было узнать. Он метнул мяч правой рукой на 7,4 метра, левой на 9,6 метра. 30 метров пробежал за 8,5 секунды, а прыгнул с места на 110 сантиметров. Из неумехи превратился в богатыря!

А вот мнение воспитательницы логопедической подготовительной группы яслей-сада № 376 Р. Р. Будахиной.

— Для моей группы занятия во Дворце детского спорта стали чудесным лекарством. Раньше детям совершенно не давались упражнения на равновесие,

они совсем не умели бегать и боялись прыгать, быстро утомлялись и теряли интерес к занятиям. Всего четыре месяца занятий во дворце изменили группу до неузнаваемости! Дети стали прекрасно бегать и прыгать, умело ползать и лазать. А уж бросают мячи в цель — как заправские метатели! Но главное наше спортивное достижение — это здоровье. Малыши настолько окрепли, что перестали пропускать занятия в детском саду.

Что ж, как говорится, в добрый путь! Пускай побольше будет в нашей жизни таких вот инициатив и начинаний, которые помогают юному пополнению расти сильными, ловкими и красивыми.

Возможно, воспитателей детских садов, работников спортсооружений, физкультурных организаторов заинтересует комплексная эстафета, которую проводят здесь для детских садов на различных праздниках.

Вот упражнения — этапы этой эстафеты:

I этап — «Скольжение». Ребенок скользит животом по гимнастической скамейке, подтягиваясь руками, ноги прямые.

II этап — «Прыжок в высоту».

Ребенок прыгает через легкую рейку на маты. Высота не более 40 см.

III этап — «Равновесие». Ходьба на носках по перевернутой гимнастической скамейке.

IV этап — «Ворота».

Ворота (или проволочная дуга) высотой около 70 сантиметров. Ребенок должен пройти в них, не опускаясь на колени и не касаясь руками пола.

V этап — «Полоса препятствий».

На гимнастической скамейке раскладывают несколько мячей. Ребенок должен пройти по скамейке, перешагивая через мячи.

VI этап — «Пролетание в обруч».

Три обруча лежат на полу в полуметре друг от друга. Ребенок должен поочередно пролезть в каждый, поднимая обруч с пола.

VII этап — «Метание мяча в цель».

VIII этап — «Не замочи ноги».

Каждому ребенку выдают две дощечки. Необходимо, стоя на одной, другую положить вперед, шагнуть на нее. Затем поднять заднюю дощечку, положить ее вперед и шагнуть на нее. И так пройти всю дистанцию (15—20 метров). Вставать на пол не разрешается.

П. ГАЛИН

ЙОГА, ЗДОРОВЬЕ И ТВОРЧЕСТВО*

Йога возражает против экстремизма, поклонения и слепого следования за авторитетами. Любое преклонение перед «авторитетом», восприятие его слов как истины в последней инстанции ведет к притуплению воли и налагает ограничения на свободу. Разумный человек должен сам в себе воспитать учителя.

Из многообразия поступающей информации и различных мнений необходимо отбирать для себя только то, что соответствует собственной природе, складу характера, темпераменту и мировоззрению. Однако есть общие положения, с которыми следует считаться в практике Йоги. Упражнения нужно осваивать без особого напряжения, постепенно приближаясь к идеальному выполнению. Действие почти

всех упражнений Йоги направлено на внутренние органы: печень, селезенку, железы внутренней секреции, сердечно-сосудистую систему, легкие, желудочно-кишечный тракт. Поэтому выполнять их необходимо осторожно, неточно и излишества могут привести к противоположному эффекту. Необходимо научиться прислушиваться к своему организму, к его реакциям на нагрузку. При выполнении упражнений напрягаться должны только те мышцы, которые участвуют в движении, особен-

но нужно следить за ослаблением мышц лица. Перед началом утренних занятий нужно выпить стакан теплой воды. Прохладный душ или обливание холодной водой — до занятий, а не после, как это принято в других оздоровительных системах. Занятия должны завершаться позой отдыха и расслаблением. Перед началом выполнения упражнения необходимо сосредоточиться на том терапевтическом эффекте, который дает данное упражнение. Во время краткого отдыха после выполнения асаны то-

* Продолжение. Начало в № 11, 12 за 1988 г. и в № 1 за 1989 г. «ТК».

же желательно фиксировать внимание на терапевтическом эффекте и на том органе, на который было направлено действие. Заниматься нужно в хорошо проветренной комнате, но без сквозняков, в хлопчатобумажном или шерстяном костюме. Тело должно быть достаточно согрето.

Хотя приводимые нами упражнения просты и безопасны, люди с серьезными хроническими заболеваниями не должны выполнять их без консультации со знающим врачом или ин-

структором группы здоровья. Запрещается делать многие асаны Йоги людям с резко повышенным давлением. Стойку на голове (Сиршасана) нельзя делать тем, кто страдает нарушением кровообращения, острым заболеванием среднего уха и заболеванием вестибулярного аппарата. При хроническом катаре дыхательных путей необходимо соблюдать осторожность при выполнении всех перевернутых поз, особенно в случае обострения. Страдающие заболеваниями органов

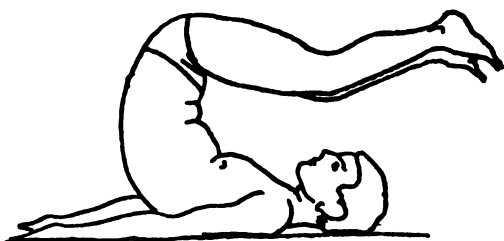
брюшной полости не должны делать позу кобры (Бхуджангасана), кузнечика (Салабхасана), лука (Дханурасана). При заболеваниях легких нельзя делать задержку дыхания на вдохе.

Заниматься следует с пустым желудком, а еще лучше и с освобожденным кишечником. Для женщин в период очищения нужно снизить нагрузку и не выполнять силовых упражнений. После даже небольшого перерыва в занятиях необходимо сократить время пребывания в асанах

и увеличивать его постепенно в соответствии с самочувствием и физической формой. После выполнения позы с наклоном позвоночника вперед необходимо выполнить асану с прогибом назад.

Если для начала вы 20—30 минут в день уделили упражнениям Йоги, то у вас появится бодрое и хорошее настроение, вы будете активны и жизнерадостны. Атмосфера в доме улучшится и семья укрепитя, вы сможете больше хорошего дать своим близким и обществу.

ХАЛАСАНА (поза плуга)

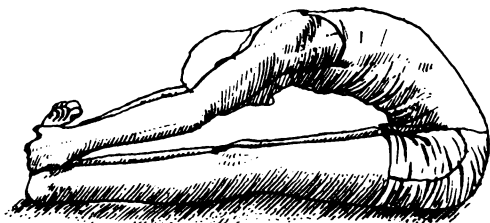
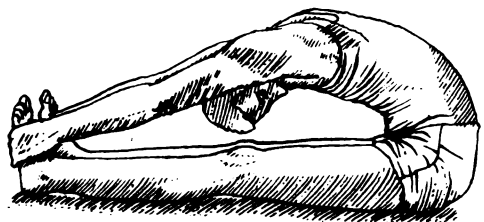
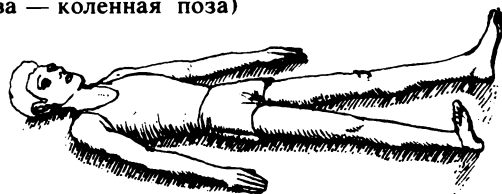
И. п. лежа на спине, как при выполнении Випаритакарани. Сделать выдох, затем вдох, ноги соединить вместе, руки положить ладонями вниз. Поднять прямые ноги до угла в 90°,

затем поясничную область и с выдохом медленно опустить ноги за голову. Если носки ног не касаются пола, то можно удерживать прямые в коленях ноги на весу. Дыхание

свободное. Ладони рук от пола не отрывать. Оставаться в асане 10—15 секунд. Постепенно увеличивать время пребывания до 2—3 минут. Внимание на позвоночнике. С опорой на руки медленно вернуться в исходное положение. Начало выхода из асаны на вдохе, конец — на выдохе. Необходимо следить за тем, чтобы ноги были прямыми в коленях, голова не отрывалась от пола и не было прерывистых движений во время входа и выхода, чтобы мышцы спины

в статической стадии были максимально расслаблены. Терапевтический эффект. Асана регулирует кровообращение спинного мозга, снимает утомление и головные боли, растягивает позвоночник, укрепляет мышцы спины и брюшного пресса, способствует лучшему пищеварению, благотворно влияет на половые органы, устраняет расстройства менструального цикла, нормализует работу поджелудочной железы, приостанавливает развитие диабета.

ПАШИМОТАНАСАНА (голова — коленная поза)

И. п. лежа на спине, руки и ноги свободно раскинуты. Выполните выдох, затем вдох, соедините ноги, носки ног подтяните на себя, положите руки на бедра. Поднимите корпус, как бы вытягивая его вперед руками, затем продолжайте наклон вперед на выдохе с прямой спиной.

часть спины не коснется пола. Вернувшись в исходное положение, сделайте очистительное дыхание и отдохните, лежа на спине. Асана выполняется три раза. Внимание во время статической фазы удерживайте на солнечном сплетении или на растяжении позвоночника и мышц спины.

Захватите руками стопы ног с боков и, помагаю себе руками, коснитесь подбородком или лбом коленей. Ноги в коленях держите прямыми. Если гибкость недостаточна, то руками захватите лодыжки ног. Удерживайте позу до желания сделать вдох. Для выхода из асаны снимите напряжение рук, поднимите корпус примерно до угла в 45°. Затем продолжайте подъем с медленным вдохом. Руки не отрывайте от бедер, пока большая

Терапевтический эффект. Асана исправляет искривления позвоночника, сохраняет его гибкость, увеличивает способность к пищеварению, улучшает аппетит, излечивает запоры. Предупреждает функциональные расстройства желудка, печени, селезенки, почек, кишечника. Приостанавливает развитие геморроя и диабета. Нормализует работу поясничных нервов и всех жизненно важных органов малого таза.

СИМХАСАНА (поза льва)

И. п. сидя в позе Ваджарасана или на стуле с прямой спиной, руки на коленях. Выполните выдох, затем полный вдох, нажав кончиком языка на слюнные железы (в середине неба). При этом все тело расслаблено, глаза закрыты, внимание на гландах. Как только закончили вдох, откройте глаза. Открыв

рот, с напряжением вытягивайте язык, пытайтесь достать им грудь. Одновременно производите выдох через рот с хрипящим звуком: «А-а-а-а». Во время выдоха глаза округлите, руки и плечи напрягите, обхватив колени так, чтобы кончики пальцев побелели от напряжения. Вытягивайте язык до предела к

груди и после выдоха. Внимание — на корне языка. Затем расслабьтесь. Появление слюны указывает на правильность выполнения. Асана повторяется 3—7 раз.

Вариант. С выдохом бросьте тело вперед с опорой на руки как в позе собаки, голову держите параллельно полу и, выполняя выдох, имитируйте разъяренного льва.

Терапевтический эффект. Асана излечивает и предупреждает ангину, укрепляет горло, разглаживает морщины на лице.

Л. ТЕТЕРНИКОВ,
инструктор-методист

Ушу

УСПОКОЙТЕСЬ В ДВИЖЕНИИ

Сегодня мы расскажем об истории возникновения тайцзицюань*. Начнем с легенд. Существует несколько преданий, связанных с именем Чжан Саньфэна — даосского монаха (даоизм — религиозное учение в Китае), жившего в горах Удан в XIII столетии. Самое популярное повествует о том, что однажды Чжан Саньфэн, сидя у окна своей хижины, заметил у подножия дерева соколу, сражавшуюся со змеей. Острые удары клювом не принесли успеха птице, поскольку мягкие, текучие и округлые движения змеи позволяли избегать их. Чжан Саньфэн увидел в этом реализацию принципа «слабое и мягкое побеждают твердое и сильное», сформулированного патриархом даосского учения Лао-цзы. Используя этот принцип и развив его, Саньфэн создал особую систему упражнений, в основу которых положил свои наблюдения за повадками змеи и птицы, движениями облаков, воды и деревьев под ветром. Так им была создана система физического воспитания, а на ее основе и система самообо-

роны, в которой принцип уступчивости, мягкости, ускользания противопоставлялся агрессии и силе. Другая легенда рассказывает о чудесном откровении, которое получил Чжан Саньфэн в те дни, когда был приглашен китайским императором во дворец. Дорога в столицу была небезопасна — ее блокировала банда разбойников, — и Чжан Саньфэн не мог отправиться в путь. Однажды ночью ему приснился сам Сюань-ди — даосское божество войны, охранитель «оси мира», владыка севера и Полярной звезды, который во сне обучил его тайцзицюань. Проснувшись на следующее утро, Чжан Саньфэн в одиночку по дороге уничтожил более ста разбойников и беспрепятственно прибыл к императору. С тех пор, видимо, в знак почитания Сюань-ди, упражнения тайцзицюань начинают лицом к северу, обращая свои мысли к Полярной звезде, через которую проходит «ось небесного механизма».

Третья история сообщает, что Чжан Саньфэн, путешествуя, остановился в монастыре Шаолинь — в центре воинских искусств — для ознакомления с техникой рукопашного боя. Ра-

зочаровавшись слишком агрессивной ее манерой, требовавшей большой затраты физической силы, он создал свою систему — мирную и чисто оборонительную. Так появился тайцзицюань.

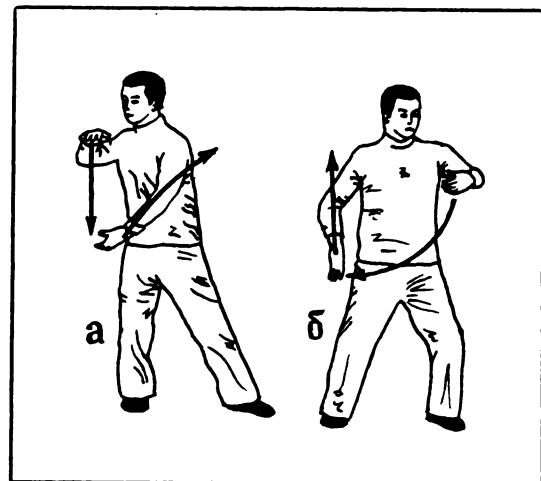
В одном из древних трактатов о тайцзицюань сказано: «Это учение было передано мирянам учителем Чжан Саньфэном с горы Удан для помощи им в омоложении и достижении долголетия».

Ну а теперь мы опишем еще три упражнения из нашей серии.

Упражнение 7. «Птица из-под водопада» (рис. 7)

И. п. Поставьте ноги на ширину плеч и, сместив вес на правую ногу, разверните левую ступню на пятке на 45° наружу.

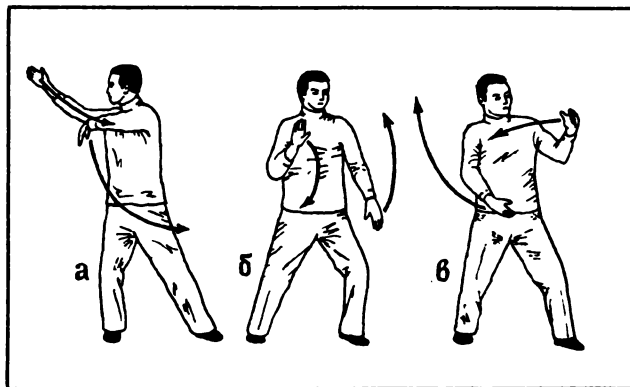
Скрутите корпус вправо, поднимая правую кисть (ладонью вниз) на уровень плеча. Одновременно с этим поднесите левую кисть к правому бедру, ладонью вверх (а). Переноса вес тела на левую ногу, вынесите левую руку по косой влево вверх, до уровня плеча. Одновременно опускайте правую кисть вниз, к правому бедру (б). Возвращая вес тела на правую ступню, верните руки в положение (а) и повторите

* Продолжение. Начало в № 9, 11 «ТК» за 1988 г.

движение. Сделав несколько раз, закончите упражнение завершающим движением, как было описано в упр. № 2. Время выполнения одного цикла упражнения 5—7 с.

Образ: представьте, что вы — гора, ваша правая кисть изображает падающую вниз массу воды, изпод которой вылетает птица в виде левой ладони.

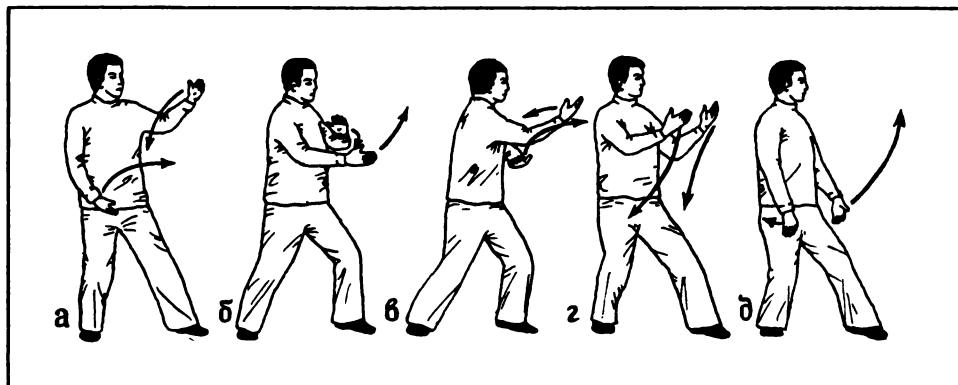
Упражнение 8.

«Танцующий журавль» (рис. 8)

И. п. то же, что и в предыдущем упражнении. Поднесите левую кисть (ладонью вниз) к правому плечу, поднимая правую руку вверх (ладонью вперед) (а). Переноса вес тела на левую ногу, опускайте левую кисть по дуге к левому бедру, одновременно выталки-

вая правую кисть ладонью вперед (б). Затем поверните корпус вправо, возвращая вес тела на правую ногу и опуская правую кисть к правому боку, с одновременным подниманием левой кисти (в). Дальнейшее закручивание тела вправо сопровождается возвраще-

нием в позицию (а). Повторив несколько раз, закончите упражнение завершающим движением, как в упр. № 2. Время выполнения одного цикла 5—7 с. *Образ:* руки подобны крыльям благородного белого журавля, танцующего у воды.

Упражнение 9.

«Падающая снежинка» (рис. 9)

И. п. как в упражнении 7. Поверните правую кисть у правого бедра ладонью вверх, одновременно высоко поднимая левую руку с ладонью, обращенной к себе (а). Переноса вес тела на левую ступню, выдвиньте правую кисть вперед. Одновременно с этим опускайте левую кисть на правое предплечье, изображая падающую снежинку (б). Не коснувшись предплечья, левая кисть уходит вниз, под правый локоть, разворачиваясь ладонью вверх.

Одновременно корпус скручивается влево, и правая рука вытягивается вперед влево (в) с ладонью, обращенной вверх. Поворачивая ладони к себе, скрестить предплечья перед грудью, отвести обе кисти к плечам (г) и перенести вес тела на правую ступню. Затем, повернув ладони вниз, опустить руки (д). Повторить несколько раз и окончить упражнение завершающим движением, как в упр. № 2. Время выполнения одного цикла 10—15 с.

Образ: представьте зимний лес в тихую безветренную погоду, снежинки мягко

сыплются сверху на заснеженные деревья. Одна из них медленно опускается на ветку ели — от этого легкого прикосновения все снежное убранство дерева обрушивается вниз.

В. ЕЛИСЕЕВ,
кандидат
психологических
наук

КАК УВЛАЖНИТЬ КОЖУ ЗИМОЙ?

Центральное отопление в помещениях, ветер и мороз на улице — все это как промокашка вытягивает влагу из тканей. Значит, увлажнять кожу днем? То есть именно тогда, когда это очень вредно? Увлажняющий крем содержит много воды. Она замерзает на поверхности кожи уже при температуре около 0° и образует тончайший ледяной слой. От этого происходят различные заболевания кожи. Весной мы с испугом замечаем на носу и щеках лопнувшие сосудики. Дунет холодный ветер — лицо синеет, а под воздействием тепла краснеет. Итак, что надо делать зимой с сухой кожей и с кожей смешанного типа (жирная, к счастью, сама себя защитит)?

Утром после умывания теплой водой с мылом нанесите на лицо тонкий слой питательного крема, жирного, но не увлажняющего. Это может быть крем «Людмила», «Алоэ», «Восторг» или «Люкс». Непосредственно перед выходом на улицу наложите грим, применяя в качестве основы пудру, смешанную с кремом, а после того, как она подсохнет, — тонкий слой порошкообразной пудры. Этого изолирующего слоя вполне достаточно — под ним, как под одеялом, кожа будет защищена от ветра и мороза.

В течение дня, находясь несколько часов в теплом, сухом помещении, надо по крайней мере 2 раза увлажнять кожу лица, слегка ударяя по ней мокрым ватным тампоном. Эта процедура не портит грим, в крайнем случае, может немного повредить слой пудры, но ведь нос, лоб и подбородок пудруются по нескольку раз в день. Если

ЕСЛИ ПОМОГАТЬ, ТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ

от нагретого калориферами воздуха кожа сжимается, горит и становится неприятно сухой, рекомендуется умыть лицо сливками, а после этого вбить крем «Филодерма», который благодаря содержащемуся в нем экстракту морских водорослей препятствует потере воды через кожу. Вечером — ванна для лица. Ее можно сделать в тазу, а можно увлажнять лицо и при помощи небольшого распылителя 2—3 раза через 15—20 минут, чтобы дать влаге впитаться. После этой процедуры кожа разглаживается и становится более эластичной. Маски тоже нужны. По крайней мере 2 раза в неделю надо на жаждущую воду кожу накладывать увлажняюще-питательную кашицу. Лучшее из тертого яблока. Время от времени срезать острым ножом 3—4 тоненьких, как бумага, кусочка апельсина, положить их на лоб и щеки. На это уйдет не более 1/8 плода, и, следовательно, расход будет незначительный.

Наконец, вечером наступает момент, когда уставшая кожа может отдохнуть под воздействием увлажняющего крема. Тщательно

вымыв лицо теплой водой с мылом и осторожно промокнув кожу мягким полотенцем, нанесите крем «Увлажняющий», «Росинка», биокрем «Косметический». Даже с некоторым избытком. Через несколько минут он исчезнет с поверхности лица, полностью впитавшись в кожу и насыщая ткани влагой. Жирный, питательный крем вбивается только под глаза. Самая дешевая маска на свете — водная — делается следующим образом: фланелевую пеленку или большой кусок марли смачивают в теплой воде, выкручивают и кладут на 20 минут на лицо. Чтобы люди с жирной кожей не чувствовали себя обиженными, я и им дам несколько советов, тем более что зимой жирная кожа тоже доставляет хлопоты. По крайней мере 1 раз в неделю рекомендуется теплая травяная маска из смеси трав (зверобой, полынь горькая, ромашка, мать-и-мачеха), которая не только лечит и увлажняет. При воспалении себорейной кожи помогают кремы «Росинка», «Календула», «Ромашка». Их наносят тонким слоем на лицо, умытое теплой водой с ихтиоловым мылом. Процедуру эту лучше всего делать в середине дня, а не на ночь. Склонная к себорее кожа ночью должна отдыхать. Только под глазами надо вбить немного увлажняющего крема.

Б. ВЫДУХОВА

(из книги «Ева всегда молода»)

Хочу предложить свой социальный проект, касающийся действительной помощи семье. Считаю, что нам сейчас крайне необходимо внести в законодательство о браке и семье такие положения:

1. Частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком увеличить до двух лет (то есть до того возраста, когда ребенок научится хорошо говорить, есть и одеваться самостоятельно).

3. По желанию отца предоставлять ему частично оплачиваемый отпуск на первые два месяца жизни ребенка для помощи жене по уходу за ребенком.

3. Предоставлять отцу ребенка до 1 года хотя бы 2 дня в месяц неоплачиваемого отпуска в любое время по требованию отца (он может взять его в случае кратковременной болезни жены, например, при простуде, высокой температуре от застывания грудного молока, да мало ли какие могут быть причины).

4. Разрешить выдачу больничных листов отцу для ухода за ребенком в случае болезни матери, находящейся в отпуске по уходу за ребенком (сейчас действует бесчеловечное правило — больничный листок по уходу за здоровым ребенком выдавать не положено). Скажете, нет средств? А почему в маленькой Болгарии нашли средства для установления трехлетнего оплачиваемого отпуска? Между прочим, размер «декретных» там равен минимальной зарплате. В той же Болгарии и других странах семьям, имеющим детей, дается немалая прибавка к зарплате на каждого ребенка — сравните с нашими двенадцатью рублями на ребенка до 8 лет многодетной семье. А ведь ни для кого не секрет, что наши многодетные семьи живут на грани нищеты. Настало время и нам задуматься о настоящей, а не «бумажной» помощи и матери, и детям, о помощи семье.

Е. МИХАЙЛЕНКО,
г. Тольятти

В КАКУЮ СТОРОНУ ОТКРОЕТСЯ ДВЕРЬ?

Очень бы не хотелось, чтобы наши дети встретили XXI век в сопровождении пьяного хора. Поэтому мы должны сегодня все силы направить на пропаганду здорового, трезвого образа жизни, прививать к нему вкус. И делать это надо, в первую очередь, обществу борьбы за трезвость и его учредителю — профсоюзу, комсомолу.

По своему Зализничному району города Киева знаю, что не везде эти организации правильно понимают свои задачи. Кое-где они преступно пассивны. Вот такой пример: пришли мы однажды с председателем городской ревизионной комиссии Общества, доктором медицинских наук А. Цыганковым на производственное трикотажное объединение им. Р. Люксембург. Хотели побеседовать с активом первички. Причем, замечу, пришли по приглашению председателя профкома Н. Поремской. Но она к нашему удивлению то и дело поглядывала на часы и торопила: мол, закругляйтесь, времени на такие разговоры нет. А с мест слышались раздраженные возгласы: «Зачем нам это Общество, раз мы сами не пьем?». Ушли мы с доктором медицинских наук, как говорится, несолоно хлебавши.

Однако явились потом туда снова и вместе с городским советом ВДОБТ провели на предприятии неделю пропаганды здорового, трезвого образа жизни. Очень неплохо получилось.

Да только партийные и профсоюзные активисты в этом деле почти не принимали участия. Заявили: «Вам надо?

Вы идите и проводите!» Меня беспокоит беспринципная позиция некоторых руководителей в этом вопросе. Представьте себе, что на недавнем пленуме районного совета председатель профкома завода гражданской авиации Н. Слободянюк выступил в защиту... традиции, когда юбиляра чествуют с бокалом вина или шампанского! На встрече с представителями средств массовой информации в мае прошлого года М. С. Горбачев верно сказал, что среди коммунистов наблюдается некоторая пассивность — часть из них ждет, в какую сторону откроется дверь. Думается, товарищ Слободянюк приоткрыл ее не в ту сторону... Чем мы стараемся переубедить наших противников в подобных ситуациях? Прежде всего — конкретным положительным примером. Мы сейчас многим рассказываем, как круто изменилось положение на Киевской хлопкопрядильной фабрике, где новый председатель первички ДОБТ А. Лозицкий стал работать в контакте с администрацией и профкомом. И в минувшем году на фабрике не было ни одного случая нарушения антиалкогольного законодательства ни на рабочем месте, ни вне предприятия.

Лично я считаю, что надо «будить» учредителей Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, иначе проиграем бой.

А. ЮРКЕВИЧ,
ответственный секретарь
Зализничного районного
совета ДОБТ г. Киева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Очнулся Степан только в понедельник утром, ощущая грохот в голове и неприятный осадок в пищеводе. Придя на работу, Степан в очередной раз увидел свой портрет. Этот портрет, выполненный в манере дружеского шаржа, регулярно вывешивался у проходной. Краска кое-где облупилась, микроскопические трещинки изъязвили образ Степана, а буквы «О» и «З» в слове «позор», обрамлявшим портрет вместо багета, расплылись и выглядели мерзко. «Эх,— горько подумал Степан,— реставрировать надо».

В обеденный перерыв Степана вызвали к директору. Директор привычно сидел в кабинете и был привычно сердит.

— Посмотри мне в глаза,— сказал он.

Степан посмотрел. Директор отвел глаза.

— Все,— внезапно осипшим голосом произнес директор, и повторил: — Всё! В этот ответственный момент, когда вся страна, весь, можно сказать, народ, в едином порыве, засучив рукава, приступили к... что делаешь ты? Ты — пьяница, дебошир, алиментщик, несун, доминошник... Ты...

Директор захлебнулся словами.

— Наша чаша полная,— отдышавшись, продолжил он.— Мы долго терпели. Но вот она, вот она — последняя капля.

И он выхватил откуда-то из-за спины листок бумаги, отставил его подальше от глаз и зловеще прочел: — Акт! Ты, Степан, уже до акта докатился. Слушай. Восьмого числа, будучи в нетрезвом состоянии, Утюгов С. П. в рабочее время проходя по цеху, зацепился левой ногой за правую руку, упал и ударил головой сотрудника заводской многотиражки Тютюшкина М. Ж. ...Врач констатировал ранение тупым предметом.

Повисло молчание. Степан пытался вспомнить Тютюшкина. Но перед глазами маячила физиономия вахтера Кузьмича, устроившего самогонный аппарат в сейфе с табельным оружием.

— Ты, Утюгов, совершил диверсию. А, может, и еще чего похуже. В то время, когда вся страна, весь народ в едином порыве... когда они, корреспон-

денты, на острие всего и всем дают по рукам, ты их — под ребра?! Работника печати тупым предметом!!

Отдохнув, директор сбавил тон:

— Нет, Степа, не за то я тебя виню, что у Тютюшкина кость слаба. И не за то, что природа наградила тебя крепкой, можно сказать, головой. Это Степа, наша общая беда. Виню я тебя за то, что, как мы ни бились, не усвоил ты простой истины: коль выпил на работе, то не шляйся по цеху. Вон Костя Курочкин. Молодой, а посмышленей тебя будет. Ежели припечет его на работе выпить, то у станка, как вкопанный, стоит. А не может стоять — сидит, не может сидеть — лежит. Но заметь: у станка! На своем рабочем месте. А ты?! Всё, Степа. Всё!! Тютюшкина нам не простят. Пиши заявление.

Выйдя от директора, Степан долго пил мутную водопроводную воду, долго искал чистый листок бумаги, долго принаравливался дрожащими руками к хлипкой шариковой ручке. А, принаоровившись, долго думал, ворочая мыслями, как тяжкими и шершавыми чугунами заготовками.

«Заявление» — написал, наконец, Степан. И ему стало дурно. Когда дурнота отпустила, Степан неожиданно для себя сообразил: «Избавится от меня хочет». И дописал: «В директивные органы». После этого на Степана нашло вдохновение...

Через два часа все было кончено. Неровные степны строчки сложились в документ убийственной силы:

«В тот ответственный момент, когда вся страна, весь народ, засучив рукава, застоявшись, в едином порыве рванулись вперед, наш директор не рванулся и на имеющиеся еще у нас негативные явления смотрит сквозь пальцы и не несет никакой ответственности за те бурные процессы, которые проходят в коллективе нашей фабрики.

Более того, он совершенно не занимается воспитанием нашего народа и не вникает, какие радости и горести булбурют наших работников. Следствием негуманной этой позиции стал случай, происшедший со мной, Утюговым С. П.

Воспользовавшись преступной халатностью руководства, я, будучи удручен вышеуказанной халатностью, 8 числа усугубил, и, находясь на работе в тяжелой стадии, пошел по цеху в плохом настроении. Мысли мои путались, в связи с чем я был вынужден головой, или медицински говоря, тупым предметом, травмировать сотрудника заводской многотиражки Тютюшкина М. Ж.

Доколе можно терпеть такое?

Ни строгие выговоры, ни лишение всех видов премии, ни инфаркт на нашего директора не действуют. Работники продолжают пить, нарушать производственную дисциплину, нести все, что плохо лежит, выдавать бракованную продукцию.

Учитывая изложенное, предлагаю обязать директора оплатить Тютюшкину полным рублем бюллетень, перенести директорский отпуск на зимний период и отодвинуть его очередь на квартиру в хвост.

В тот период, когда вся страна, весь народ, засучив рукава, застоявшись, в едином порыве рванулись вперед по всем направлениям, прошу рассмотреть мое заявление с учетом современных требований. О принятых мерах прошу доложить мне, Степану Утюгову, и нашим ребятам в трехдневный срок».

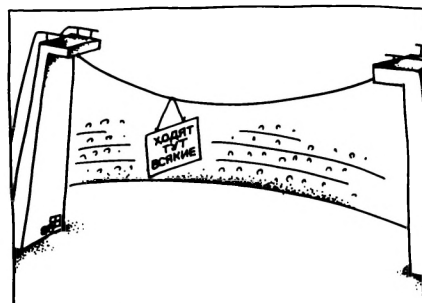
* * *

На следующий день Степану выдали премию и путевку в дом отдыха. А Тютюшкина уволили по сокращению штатов.

— Слишком много у нас этих корреспондентов развелось, — сказал директор. — Ходят по цехам, работать людям мешают.

В. ВАКУЛЕНКО

ВЕСЕЛЫЙ ВЕРНИСАЖ

В. Федоров г. Челябинск

Л. Воробьев г. Шауляй

Е. Снежко г. Ярославль

Цена 40 коп.

Индекс 70987

Снегокат «АРГАМАК» — трехлыжные сани с рулевым управлением и мягким сиденьем — живо промчит Вас и Вашего ребенка по склонам гор!

Небольшая — всего 7,2 кг — масса делает катание на снегокате приятным и безопасным.

«АРГАМАК» снабжен ножным тормозом, окрашен в яркие цвета.

К месту катания транспортируется с помощью удобного тросика с пластмассовой ручкой. Длина снегоката — 1 100 мм, ширина — 480 мм, высота — 410 мм.

Грузоподъемность — 100 кг.

Цена — 33 руб.

Приобрести снегокат можно в магазинах спорттоваров и спортивных секциях универмагов.

**ЛЮБИШЬ КАТАТЬСЯ? — ПОКУПАЙ
СНЕГОКАТ «АРГАМАК»!**